

Министерство просвещения Российской Федерации  
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет  
им. К. Д. Ушинского»  
Юго-Западный университет КНР  
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ  
при Министерстве Образования КНР



**Мир русскоговорящих стран**

**俄语国家评论**

**World of Russian-speaking countries**

Научный журнал

2023 – № 3 (17)

Ярославль  
2023

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

**Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries** : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – № 3 (17). – 175 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17. – EDN NJENEQ.  
2023, № 3 (17). – 500 экз.

#### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Большерева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Стой Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дагэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фучи**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сюэгао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Холнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кориковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Юго-Западный университет КНР, 2023

© Авторы статей, 2023

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.  
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU  
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

**World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论** : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,  
2023. – № 3 (17). – 175 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17. – EDN NJEHEQ.  
2023, № 3 (17). – 500 pieces.

#### EDITORIAL BOARD

**Xie Zhou**, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2023

© Southwest University of the People's Republic of China, 2023

© Authors of articles, 2023

## Мир русскоговорящих стран

---

### СОДЕРЖАНИЕ

#### ПОЛИТОЛОГИЯ

**Баранов Н. А.** Российская государственность в условиях современных геополитических вызовов .....5

**Эпштейн В. А., Акчурина А. В.** Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии .....21

**Кушнарев Ф. Ю.** Веб-сайты российских университетов как механизм реализации «мягкой силы» в зарубежной стратегии России.....42

#### ФИЛОЛОГИЯ

**Соколов Б. В.** Образ В. И. Ленина в произведениях М. А. Булгакова .....61

**Жун Цзе, Му Дзявэй** Художественное своеобразие «Первых опытов» Б. Пастернака .....83

**Бокарев А. С., Кorableva А. В.** Советское как «иное»: живописный экфрасис в лирике Алексея Цветкова .....101

**Бактыбаева А. Т.** Способы передачи комического в современном казахстанском романе (на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE»).....115

#### КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**Ерохина Т. И.** Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры .....128

**Денисова Г. В., Сапунова О. В., Журавлева А. В.** Языковые манифестации этнокультурной идентичности на о. Сардиния .....145

**Андреева В. Г.** «Закат» усадебной культуры в повести Б. К. Зайцева «Анна» .....159

### THE CONTENT

#### POLITICAL SCIENCE

**Baranov N. A.** Russian statehood in the context of modern geopolitical challenges.....6

**Epshtein V. A., Akchurina A. V.** Cultural diplomacy as a tool of “soft power” in the foreign policy of the Russian Federation in Central Asian countries.....22

**Kushnarev F. Yu.** Russian university websites as a mechanism for implementing “soft power” in Russia's foreign strategy.....43

#### PHILOLOGY

**Sokolov B. V.** The image of V. I. Lenin in M. A. Bulgakov's works .....62

**Rong Jie, Mu Jiawei** Artistic uniqueness of B. Pasternak's “First Experiments” .....84

**Bokarev A. S., Korableva A. V.** The Soviet as “other”: vivid ekphrasis in Alexei Tsvetkov's lyrics .....102

**Baktybayeva A. T.** Ways of expressing the comic in the modern Kazakhstan novel (based on the novel by D. Satpayev and E. Zhumagulov “The Legend of NOMENCLATURE”) .....116

#### CULTURAL SCIENCE

**Erokhina T. I.** Cultural memory as a means to preserve spiritual and moral values of russian culture .....129

**Denissova G. V., Sapunova O. V., Zhuravleva A. V.** Linguistic manifestation of Sardinia inhabitants' ethnocultural identity ..146

**Andreeva V. G.** “Decline” of estate culture in the story “Anna” by B. K. Zaitsev .....160

Научная статья  
УДК 321.011  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_5  
EDN EXOTMY

**Российская государственность в условиях современных  
геополитических вызовов**

**Николай Алексеевич Баранов**

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений,  
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяй-  
ства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,  
г. Санкт-Петербург  
nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

*Аннотация.* В статье акцентируется внимание на значимости государственности в современном хаотичном мире с явно выраженной турбулентностью – неопределенностью в международных отношениях. Кардинальные перемены на международной арене требуют пересмотра отношений к таким понятиям как «суверенитет», «государственная состоятельность». Целью работы является выявление особенностей российской государственности в современных условиях геополитического развития. Задачами исследования выступают выявление особенностей адаптации современных государств к новым геополитическим реалиям и характеристика российской государственности в XXI веке. Методологической основой исследования стала неореалистическая парадигма, выделяющая государство в качестве ключевого актора современной политической системы, а также теория классического реализма, акцентирующая внимание на учете воздействия внешней среды на государство и на внутренней мотивации государств. Следует отметить появление западных теорий международных отношений, включающих философское и идеологизированное содержание. С точки зрения автора, в основе государственной состоятельности лежит способность эффективно решать внутри- и внешнеполитические проблемы, сохранять суверенитет, формировать национальную идентичность, убеждать общество в правильности выбранного пути развития. Вопреки неолиберальному подходу, который привел к кризисным явлениям в западных странах, Российская Федерация отстаивает свою государственность, право самостоятельно решать собственные проблемы и проводить независимую внешнюю политику, отвечать на геополитические вызовы, входить в межгосударственные союзы, расторгать невыгодные

---

© Баранов Н. А., 2023

соглашения, объединяться с другими субъектами в собственных интересах, привнося свой вклад в формирование полицентричного мирового порядка. Поддержка обществом предложенного руководством страны вектора развития является ключевым источником легитимности власти и государственной состоятельности России.

**Ключевые слова:** геополитические вызовы; государственная состоятельность; государственность; общероссийская гражданская идентичность; полицентричный мир; суверенитет

Представленное исследование проведено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта «Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов», выполненного в ИНИОН РАН

**Для цитирования:** Баранов Н. А. Российская государственность в условиях современных геополитических вызовов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 5-20. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_5](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_5). <https://elibrary.ru/EXOTMY>.

---

## POLITICAL SCIENCE

---

Original article

### **Russian statehood in the context of modern geopolitical challenges**

**Nikolay A Baranov**

Doctor of political sciences, professor at the department of international relations, Northwest Institute of management, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Saint-Petersburg  
nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

**Abstract.** The article focuses on the importance of statehood in today's chaotic world with pronounced turbulence – uncertainty in international relations. Radical changes in the international arena require a revision of attitudes to such concepts as "sovereignty" and "statehood". This work aims to identify the specific features of Russian statehood in the current conditions of geopolitical development. The objectives of the research are to identify the specifics of modern states' adaptation to new geopolitical realities and to characterize Russian statehood in the XXI century. The methodological basis of the study is the neorealist paradigm, which singles out the state as a key actor in the modern political system, as well as the theory of classical realism, which emphasizes the impact of the environment on states and on the states' internal motivation. Noteworthy is the emergence of non-Western theories of international relations with philosophical and ideologized content. According to the author, the basis of statehood is the ability to effectively solve national and foreign policy problems, preserve sovereignty, form national identity, and convince the society in choosing the right direction of development. Contrary to the neoliberal approach that has led to crises in Western countries, the Russian Federation defends its statehood, its right to independently solve

its own problems and pursue an independent foreign policy, to respond to geopolitical challenges, to join interstate alliances, to terminate unfavorable agreements, and unite with other subjects in its own interests, contributing to the formation of a polycentric world order. Public support for the development vector proposed by the country's leaders is the key source of the government's legitimacy and Russia's statehood.

**Key words:** geopolitical challenges; state credibility; statehood; Russian civil identity; polycentric world; sovereignty

This research was funded by EISI as part of the research project “State Identity Policy in the Context of New Geopolitical Challenges”, carried out at ISISS RAS.

**For citation:** Baranov N. A. Russian statehood in the context of modern geopolitical challenges. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 5-20. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_5](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_5). <https://elibrary.ru/EXOTMY>.

### Введение

Современный мир находится в поиске нового сбалансированного состояния, преодолевая кризисную неустойчивость и геополитическую неопределенность, которые характеризуются сменой приоритетов общественно-политического развития, появлением новых глобальных и региональных лидеров, преодолением угроз миру и процветанию человечества. Глобальные перемены, затрагивающие все сферы жизни общества, сочетаются с хаотичностью социально-экономической и политической действительности.

Кардинальные перемены, с которыми сталкивается человечество в XXI веке, с одной стороны, являются объективными, так как определяются независящими от людей обстоятельствами, с другой стороны, являются следствием субъективных действий международных акторов. Процессы глобализации, пик которых пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х гг., способ-

ствовали экономическому подъему развивающихся стран и деиндустриализации промышленно развитых государств. Дискуссии относительно понятия «суверенитет» оказались замаскированной уловкой ведущих стран мира, прежде всего США, призывающих государства передать существенную часть своего суверенитета на надгосударственный уровень или международным организациям, для более эффективного решения проблем безопасности и социально-экономического развития. В основе такой политики лежат идеи и ценности западного мира, главным образом неолиберальные, которые навязываются остальным цивилизациям в качестве безальтернативных без учета их культурных традиций и цивилизационных особенностей.

В сложившихся условиях высокую актуальность приобретает тема государственной состоятельности государства, его способности адекват-

ватно отвечать на угрозы и вызовы современности.

#### **Теоретические основания исследования**

Государство как политический институт и его роль в условиях глобализации регулярно оказываются в центре внимания исследователей. С точки зрения А. Н. Чумакова, в осмыслении глобализации произошло смещение в сферу мироустройства и поиска практических шагов выстраивания нового мирового порядка. Как полагает российский философ, приоритетным для исследователей становится интерес к тому, «как сформировать новый международный порядок в целостном взаимозависимом мире, чтобы он стал, наконец, безопасным и стабильным» [Чумаков, 2023, с. 413-414]. При такой постановке вопроса на первый план выходит способность государства как одного из основных международных акторов к выполнению внутренних и внешних функций в формирующемся миропорядке.

Неореализм как методологическое направление в исследовании международных отношений по-прежнему уделяет государству приоритетную роль. Так, основатель данного направления К. Уолтц [Waltz, 1979] выделял государство в качестве ключевого актора международной системы, отмечая влияние конкуренции на поведение государства, а также взаимодействия с негосударственными акторами в международной сфере. С. Уолт

[Walt, 1990] развил данную теорию, предложив концепцию международных отношений как «баланс угроз», против которых государства, чаще всего малые и средние страны, объединяются, создавая альянсы не только для того, чтобы уравновесить силы, но и для того, чтобы уравновесить угрозы.

В конце XX века возникла теория неоклассического реализма как «попытка возврата к классическому реализму в новых условиях» [Фененко, 2019, с. 80]. Г. Роуз, заложивший основы данной теории, акцентировал внимание на учете воздействия внешней среды на государства и на внутренней мотивации государств, которая характеризуется борьбой за власть [Rose, 1998]. При этом неоклассический реализм обращается к конструктивистскому подходу для учета влияния негосударственных акторов, лоббистских групп или общественного мнения на формирование внешней политики государства.

Следует отметить, что появляются незападные теории международных отношений, основывающиеся на симбиозе идеологии, модернизации и идеях древнекитайской философии [Алексеева, 2018]. Так, Жао Тингъян, основываясь на конструктивистском подходе, сопоставил древнюю китайскую политическую систему и современную мировую систему. Китайский теоретик полагает, что глобализирующийся мир не представляет единое целое, а национальные государства оста-



ются как для общества, так и в международной политической системе главным субъектом [Zhao, 2009].

Таким образом, происходит формирование и поиск наиболее адекватных научных теорий для объяснения современных геополитических реалий, и те теории, которые оставляют за государством значимую или решающую роль, остаются актуальными и востребованными.

#### **Адаптация государств к новым геополитическим реалиям**

А. И. Соловьев предлагает трактовать современное государство «как территориальную форму организации диверсифицированной общественной власти, где правящее меньшинство поддерживает свое легальное господство при помощи специализированного аппарата управления и символической поддержки значимых для населения традиций и ценностей...» [Соловьев, 2020, с. 60]. Кроме традиций и ценностей значимым является способность власти удовлетворять минимальные потребности общества, главным образом, в социально-экономической сфере для поддержания уровня жизни, приемлемого для большинства населения.

Многочисленные проблемы, с которыми сталкивается современное человечество, не способны решить ни международные организации, ни страны-гегемоны. В каждой конкретной стране эти проблемы

наиболее эффективно разрешаются социальными институтами, имеющими государственную привязку, наиболее приближенную к жителям определенной территории. Недаром В. В. Лапкин называет государство «главным ресурсом выживания и развития сообщества в ситуации социальных, природных, политических и иного рода катастроф и «провалов в управлении» [Лапкин, 2020, с. 79]. Никакая другая форма политического представительства интересов общества на данный момент развития не является более эффективной, чем государственные институты управления.

Ф. Фукуяма в своей книге 2004 года «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» пишет о том, что слабые государства являются причиной нестабильности не только в отдельных странах, но и в международных отношениях. Если малые и «слабые страны, не способные оказывать влияние, в силу естественных причин предпочитают жить в мире норм, законов и институтов, ограничивающих более могущественные государства», то такие ведущие страны мира, как США, хотели бы «иметь свободу действий, не быть обремененными никакими обязательствами» [Фукуяма, 2010, с. 186]. Рассуждая о различиях в представлениях о суверенитете между США и странами Евросоюза, американский политолог отмечает, что «внутри Евросоюза, где суверенитет уступает надгосу-

дарственным организациям, они действительно создали мир конца истории» [Фукуяма, 2010, с. 195], то есть победы либеральной демократии. Однако «мир и безопасность в их европейском «мыльном пузыре» гарантированы в конечном итоге американскими военными силами» [Фукуяма, 2010, с. 195].

В XXI веке появились новые вызовы, на которые необходимо своевременно реагировать в целях поддержания социально-политической и экономической стабильности. Проблемы миграции, связанный с нею кризис идентичности в национальных государствах, террористическая угроза, экстремизм и международная преступность требуют каждодневного внимания и разрешения не столько силами международного сообщества, сколько возможностями государственных институтов. Опыт европейских государств свидетельствует о том, что игнорирование интересов собственных граждан в угоду мультикультурной политики, негативно сказывается на социальной и политической ситуации в стране. Возникающие политические размежевания и расколы в западных обществах создают благоприятную почву для разрастания преступности на этнической и религиозной почве, распространения экстремизма и снижения поддержки государственным институтам со стороны граждан. В незападных обществах добавляются проблемы, связанные с несформированностью нации, вли-

янием на становление государственности внешних акторов, включая ведущие страны и международные организации, которые зачастую приводят к обострению внутривнутриполитической конфликтности, свидетельствующей о неэффективности и слабости государства.

Признавая проблемы с либеральной демократией [Fukuuyama, 2022], Ф. Фукуяма полагает, что одной из причин «глобальной рецессии» [Diamond, 2015], связанной с распространением авторитаризма и популистского национализма, является политика идентичности, проводимая в интересах малых групп, а не широких слоев населения. По мнению американского политолога, проблема современной американской власти, связанной с Демократической партией, состоит в том, что они строят базу своих сторонников не на основе крупных сообществ, а «обращаются к все более мелким группам, подверженным специфической маргинализации» [Фукуяма, 2019, с. 122]. Таким образом происходит противопоставление значительной части американского общества, что выражается в неспособности государства стабилизировать ситуацию в стране.

Наряду с проблемами во многих странах в последние десятилетия мир стал свидетелем грандиозных успехов Китая, прежде всего в социально-экономической сфере, а также на международной арене. В

научном дискурсе появился термин «китайская модель», характеризующая китайский путь развития, в основе которого лежит социализм с китайской спецификой, включающий реформы и открытость, развитие общественных производительных сил, создание социалистической рыночной экономики, политического строя социалистической демократии, гармоничного социалистического общества и социалистической экологической культуры, стимулирование всестороннего развития человеческой личности, создание богатого, могущественного, демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства [Чжан Боин, 2020]. Успехи китайского государства повысили авторитет и влияние страны на международной арене, что позволило китайскому политическому руководству выступить с инициативой построения сообщества единой судьбы человечества для содействия миру и развитию на планете. Таким образом появился международный опыт успешной внутриполитической деятельности государства, что позволило активизировать его внешнюю политику и влияние на мирополитические проблемы.

Вместе с тем в последние десятилетия на международной арене появились новые субъекты мировой политики, формирующие политический контекст – транснациональные корпорации, глобальные СМИ, IT-компании, неправительственные

организации, частные вооруженные компании и т. д. Как показывает практика, появление множественных негосударственных субъектов международных отношений не способствует разрешению большинства вызовов и угроз, возникающих в современном мире, не приводит к уменьшению функций государства, а лишь изменяет их, адаптируя к существующей реальности.

Становление нового мирового порядка, формирование полицентричного мира оказывает решающее влияние на характер государственности, формирование региональных структур и наднациональных союзов. Как прогнозирует В. И. Пантин, «на протяжении 2020-х – начала 2030-х годов будут происходить дальнейшие важные внутри- и внешнеполитические сдвиги, влияющие на природу и функции государства. Эти сдвиги будут стимулироваться и сопровождаться многочисленными кризисами, старыми и новыми социальными и политическими размежеваниями, усилением внутренней и глобальной нестабильности» [Пантин, 2020, с. 107].

#### **Российская государственность в XXI веке**

Российская государственность подвергалась серьезным испытаниям когерентно с возрастающим влиянием на мировые политические процессы. После февральской речи В. В. Путина в 2007 году на Мюнхенской конференции по без-

опасности ведущие западные страны стали препятствовать интеграционным процессам, связанным с Российской Федерацией.

В 2005 г. появились дорожные карты с ЕС по четырем общим пространствам – экономического, свободы, безопасности и правосудия, разработаны новые экономические проекты («Северный поток», «Южный поток» и др.). С 2002 года начались переговоры с Европейским союзом о создании безвизового пространства, а с 2007 г. – о заключении нового стратегического договора между Россией и ЕС. Однако ни один из этих проектов не получил продолжения. После событий на Украине, связанных со сменой власти, 6 марта 2014 года главы государств и правительств ЕС приняли совместное заявление по Украине, в котором, в частности, заявили о приостановке переговоров с Россией о визах. Практически прекратилось сотрудничество на высшем уровне между руководством Евросоюза и Российской Федерацией. Последний саммит Россия-ЕС состоялся 28 января 2014 г. в Брюсселе. 10 июня 2015 года Европейский парламент принял резолюцию, в которой призывает «критически пересмотреть» отношения Евросоюза с Россией и больше не считать Россию стратегическим партнером Евросоюза [Европарламент призвал ... , 2015].

В российском политическом руководстве вплоть до 2014 г. рассчитывали на взаимное сближение с

западными странами, прежде всего с ЕС. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. констатируется: «Приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни. С учетом растущей востребованности коллективных усилий государств перед лицом транснациональных вызовов и угроз Россия выступает за достижение единства региона без разделительных линий, через обеспечение подлинно партнерского взаимодействия России, Европейского союза и США» [Концепция внешней политики ... ]. Тем не менее, несмотря на открытый характер российской внешней политики, западные страны, прежде всего США, игнорировали предложения и озабоченности России, касающиеся безопасности страны.

В целях разрешения назревших противоречий МИД РФ 17 декабря 2021 года опубликовал проекты договоров России с США и НАТО о гарантиях безопасности [Договор между Российской Федерацией ... , 2021], которые были переданы США 15 декабря. 26 января 2022 г. были получены американский и натовский ответы, в которых не были учтены такие принципиальные озабоченности России, как недопущение расширения НАТО, отказ от размещения ударных систем во-

оружий вблизи российских границ, а также возврат военного потенциала и инфраструктуры блока в Европе на позиции 1997 г., когда был подписан Основополагающий акт Россия – НАТО. Нежелание западных стран, и прежде всего США, признать озабоченности России в отношении национальной безопасности вынудило российское политическое руководство предпринять шаги по обеспечению безопасности ее границ и русскоязычных граждан на сопредельной территории. Объявленная специальная военная операция стала следствием невозможности другим путем разрешить назревшие проблемы.

В сложившихся условиях проблема государственности для России становится еще более острой. Для реализации своих функций российское государство в условиях беспрецедентного санкционного давления должно решать свои задачи перед населением страны, обеспечивая его всем необходимым, а также способствуя инновационному развитию. В этих целях осуществляется выверенная финансовая политика, переориентация промышленного производства на отечественную технологическую базу, проводятся работы по созданию современной инфраструктуры. Особое внимание уделяется социальной политике, поддержке наиболее уязвимых слоев населения, развитию образования и сферы здравоохранения.

Показатели социально-экономического развития страны свидетельствуют об успешном решении поставленных задач и адаптации экономики страны к создавшимся условиям. Об этом свидетельствуют следующие показатели: в соответствии с данными Всемирного банка, по итогам 2022 года Россия стала пятой экономикой мира по паритету покупательной способности, обогнав Германию и все европейские страны [Gross Domestic ... , 2023]; «в I полугодии 2023 года объем денежных доходов населения увеличился на 9,7 % по сравнению с I полугодием 2022 года» [Социально-экономическое положение ... , 2023, с. 162]; «реальные денежные доходы, по оценке, во II квартале 2023 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличились на 5,0 %» [Социально-экономическое положение ... , 2023, с. 164]; «среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в мае 2023 г. составила 72 851 рубль и по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличилась на 16,1 %» [Социально-экономическое положение ... , 2023, с. 166]. Таким образом, можно констатировать, что государство в сложных санкционных условиях старается эффективно решать свои задачи.

Для Российской Федерации суверенитет является жизненно необходимым условием ее выживания в складывающемся мировом порядке,

сохранения национальной государственной идентичности в глобализирующемся мире и успешного социального развития. Причем суверенитет достигается не только военно-экономическими методами, но и сплочением общества, объединением людей вокруг национальной идеи. Выступая на третьем ежегодном форуме Агентства стратегических инициатив «Сильные идеи для нового времени», Президент России В. В. Путин заявил: «...общественные, предпринимательские, волонтерские инициативы – это настоящий мотор развития. А сильное, ответственное гражданское общество – основа суверенитета нашей страны» [Форум АСИ ... , 2023].

В целях патриотического воспитания граждан страны, в первую очередь молодежи, с 1 сентября 2023 года в качестве обязательной дисциплины в вузах вводится дисциплина «Основы российской государственности». Активная деятельность молодежных организаций патриотической направленности поддерживается президентскими и правительственными грантами, проводятся молодежные форумы, такие как «Территория смыслов», Форум социального призвания, «Евразия Global», форум ИТ-технологий «ФИЧА» и т. д.

Произошла активизация деятельности по формированию общероссийской гражданской идентичности, которая интерпретируется как «осознание гражданами Рос-

сийской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [Указ Президента РФ ... , 2012]. Для полиэтничного российского общества фактор национальной идентичности является принципиально значимым, так как, по мнению Ф. Фукуямы, «национальная идентичность начинается с общей веры в легитимность политической системы страны, независимо от того, является она демократической или нет» [Фукуяма, 2019, с. 161].

Политика по укреплению российской государственности была поддержана обществом. Так, по данным социологических служб население страны поддерживает политику действующего президента, что является убедительным показателем ее успешности. Согласно опросов Фонда «Общественное мнение», доверие В. В. Путину составляет 73 % [Доверие В. В. Путину ... , 2023], по данным ВЦИОМ – 77,2 % [Рейтинги доверия ... , 2023], а по данным Левада-Центра\* одобряют деятельность В. Путина 82 % респондентов [\*\*Одобрение деятельности ... , 2023].

### Заключение

Таким образом, мы наблюдаем кардинальные изменения в мире,

связанные с геополитическими вызовами, неспособностью человечества эффективно противостоять существующим угрозам, нежеланием договариваться друг с другом, попытками продвигать идеологизированные проекты, с которыми не согласна существенная часть современных государств. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России 31 марта 2023 года, отмечается: «Высокий уровень взаимозависимости, глобальный охват и транснациональный характер вызовов и угроз ограничивают возможности обеспечения безопасности, стабильности и процветания отдельных государств, военно-политических и торгово-экономических союзов. Только объединение потенциалов и добросовестных усилий всего международного сообщества на основе баланса сил и интересов способно обеспечить эффективное решение многочисленных проблем современности, мирное поступательное развитие больших и малых государств, человечества в целом» [Указ Президента Российской ... , 2023].

Проблема государственности становится приоритетной как для

стран западного, так и незападного мира. В основе государственной состоятельности лежит способность эффективно решать внутри- и внешнеполитические проблемы, сохранять суверенитет, формировать национальную идентичность, убеждать общество в правильности выбранного пути развития. Важнейший атрибут государственности – это возможность самостоятельно решать назревшие проблемы и отвечать на геополитические вызовы, входить в межгосударственные союзы, расторгать невыгодные соглашения, объединяться с другими субъектами в собственных интересах, что не представляется возможным в однополярном мире.

В сложившихся геополитических условиях Россия способствует становлению полицентричного мира, придерживается приоритета политики суверенитета и укрепления российской государственности. Эта политика включает социально-экономическую, идеологическую, политическую составляющие, деятельность по сплочению российского общества и является достаточно эффективной, о чем свидетельствует ее поддержка населением страны.

#### Библиографический список

1. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): политическая теория и международные отношения. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2018. 623 с.
2. Доверие В. Путину // ФОМ. Политические индикаторы. № 33. 24.08.2023. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d33pi2023.pdf>. (Дата обращения: 25.08.2023).

3. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности: проект // Официальный сайт МИД РФ. 17.12.2021. URL: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/rso/nato/1790818/](https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/). (Дата обращения: 25.08.2023).
4. Европарламент призвал не рассматривать Россию как стратегического партнера // Интерфакс. 10 июня 2015 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/446803>. (Дата обращения: 25.08.2023).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>. (Дата обращения: 25.08.2023).
6. Лапкин В. В. Потенциал адаптации современного государства к условиям глобального разупорядочивания // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семеновко (отв. ред.), В. В. Лапкина, В. И. Пантина. Москва : Весь Мир, 2020. С. 63-84.
7. \*\*Одобрение деятельности Владимира Путина // \*Левада-Центр. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikator/>. (Дата обращения: 25.08.2023).
8. Пантин В. И. Государство и государственность в первой половине XXI века: переформатирование в контексте глобальных сдвигов // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И. С. Семеновко (отв. ред.), В. В. Лапкина, В. И. Пантина. Москва : Весь Мир, 2020. С. 85-107.
9. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 25.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25082023>. (Дата обращения: 25.08.2023).
10. Соловьев А. И. Государство: смыслы и образы // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И. С. Семеновко (отв. ред.), В. В. Лапкина, В. И. Пантина. Москва : Весь Мир, 2020. С. 37-62.
11. Социально-экономическое положение России (январь-июнь 2023 г.). Москва : РОССТАТ, 2023. 303 с.
12. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года №229 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf>. (Дата обращения: 03.05.2023).
13. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=llqjvliuu4873449611>. (Дата обращения: 25.08.2023).
14. Фененко А. В. Неореализм в политической теории // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2019. С. 61-83.



15. Форум АСИ «Сильные идеи для нового времени». 29 июня 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71554>. (Дата обращения: 30.07.2023).
16. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
17. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. Москва : АСТ : АСТ Москва ; Владимир : ВКТ, 2010. 222 с.
18. Чжан Боин (гл. ред.) Социализм с китайской спецификой: почему «да»? / Пер. с китайского О.В. Мигуновой, В.Г. Бурова. Санкт-Петербург : Издательство восточной литературы «Даотун», 2020. 392 с.
19. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2023. 456 с.
20. Diamond L. Facing Up do the Democratic Recession // Journal of Democracy. 2015. N 26 (1). P. 141-155.
21. Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.
22. Gross Domestic Product (GDP). URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx>. (Дата обращения: 25.08.2023).
23. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144-172.
24. Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y. : McGraw Hill, 1979. 256 p.
25. Walt S.M. The Origins of Alliances. Cornell University Press. 1990. 321 p.
26. Zhao T.A. Political World Philosophie in Terms of All-under-heaven (Tian Xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 5-18.

#### Reference list

1. Alekseeva T. A. Sovremennaja politicheskaja mysl' (XX-XXI vv.): politicheskaja teorija i mezhdunarodnye otnoshenija = Modern Political Thought (XX-XXI centuries): Political Theory and International Relations. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Aspekt Press, 2018. 623 s.
2. Doverie V. Putinu = Trusting V. Putin // FOM. Politicheskie indikatory. № 33. 24.08.2023. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d33pi2023.pdf>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).
3. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Soedinennymi Shtatami Ameriki o garantijah bezopasnosti: proekt = The Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Security Guarantees: draft // Oficial'nyj sajt MID RF. 17.12.2021. URL: [https://mid.ru/ru/foreign\\_policy/rso/nato/1790818/](https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/). (Data obrashhenija: 25.08.2023).
4. Evroparlament prizval ne rassmatrivat' Rossiju kak strategicheskogo partnera = European Parliament urges not to consider Russia as a strategic partner // Interfaks. 10 ijunja 2015 g. URL: <https://www.interfax.ru/world/446803>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

5. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (12 fevralja 2013 g.) = The Concept of the Russian Federation's Foreign Policy (February 12, 2013). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

6. Lapkin V. V. Potencial adaptacii sovremennogo gosudarstva k uslovijam global'nogo razuporjadochivaniya = The potential of adapting the modern state to the conditions of global disordering // Gosudarstvo v politicheskoj nauke i social'noj real'nosti XXI veka / pod red. I.S. Semenenko (otv. red.), V. V. Lapkina, V. I. Pantina. Moskva : Ves' Mir, 2020. S. 63-84.

7. Odobrenie dejatel'nosti Vladimira Putina = Approval of Vladimir Putin's activities // Levada-Centr. Indikatory. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

8. Pantin V.I. Gosudarstvo i gosudarstvennost' v pervoj polovine XXI veka: pereformatirovanie v kontekste global'nyh sdvigov = The state and statehood in the first half of the XXI century: reformatting in the context of global shifts // Gosudarstvo v politicheskoj nauke i social'noj real'nosti XXI veka / pod red. I. S. Semenenko (otv. red.), V. V. Lapkina, V. I. Pantina. Moskva : Ves' Mir, 2020. S. 85-107.

9. Rejtingi doverija politikam, ocenki raboty prezidenta i pravitel'stva, podderzhka politicheskikh partij = Ratings of trusting politicians, assessing the performance of the president and the government, and supporting political parties // VCIOM. Analiticheskij obzor. 25.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejtingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25082023>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

10. Solov'ev A.I. Gosudarstvo: smysly i obrazy = The State: meanings and images // Gosudarstvo v politicheskoj nauke i social'noj real'nosti XXI veka / pod red. I. S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkina, V.I. Pantina. Moskva : Ves' Mir, 2020. S. 37-62.

11. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii (janvar'-ijun' 2023 g.) = Social-economic situation in Russia (January-June 2023). Moskva: ROSSTAT, 2023. 303 s.

12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» ot 31 marta 2023 goda №229 = The Decree by the President of the Russian Federation “On Establishing the Concept of the Russian Federation Foreign Policy” of March 31, 2023, No. 229 // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf>. (Data obrashhenija: 03.05.2023).

13. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. N 1666 “O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” (s izmenenijami i dopolnenijami) = The Decree by the President of the Russian Federation of December 19, 2012 N 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025” (as amended) // Garant. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=llqjvliuu4873449611>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

14. Fenenko A. V. Neorealizm v politicheskoj teorii = Neorealism in political theory // Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija: Nauchnoe izdanie / otv. red.

O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Aspekt Press, 2019. S. 61-83.

15. Forum ASI «Sil'nye idei dlja novogo vremeni». 29 ijunja 2023 g. = ASI Forum “Strong Ideas for New Times”. June 29, 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71554>. (Data obrashhenija: 30.07.2023).

16. Fukujama F. Identichnost': stremlenie k priznaniju i politika neprijatija = Identity: the pursuit of recognition and the policy of rejection / Per. s angl. Moskva : Al'pina Publisher, 2019. 256 s.

17. Fukujama F. Sil'noe gosudarstvo: upravlenie i mirovoj porjadok v XXI veke / [per. s angl.] = The strong state: governance and world order in the XXI century / [translated from English]. Moskva : AST : AST Moskva ; Vladimir : VKT, 2010. 222 s.

18. Chzhan Boin (gl. red.) Socializm s kitajskoj specifikoju: pochemu «da»? = Socialism with Chinese specificity: why yes? / Per. s kitajskogo O.V. Migunovoj, V. G. Burova. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo vostochnoj literatury «Daotun», 2020. 392 s.

19. Chumakov A. N. Globalizacija. Kontury celostnogo mira = Globalization. Contours of a holistic world : monografija. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Prospekt, 2023. 456 s.

20. Diamond L. Facing Up do the Democratic Recession // Journal of Democracy. 2015. N 26 (1). P. 141-155.

21. Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.

22. Gross Domestic Product (GDP) URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx>. (Data obrashhenija: 25.08.2023).

23. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144-172.

24. Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. 256 p.

25. Walt S.M. The Origins of Alliances. Cornell University Press. 1990. 321 p.

26. Zhao T.A. Political World Philosophie in Terms of All-under-heaven (Tian Xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 5-18.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 19.06.2023; approved after reviewing 15.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

**\* Данное лицо выполняет функции иностранного агента**

**\*\* Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента**

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_21

EDN SDZLJP

### **Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии**

**Виталий Анатольевич Эпштейн<sup>1</sup>✉, Алина Вадильевна Акчурина<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

<sup>2</sup>Ведущий специалист Группы организации и сопровождения международных и ключевых мероприятий Управления международного развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

<sup>1</sup>epshteinv@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

<sup>2</sup>akalina01@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0628-0361>

**Аннотация.** В статье предпринята попытка анализа современной публичной дипломатии Российской Федерации в странах Центральной Азии. В тексте работы определяется значимость данного региона, рассматриваются основные инструменты и институты осуществления культурной дипломатии России, такие как Фонд «Русский мир», Федеральное агентство Россотрудничество, российские вузы и филиалы. В статье утверждается, что ключевым вопросом российской культурной дипломатии является сохранение статуса и роли русского языка, рассматриваются его роль и статус в рамках конституционного законодательства стран Центральной Азии. Авторы делают вывод о сокращении поля применения русского языка и об отсутствии среды для его изучения в сельских и отдаленных регионах рассматриваемых государств. В тексте проводится сравнительный анализ культурной дипломатии Российской Федерации, Турецкой Республики, США и КНР которые пытаются укрепить свое влияние в странах Центральной Азии, используя инструменты «мягкой силы», рассматриваются сильные и слабые стороны российской культурной дипломатии в регионе, заявляется, что конкурентными преимуществами по сравнению с другими игроками являются все ещё сохраняющаяся роль русского языка, деятельность «Русских домов», привлечение студентов из Центральной Азии для обучения в России, обучение студентов в филиалах российских вузов на территории стран региона, гранты, организация ежегодных мероприятий, конкурсов, научных конференций и мастер-классов, выставок, кинопоказов и пр. Отмечается, что политическое руководство центральноазиатских государств, в свою очередь, стремится проводить политику

---

© Эпштейн В. А., Акчурина А. В., 2023

---

*Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии* 21

многовекторности, чтобы осложнить процесс укрепления влияния каждого из перечисленных игроков. В заключительной части работы проводится SWOT-анализ «мягкой силы» России в регионе Центральной Азии для возможного формирования стратегий деятельности.

**Ключевые слова:** Россия; Центральная Азия; культурная дипломатия; «мягкая сила»; русский язык; Россотрудничество; Казахстан; Кыргызстан; Узбекистан; Таджикистан; Туркменистан

**Для цитирования:** Эпштейн В. А., Акчурина А. В. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в странах Центральной Азии // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 21-41. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_21](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_21). <https://elibrary.ru/SDZLJP>.

Original article

### **Cultural diplomacy as a tool of “soft power” in the foreign policy of the Russian Federation in Central Asian countries**

**Vitaly A. Epshtein<sup>1✉</sup>, Alina V. Akchurina<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Candidate of sociology, associate professor, head of the department of world economy and international relations, Institute of Business Administration, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Moscow.

<sup>2</sup>Leading specialist of the Group for organization and support of international and key events of the International development department, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Moscow.

<sup>1</sup>[epshteinv@gmail.com](mailto:epshteinv@gmail.com)<sup>✉</sup>, <https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>

<sup>2</sup>[akalina01@mail.ru](mailto:akalina01@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0008-0628-0361>

**Abstract.** The article attempts to analyze the modern public diplomacy of the Russian Federation in the countries of Central Asia. The work defines the significance of this region, examines the main tools and institutions of Russia's cultural diplomacy, such as the “Russian World” Foundation, The Federal Agency for the CIS Affairs (Rossotrudnichestvo), Russian universities and branches. The article claims that the key issue of Russian cultural diplomacy is to preserve the status and role of the Russian language, and examines its role and status within the framework of the constitutional legislation of Central Asian countries. The authors conclude that the field of using the Russian language is decreasing and that there are no conditions for learning it in the rural and remote regions of the states under consideration. The article provides a comparative analysis of the cultural diplomacy of the Russian Federation, the Republic of Turkey, the United States and China, which are trying to strengthen their influence in Central Asia using “soft power” instruments. The authors consider the strengths and weaknesses of Russian cultural diplomacy in the region, stating that the competitive advantages of Russia over other players are the still strong role of the Russian language, the activities of “Russian Houses”, attracting students from Central Asia to study in Russia, training students in the branches of Russian universities in the region, different grants, organizing annual events, contests, scientific conferences and master classes,

exhibitions, film festivals etc. The political leaders of the Central Asian states, in turn, seek to pursue a multi-vector policy in order to impede the process of strengthening the influence of each of the above-mentioned players. The final part of the article presents a SWOT analysis of Russia's "soft power" in the Central Asian region aimed at the possible formation of operational strategies.

**Key words:** Russia; Central Asia; cultural diplomacy; "soft power"; Russian language; Rossotrudnichestvo; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; Tajikistan; Turkmenistan

**For citation:** Epshtein V. A., Akchurina A. V. Cultural diplomacy as a tool of «soft power» in the foreign policy of the Russian Federation in Central Asian countries *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 21-41. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_21](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_21). <https://elibrary.ru/SDZLJP>.

### Актуальность исследования

Культура как инструмент «мягкой силы» является эффективным средством укрепления межгосударственных отношений, а культурная дипломатия представляет собой эффективное средство решения внешнеполитических задач. На современном этапе развития данного вида дипломатии для России одним из ключевых регионов, где она применяется, является Центральная Азия.

Общее историческое прошлое, географическая близость, русское (число проживающих соотечественников в настоящее время в Центральной Азии составляет около 4,8 млн человек [Пантюшов, 2019]) и русскоговорящее население региона, большое количество мигрантов, которые приезжают в Россию (91 % всех трудовых мигрантов являются выходцами из стран СНГ, 83 % из них представлены рабочими из стран Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) (Козлов А. Коли-

чество мигрантов выросло на четверть, несмотря на кризис // *Ведомости*. 01.07.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/30/929354-kolichestvo-migrantov>. (Дата обращения: 02.07.2023)), участие в общих интеграционных процессах, экономические взаимоотношения, являются главными причинами заинтересованности России в данном регионе. Таким образом, актуальность работы заключается в том, что она позволяет определить место, роль и будущее культурной дипломатии России применительно к региону Центральной Азии.

### Постановка проблемы

Основными инструментами культурной дипломатии РФ в обозначенном регионе являются совместные культурные, обменные, языковые программы и образовательные программы двойных дипломов, кинематограф, музейные выставки, проведение фестивалей, форумов, конференций, семинаров,

предоставление грантов и стипендий для научных исследований и обучения в России, использование медиа ресурсов, совместные проекты в сфере искусства.

Ключевыми институтами осуществления культурной дипломатии РФ в центральноазиатских странах являются Фонд «Русский мир», Федеральное агентство Рос-сотрудничество, а также российские вузы и их филиалы.

В России существуют и другие институты, напрямую или косвенно связанные с культурной дипломатией: Фонд Горчакова, Всемирная ассоциация выпускников российских (советских) вузов, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Росконцерт», которое организует гастроли российских театров по зарубежному направлению благодаря программе «Большие гастроли». Составной частью культурной дипломатии является международный проект Правительства и Министерства культуры Российской Федерации фестиваль «Русские сезоны» и т. д.

Фонд «Русский мир» был создан в 2007 году, к его основным целям за рубежом можно отнести: популяризацию русского языка, а также осуществление программ, направленных на изучение русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья [Фонд «Русский мир»]. В странах центральноазиатского региона, как и в других зарубежных государствах, в рамках деятельности «Русского мира» открыты русские центры, со-

зданные в партнёрстве с образовательно-просветительскими организациями. Согласно данным, представленным на сайте Фонда «Русский мир», русские центры «предоставляют широкий доступ к культурно-историческому и литературному наследию русского мира, методике и практике российского образования, современным творческим идеям и программам» [Фонд «Русский мир»]. На сегодняшний день в Казахстане действует два русских центра (города Актобе и Алматы), в Кыргызстане три (города Бишкек, Ош, Кант), в Таджикистане четыре (все в городе Душанбе), в Узбекистане их было четыре (города Ташкент, Самарканд, Фергана, Чиназ), однако в настоящее время информация о русских центрах Узбекистана удалена со страницы фонда «Русский мир» [Фонд «Русский мир»]. В Туркменистане русские центры не открывались.

В целом, русские центры предоставляют доступ к информационным материалам, научно-методической литературе, библиотечным собраниям. В русских центрах местные жители могут изучать русский язык и культуру, в рамках программ русских центров возможно проведение различных дискуссий и обсуждений, проходят литературные и творческие встречи с представителями русской и русскоязычной культуры, просмотр и обсуждение художественных фильмов, проводятся мастер-классы для детей желающих познакомиться с русскими национальными ремеслами. Таким образом русские центры



предоставляют возможность для коммуникации, обучения и культурного обмена.

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) было создано в 2008 году [Россотрудничество]. Приоритетным направлением осуществления деятельности для Россотрудничества являются Страны СНГ, представительства Федерального агентства есть в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане.

Говоря о деятельности Россотрудничества, необходимо отметить, что основными направлениями являются: усиление позиций русского языка, образовательная деятельность, продвижение российской культуры и науки, участие в программах помощи странам, историко-мемориальная деятельность. Организация осуществляет такие программы, как «Новое поколение» (предоставляет возможность молодым специалистам из зарубежных стран посетить Россию для того, чтобы «установить профессиональные контакты, выстроить долгосрочные партнерские отношения с российскими государственными и негосударственными структурами, молодежными и общественными организациями» [Россотрудничество]), «Здравствуй, Россия!» (дети из зарубежных госу-

дарств могут посетить Россию для знакомства с русской культурой и языком на основе конкурсного отбора), «Переселение соотечественников» (содействие добровольному переселению соотечественников за рубежом «на постоянное место жительства на стратегически важные для России территории»), «Миссия Добро» (проект, направленный на развитие международного волонтерства и гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами) [Россотрудничество]. Помимо указанных программ агентство выделяет гранты юридическим лицам на проведения мероприятий, направленных на популяризацию русского языка и культуры России.

В рамках Россотрудничества осуществляется и так называемая образовательная дипломатия. Ежегодно студентам из Центральной Азии предоставляется возможность обучаться в российских вузах в пределах установленных квот по результатам отбора, проводимого агентством. В свою очередь и российские вузы самостоятельно проводят отбор абитуриентов в странах Центральной Азии, организуя свои олимпиады и экзамены.

Об успешной деятельности по привлечению студентов из Центральной Азии для обучения в России свидетельствуют следующие данные Министерства науки и высшего образования РФ: на январь 2022 года в России обучалось 61 тыс. студентов из Казахстана, 48,7 тыс. студентов из Узбекистана,

30,6 тыс. студентов из Туркменистана, 23,1 тыс. студентов из Таджикистана и 8,6 тыс. студентов из Кыргызстана [Число иностранных студентов в России ... , 2022].

В рамках федерального проекта «Экспорт образования» планируется увеличить количество иностранных студентов, обучающихся в России, до 710 тысяч к 2025 году, что позволит сохранить возможность получения российского образования для граждан Центральной Азии [О приоритетном проекте «Экспорт образования»].

Говоря о филиалах российских вузов, необходимо отметить, что большинство из них расположены на территории стран СНГ (82 % от количества всех филиалов [Новые филиалы российских вузов появятся в ряде стран]) и осуществляют свою деятельность именно в центральноазиатском регионе: «филиалы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в Ташкенте (Узбекистан), Душанбе (Таджикистан), в Астане (Казахстан)» [Подразделения МГУ], «филиалы Московского авиационного института в Байконуре, Челябинского государственного университета в Костанае, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов в Алматы (Казахстан)» [Филиалы российских вузов в Казахстане], «филиалы Национального исследовательского технологического университета (НИТУ) «МИСиС» и Национального исследовательского

университета (НИУ) «МЭИ» в Душанбе (Таджикистан)» [Сотрудничество России и Таджикистана], «филиалы Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) «МИФИ», Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Санкт-Петербургского государственного университета в Ташкенте (Узбекистан)» [Пятнадцатый филиал ... ], «филиалы Российского государственного социального университета в городе Ош и Казанского национального исследовательского технологического университета в городе Кант» [Сотрудничество РФ с Киргизией], филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова в Ташкенте и это лишь часть действующих филиалов.

Следует отметить, что ключевым вопросом российской культурной дипломатии является сохранение статуса и роли русского языка. В Концепции внешней политики России, новая редакция которой была опубликована 31 марта 2023 года, в разделе «Международное гуманитарное сотрудничество» статья 43, пункт 2 отмечена необходимость поддержки «распространения русского языка и укреплению его позиций как языка международного общения, одного из официальных языков ООН и ряда других международных организаций, содействию изучению и использованию русского языка в ино-

странных государствах (прежде всего в государствах – участниках СНГ)...» [Указ об утверждении ...]. Сохранение и укрепление позиций русского языка в странах Центральной Азии является стратегической задачей российской дипломатии, поскольку позволяет не только расширить культурные связи, но и дает возможность для улучшения экономического взаимодействия между странами, расширить трансграничную торговлю, обеспечивает активное участие разных стран в российских экономических проектах. Также важную роль во всех сферах жизни среднеазиатских стран играет этнически русское и русскоязычное население.

На сегодняшний день в Республике Казахстан из 19 737 730 населения (на 20.08.2023) [Счетчик населения Казахстана] 84 % в той или иной степени знают русский язык [Русский язык ...], в стране проживает 3 млн этнически русских [Численность населения Республики Казахстан]; в Кыргызской Республике из 6 871 274 (на 20.08.2023) [Счетчик населения Кыргызстана, 2023] 50 % знают русский язык [Русский язык ...], в стране проживает 341 тыс. этнически русских [Национальный состав ...]; в Республике Узбекистан из 35 069 099 (на 20.08.2023) [Счетчик населения Узбекистана] 41 % владеют русским языком в разной степени [Русский язык в Центральной Азии лучше всего знают в Казахстане], в стране проживает около 720 тыс. русских

[Демография. Агентство ...]. Хуже всего знают русский язык в Республике Таджикистан – 33 % из 10 221 954 человек (на 20.08.2023) [Счетчик населения Таджикистана], из которых 34,8 тыс. русских (по данным переписи 2010) и в Туркменистане – 18 % населения из 6 268 701 (на 20.08.2023) [Счетчик населения Туркменистана], из которых около 155 тыс. русских [Русский язык ...].

В настоящее время русский язык обладает статусом официального языка (не стоит путать с государственным языком) в Казахстане, что закреплено в разделе I статья 7 пункт 2 Конституции Республики Казахстан [Конституция Республики Казахстан]. Необходимо отметить, что в стране (с 2023 по 2031 год) планируется осуществить постепенный переход языка от кириллицы на латиницу. В Кыргызстане статус официального языка закреплен за русским языком согласно разделу первому главы I статья 13 пункт 2 Конституции Кыргызской Республики [Конституция Кыргызской Республики], однако поле его применения неуклонно сокращается. 18 января 2022 года парламент Кыргызстана в первом чтении поддержал конституционный закон «О государственном языке Кыргызской Республики», согласно которому использование киргизского языка станет обязательным в 11 сферах: государственная служба, педагогическая, научная, медицинская, судебная деятельность, географиче-

ские наименования, СМИ и т. д. Кроме того, предполагается увеличить объем обязательного теле- и радиовещания на киргизском языке с 50 до 65 %. 19 апреля 2023 года киргизский парламент принял проект конституционного закона о языке во втором чтении [Жогорку Кенеш принял ... , 2023]. Необходимо отметить, что Кыргызстан все еще остается государством, использующим кириллицу, однако в стране с 2013 года действует Национальная комиссия по государственному языку при президенте и ее председатель на заседании парламента в апреле 2023 года заявил о том, что разработано уже несколько вариантов перехода киргизского языка на латиницу.

В Таджикистане русский язык является языком межнационального общения, что закреплено в главе I статья 2 пункт 2 Конституции Республики Таджикистан [Конституция Республики Таджикистан] и, хотя в стране идут разговоры о возможности перехода на арабский алфавит, последний сохраняет свое кириллическое написание. В стране происходит сокращение количества русскоязычных школ, а процесс преподавания русского языка затруднен в связи с нехваткой учителей и учебников. Наибольшие проблемы с изучением русского языка существуют в сельской местности и небольших городах, где наблюдается почти полное отсутствие среды для его изучения.

В Туркменистане переход на латиницу был осуществлен еще в 1992 году [Бекмурзаев, 2019], а в 1996 году русский язык был лишен статуса языка межнационального общения, отсутствуют радио- и телевизионные каналы на русском языке, обучение в вузах ведется исключительно на туркменском языке [Евдокимов, 2020]. В Узбекистане в 1993 году был принят закон «О введении узбекского алфавита на основе латинского алфавита» [Закон Республики ... ], сокращается количество школ с обучением на русском языке. Помимо этого, в стране действует закон, который требует транслировать 70 % теле- и радиопередач на государственном языке [Бекмурзаев, 2019]. Из страны продолжается отток русскоязычного населения, что также приводит к снижению уровня использования русского языка. На фоне этих тенденций по сокращению использования русского языка в Узбекистане в активно реализуется программа «Класс! Зур!», направленная на повышение качества преподавания русского языка и общеобразовательных предметов на русском языке. Данный проект является ярким примером эффективного взаимодействия Министерства образования РФ с Министерством народного образования республики Узбекистан. Проект реализуется при частной финансовой поддержке благотворительного фонда Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт» и его основным исполните-

лами являются: с российской стороны – РГПУ имени А. И. Герцена и Международный центр образования «Интердом» имени Е. Д. Стасовой, с узбекской – Национальный исследовательский институт изучения проблем и определения перспектив народного образования имени А. Авлони. Цели проекта – продвижение русского языка и культуры, распространение лучших российских образовательных практик, создание учебно-методической и учебной базы для преподавания и изучения русского языка в Узбекистане. К реализации проекта в настоящее время (2022/23 учебный год) привлечены 153 российских специалиста, из них – 104 учителя русского языка и 35 учителей-предметников. Проект реализуется во всех регионах и в 14 городах Республики Узбекистан и уже стал флагманом не только в сфере изучения русского языка и культуры в регионе, но ведущей площадкой для российско-узбекистанского сотрудничества в области общего образования (*Тютюкова А., Попова, А. Россия и Узбекистан: сотрудничеству крепнуть // Педагогические вести. 2022, дек. С. 7*). В рамках данного проекта также проводятся образовательные форумы, научно-методические конференции, проводится большая работа по подготовке абитуриентов из Узбекистана для обучения в российских вузах. Описанная нами программа уже даёт положительный результат использования инструментов политики мяг-

кой силы в Узбекистане и позволит в дальнейшем укрепить не только позиции русского языка в республике, но и быть ориентиром для реализации подобных проектов в других странах Центральной Азии.

Рассматривая вопрос об использовании «мягкой силы» российской дипломатии следует обратить внимание, что страны Центральноазиатского региона – важная часть дипломатии и для других государств. Помимо России в странах Центральной Азии ряд акторов пытается укрепить своё влияние, используя инструменты мягкой силы. Это связано с геоэкономическим положением региона (запасы полезных ископаемых, транзитные коридоры, возможность осуществления крупных экономических проектов, участие стран региона в евразийской экономической интеграции), военно-политическими причинами (фактор Афганистана, не допущение дестабилизации ситуации в регионе) и т. д.

К наиболее активным игрокам следует отнести Турцию, США и Китай. У каждой из стран проведение культурной дипломатии, имеет свои особенности, так, например, США, в основном используют политику по «продвижению демократии», за осуществление которой отвечает Агентство США по международному развитию (USAID) [Пономарев, 2020]. Для реализации культурной дипломатии используются ресурсные центры при посольствах и «американские угол-

ки», программы образовательного обмена для школьников (FLEX) и студентов, специалистов и учёных (The Fulbright Program). Усиливается влияние и в сфере высшего образования: с 1993 года в Кыргызстане действует Американский университет Центральной Азии (Бишкек), в Казахстане открыты филиалы американских вузов Michigan State University (Астана), University of Arizona (Петропавловск) [Филиал еще ... ] и т. д.

Турция опирается на пантюркистскую концепцию (необходимо отметить, что Таджикистан является единственной ираноязычной страной Центральноазиатском регионе, что выводит его за рамки Организации тюркских государств), пытаясь укрепить сотрудничество тюркоязычных государств, активно используя инструменты гуманитарной, культурной и образовательной дипломатии при помощи Международной организации тюркской культуры. Анкара проводит конкурсный отбор для бесплатного обучения в стране в рамках программы Türkiye Bursları, которая позволяет студентам-иностранцам обучаться в 50 ведущих университетах Турции по различным про-

граммам, в Казахстане действует Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави (Туркестан).

Китай рассматривает регион как важную часть проекта экономического развития «Один пояс – один путь», направляя в него инвестиционные потоки и предоставляя кредиты, используя сотрудничество в рамках ШОС и целый ряд образовательных проектов (глобальная сеть Институтов Конфуция) и предоставляет стипендиальные программы для иностранных граждан из Центральной Азии. В ходе государственного визита президента Республики Казахстан К-Ж. Токаева в КНР в мае 2023 года было подписано соглашение об открытии в Казахском национальном университете филиала Северо-Западного политехнического университета Китая [В КазНУ откроется филиал ... , 2023].

#### Результаты исследования

Более наглядно сравнительный анализ культурной дипломатии основных акторов, конкурирующих за влияние в Центральной Азии представлен в таблице 1.

Таблица 1.

#### Сравнительный анализ культурной дипломатии основных акторов, конкурирующих за влияние в Центральной Азии

Факторы влияния	Страны			
	Российская Федерация	Турецкая Республика	США	КНР
Язык	Распространённость русского языка в регионе (родной язык для	Близость большинства языков стран Цен-	Престижность изучения английского	Институты Конфуция, которые

俄语国家评论

Факторы влияния	Страны			
	Российская Федерация	Турецкая Республика	США	КНР
	более 10 % населения региона), в ряде школ обучение на русском языке или русский язык преподаётся как предмет. Действуют филиалы российских вузов (Московского государственного университета Московского института стали и сплавов, Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина, Российского экономического университета имени Плеханова и др.)	тральной Азии с турецким языком, следовательно, привлекательность турецкого образования в рамках образовательной программы Türkiye Bursları, необходимость его изучения для поступления в турецкие вузы. Изучение турецкого в лицеях (Казахско-турецкий лицей), вузах (Международный Казахско-Турецкий Университет им. Ходжи Ахмеда Ясави)	языка в школах, наличие вузов с английским языком обучения (Американский Университет в Центральной Азии в Бишкеке, анонсирование передачи Северо-Казахстанского государственного университета в доверительное управление University of Arizona)	предоставляют возможность изучить китайский язык, китайскую литературу в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане
Гранты, образовательные программы	Представительства Россотрудничества осуществляют отбор иностранных граждан на обучение в России в пределах квоты, также проводят курсы повышения квалификации для учителей русского языка	Стипендиальная программа Turkish Bursları	FLEX – некоммерческая программа обмена для старшеклассников, стипендии и гранты на обучение в университетах страны (The Fulbright Program, Alumni Grants Program)	Гранты на обучение в вузах, стипендиальные программы
Культура	Русские дома: фестивали (Фестиваль музыки Сергея Рахманинова в Астане), семинары и мастер-классы (семинар для учителей рус-	Международная организация тюркской культуры (из центральноазиатских стран:	Деятельность ресурсных центров при посольствах, небольшие центры-	Культурные центры, сотрудничество в рамках ШОС (фестиваль

## Мир русскоговорящих стран

Факторы влияния	Страны			
	Российская Федерация	Турецкая Республика	США	КНР
	ского языка в Узбекистане, мастер-классы российского скрипача Валерия Вороны в Астане, зимняя школа ГИТИСа в Казахстане) выставки (экспозиция, организованная Музеем Московского Кремля в выставочных залах Астаны, выставка вологодского кружева была показана в Национальном музее Казахстана), форумы [Новости // Россотрудничество]	Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан): организация конкурсов (конкурс молодых художников «тюркский мир»), конференций, фотовыставок, фестивалей (фестиваль детей тюркского мира), спортивных игр (Всемирные игры кочевников) [Новости // Tuksoy]	библиотеки (52 центра в ЦА) [Лебедева, 2014], бесплатные образовательные программы (технический лагерь Makerscamp for Girls), деятельность американских уголков и культурных центров	китайского языка и культуры в рамках «Недели чтения-2022» в Узбекистане) [Узбекистан и Китай ... , 2022], подкомитеты (например, по культурно-гуманитарному сотрудничеству между Республикой Казахстан и КНР (сотрудничество в сфере культуры и искусства, образования)

Помимо этого, в регионе действуют филиалы вузов стран ЕС, Великобритании, Южной Кореи, Сингапура, что указывает на возрастающую конкуренцию в регионе. Политическое руководство центральноазиатских государств, в свою очередь, стремится проводить политику многовекторности, чтобы усложнить процесс укрепления влияния каждого из игроков.

Анализируя современные инструменты публичной дипломатии России в Центральной Азии необходимо отметить, что они отличаются разной степенью эффективности и для определения необходимой стратегии дальнейшего развития культурной дипломатии страны, необходимо провести SWOT-анализ (см. табл. 2).



Таблица 2.

**SWOT-анализ российской культурной дипломатии в ЦА**

<p><b>Сильные стороны:</b> образовательные программы Россотрудничества, количество филиалов российских вузов, количество проводимых культурных и образовательных программ Русскими домами, фондами, негосударственными организациями, музейное сотрудничество, исторические связи, количество русскоговорящего населения, инструменты проведения культурной дипломатии, доставшиеся от СССР</p>	<p><b>Слабые стороны:</b> отсутствие разработанной концепции публичной дипломатии для центральноазиатского региона, не диверсифицированные культурные и образовательные программы для региона, сосредоточение по большей части на взаимодействии с соотечественниками за рубежом</p>
<p><b>Возможности:</b> заинтересованность во взаимодействии со стороны стран Средней Азии в научной, образовательной, музейной сферах, количество мигрантов из Средней Азии, интеграционные процессы</p>	<p><b>Угрозы:</b> укрепление позиций новых игроков в регионе, сокращение количества русскоязычного населения, уменьшение количества русскоязычных СМИ, санкционная политика в отношении Российской Федерации, сокращение миграционного притока в РФ</p>

На основе SWOT-анализа можно составить четыре потенциальных стратегии культурной дипломатии России в ЦА.

**Сильные стороны (возможности):**

1. Использование ряда инструментов публичной дипломатии: предоставление образовательных грантов для получения высшего образования в России, проведение форумов, конференций, организация курсов повышения квалификации преподавателей русского языка, организация выставок, лекций, семинаров, кинофестивалей повысит заинтересованность среднеазиатских государств к сотрудничеству в данных сферах.

2. Историческая общность и количество русскоговорящего населения могут ускорить экономические

и интеграционные процессы в регионе (ЕАЭС).

3. Повышение престижности изучения русского языка и культуры благодаря деятельности институтов публичной дипломатии в Центральной Азии привлечет большее количество желающих получать высшее образование в России.

**Сильные стороны (угрозы):**

1. Увеличение количества грантов для обучения в России и совершенствование работы институтов культурной дипломатии, общее историческое прошлое, эти факторы помогут сохранить положение страны в сфере культурной дипломатии в регионе, нивелировав риски расширения деятельности конкурентов.

2. Использование эффективных инструментов культурной диплома-

тии (выставочная дипломатия, музейное сотрудничество, «Русские сезоны», проведение совместных форумов и мероприятий), нацеленных не только на соотечественников за рубежом, поможет укрепить позиции российской публичной дипломатии, несмотря на отток русскоязычного населения.

**Слабые стороны (возможности):**

1. Заинтересованность к взаимодействию стран Центральной Азии в научной, образовательной, музейной сферах должна подтолкнуть к разработке концепции публичной дипломатии страны в регионе.

2. Интеграционные процессы и миграционные потоки должны помочь сосредоточиться не только на соотечественниках за рубежом, но и на других группах населения.

**Слабые стороны (угрозы):**

1. Необходимо создание чёткой концепции публичной дипломатии страны в центральноазиатском регионе для того, чтобы укрепить позиции в регионе на фоне деятельности других акторов.

2. Необходимо диверсифицировать методы публичной дипломатии в каждой из стран на основе различных факторов, в том числе опираясь на данные о количестве русскоговорящего населения для того, чтобы сосредотачиваться не только на соотечественниках за рубежом (их количество в ряде стран сокращается).

Данные стратегии могут сочетаться друг с другом, а могут использоваться отдельно. Первая

стратегия позволяет понять, каким образом использовать сильные стороны с максимальной эффективностью, вторая стратегия о том, как использовать преимущества, чтобы уменьшить потенциальные угрозы, третья помогает найти способы, как использовать возможности, чтобы избавиться от слабых сторон, и наконец, четвертую стратегию можно интерпретировать, как способ понять, на какие аспекты обратить внимание, чтобы не допустить усиления угроз.

**Заключение**

Подводя итог, необходимо отметить, что ключевыми элементами российской публичной дипломатии в центральноазиатском регионе является русский язык, образовательные программы, проведение выставок, конференций, форумов, музейная деятельность. Россия все ещё обладает конкурентными преимуществами по сравнению с другими игроками: роль русского языка, деятельность «Русских домов», гранты, организация ежегодных мероприятий, конкурсов, научных конференций и мастер-классов, выставок, кинопоказов.

Говоря об эффективности культурной дипломатии, осуществляемой Российской Федерацией в странах Центральной Азии, необходимо отметить, что в связи с расширением деятельности других стран в регионе в сфере публичной дипломатии, а также с оттоком русскоязычного населения, России необходимо совершенствовать стратегию осу-

ществления данного вида «мягкой силы» для того, чтобы сохранить существующее положение и снизить потенциальное негативное влияние обозначенных угроз.

На данный момент существует негативная тенденция изменения положения русского языка в регионе Центральной Азии. Снижение уровня использования и значимости русского языка, несомненно, приведет к ослаблению «мягкой силы» России в рассматриваемом регионе, что, в свою очередь, негативно повлияет на двусторонние взаимоотношения. Для сохранения

влияния необходимо увеличивать финансирование работы «Русских домов» и филиалов российских вузов, улучшать имидж образования в России для привлечения центральноазиатских студентов, предоставлять максимальные возможности для повышения квалификации центральноазиатских преподавателей русского языка, а также расширять проведение совместных форумов, мероприятий и конференций, которые будут повышать уровень заинтересованности в знании и использовании русского языка.

#### Библиографический список

1. Евдокимов А. Н. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы / А. Н. Евдокимов, Т. А. Давыдова, Д. А. Савкин // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т.7, №3. С. 373-388.
2. Бассаров О. Казахстанский вуз отдадут в управление University of Arizona. 23.01.2022. // URL: [https://forbes.kz/process/education/kazahstanskiy\\_vuz\\_otdadut\\_v\\_upravlenie\\_universit\\_y\\_of\\_arizona/](https://forbes.kz/process/education/kazahstanskiy_vuz_otdadut_v_upravlenie_universit_y_of_arizona/). (Дата обращения: 19.02.2023).
3. Бекмурзаев Н. Положение русского языка в Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting 2019. URL: [https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii#\\_ftn9](https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-tsentralnoj-azii#_ftn9). (Дата обращения: 06.03.2023).
4. Боришполец К. П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2(35). С. 63-70.
5. В КазНУ откроется филиал университета КНР. 17.05.2023 // URL: <https://www.kaznu.kz/ru/3/news/one/37540/>. (Дата обращения: 08.08.2023).
6. Демография. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. 01.01.2021. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>. (Дата обращения: 12.08.2023).
7. Жогорку Кенеш принял во втором чтении проект конституционного закона о госязыке. 19.04.2023. URL: <https://kg.akipress.org/news:1905344/?from=kgnews&place=search&sth=d8378522bb7f6f91ba20df6cbbb2eed3>. (Дата обращения: 10.08.2023).
8. Закон Республики Узбекистан, от 02.09.1993 г. № 931-ХП О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=56088\\_zakon\\_respubliki\\_uzbekistan\\_ot\\_02\\_09\\_1993\\_g\\_n\\_931-](https://nrm.uz/contentf?doc=56088_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_02_09_1993_g_n_931-)

xii\_o\_vvedenii\_uzbekskogo\_alfavita\_osnovannogo\_na\_latinskoy\_grafike&products=1\_vse\_zakonodatelstvo\_uzbekistana. (Дата обращения: 08.08.2023).

9. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года) // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>. (Дата обращения: 06.03.2023).

10. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.06.2021 года) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: [https://www.akorda.kz/ru/official\\_documents/constitution](https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution). (Дата обращения: 06.03.2023).

11. Конституция Республики Таджикистан (принята референдумом 6 ноября 2014 года) (в редакции референдума от 26.09.1999 г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016г.) // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>. (Дата обращения: 06.03.2023).

12. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2(35). С. 47-55.

13. Национальный состав населения (оценка на начало года, человек) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/>. (Дата обращения: 23.08.2023).

14. Новости // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/novosti/>. (Дата обращения: 23.08.2023).

15. Новости // Turksoy. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU>. (Дата обращения: 20.02.2023).

16. Новые филиалы российских вузов появятся в ряде стран // Российский союз ректоров. URL: <https://rsg-online.ru/news/>. (Дата обращения: 23.08.2023).

17. О приоритетном проекте «Экспорт образования». Правительство России. URL: <http://government.ru/info/27864/>. (Дата обращения: 09.03.2023).

18. Пантюшов И. В. Динамика и география русского населения Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана / И. В. Пантюшов, В. Н. Федорко // Русское Географическое Общество Пензенское областное отделение. 2019. URL: <https://www.rgo.ru/ru/penzenskoe-oblastnoe-otdelenie/ob-otdelenii/publikacii/dinamika-i-geografiya-russkogo-naseleniya>. (Дата обращения: 02.07.2023).

19. Подразделения МГУ // Московский государственный университет имени Ломоносова. URL: <https://www.msu.ru/info/struct/>. (Дата обращения: 02.03.2023).

20. Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т.7, №1. С. 18-28.

21. Пятнадцатый филиал российского вуза откроется в Узбекистане этой осенью // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Дата обращения: 02.03.2023).

22. Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/>. (Дата обращения: 10.08.2023).

23. Русский язык в Центральной Азии лучше всего знают в Казахстане // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/news/48713/>. (Дата обращения: 23.08.2023).
24. Сотрудничество России и Таджикистана: филиалы российских вузов, совместные экспедиции и Славянский Университет // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Дата обращения: 02.07.2023).
25. Сотрудничество РФ с Киргизией: межвузовское взаимодействие, Кыргызско-Российский Славянский университет, исследования высокогорного Тянь-Шаня // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Дата обращения: 02.07.2023).
26. Счетчик населения Казахстана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>. (Дата обращения: 20.08.2023).
27. Счетчик населения Кыргызстана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kyrgyzstan>. (Дата обращения: 20.08.2023).
28. Счетчик населения Таджикистана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Tajikistan>. (Дата обращения: 20.08.2023).
29. Счетчик населения Туркменистана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Turkmenistan>. (Дата обращения: 20.08.2023).
30. Счетчик населения Узбекистана. URL: <https://countrymeters.info/ru/Uzbekistan>. (Дата обращения: 20.08.2023).
31. Узбекистан и Китай: векторы культурного сотрудничества. 01.10.2022. Янги Узбекистон. URL: <https://yuz.uz/ru/news/uzbekistan-i-kitay-vektor-kulturnogo-sotrudnichestva>. (Дата обращения: 23.08.2023).
32. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>. (Дата обращения: 12.07.2023).
33. Филиал еще одного американского вуза откроют в Казахстане. 09.08.2022. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1982350-filial-esche-odnogo-amerikanskogo-vuza-otkroyut-v-kazahstane/>. (Дата обращения: 09.09.2023)
34. Филиалы российских вузов в Казахстане готовят высококвалифицированные кадры для экономики двух стран // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Дата обращения: 02.06.2023).
35. Фонд «Русский мир» // Информационный портал фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/fund/>. (Дата обращения: 10.08.2023).
36. Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023г.). Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/>. (Дата обращения: 12.08.2023).
37. Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. 28.01.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/>. (Дата обращения: 02.08.2023).

Reference list

1. Evdokimov A. N. Russkij jazyk v Central'noj Azii: sovremennoe sostojanie i perspektivy = The Russian language in Central Asia: the current state and prospects / A. N. Evdokimov, T. A. Davydova, D. A. Savkin // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. T.7, №3. S. 373-388.
2. Bassarov O. Kazahstanskij vuz otdadut v upravlenie University of Arizona. 23.01.2022 = A Kazakhstan university will be placed under the management of the University of Arizona. 23.01.2022 // URL: [https://forbes.kz/process/education/kazahstanskij\\_vuz\\_otdadut\\_v\\_upravlenie\\_universit\\_y\\_of\\_arizona/](https://forbes.kz/process/education/kazahstanskij_vuz_otdadut_v_upravlenie_universit_y_of_arizona/). (Data obrashhenija: 19.02.2023).
3. Bekmurzaev N. Polozhenie russkogo jazyka v Central'noj Azii = The situation with the Russian language in Central Asia // Central Asian Bureau for Analytical Reporting 2019. URL: [https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-sentralnoj-azii#\\_ftn9](https://cabar.asia/ru/polozhenie-russkogo-yazyka-v-stranah-sentralnoj-azii#_ftn9). (Data obrashhenija: 06.03.2023).
4. Borishpolec K. P. Russkij jazyk v central'no-aziatskom regione = Borishpolets K.P. The Russian language in Central Asian region // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. №2(35). S. 63-70.
5. V KazNU otkroetsja filial universiteta KNR. 17.05.2023 = KazNU will open a branch of a PRC university. 17.05.2023 // URL: <https://www.kaznu.kz/ru/3/news/one/37540/>. (Data obrashhenija: 08.08.2023).
6. Demografija. Agentstvo statistiki pri Prezidente Respubliki Uzbekistan = Demography. Statistics Agency under the President of the Uzbekistan Republic. 01.01.2021. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>. (Data obrashhenija: 12.08.2023).
7. Zhogorku Kenesh prinjal vo vtorem chtenii proekt konstitucionnogo zakona o gosjazyke. 19.04.2023 = Zhogorku Kenesh adopted in the second reading the draft of the constitutional law on the state language. 19.04.2023. URL: <https://kg.akipress.org/news:1905344/?from=kgnews&place=search&sth=d8378522bb7f6f91ba20df6cbbb2eed3>. (Data obrashhenija: 10.08.2023).
8. Zakon Respubliki Uzbekistan, ot 02.09.1993 g. № 931-XII O vvedenii uzbekskogo alfavita, osnovannogo na latinskoj grafike = Law of the Republic of Uzbekistan, dated 02.09.1993, No. 931-XII on the introduction of the Uzbek alphabet based on the Latin script. URL: [https://nrm.uz/contentf?doc=56088\\_zakon\\_respubliki\\_uzbekistan\\_ot\\_02\\_09\\_1993\\_g\\_n\\_931-xii\\_o\\_vvedenii\\_uzbekskogo\\_alfavita\\_osnovannogo\\_na\\_latinskoy\\_grafike&products=1\\_vse\\_zakonodatelstvo\\_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=56088_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_02_09_1993_g_n_931-xii_o_vvedenii_uzbekskogo_alfavita_osnovannogo_na_latinskoy_grafike&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana). (Data obrashhenija: 08.08.2023).
9. Konstitucija Kyrgyzskoj Respubliki (prinjata referendumom (vsenarodnym golosovaniem) 11 aprelja 2021 goda) = Constitution of the Kyrgyz Republic (adopted by referendum (“nationwide vote”) on April 11, 2021) // Ministerstvo justicii Kyrgyzskoj Respubliki. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).
10. Konstitucija Respubliki Kazahstan (prinjata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda) (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 05.06.2021 goda) = Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted by republican referendum

on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 05.06.2021) // Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. URL: [https://www.akorda.kz/ru/official\\_documents/constitution](https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution). (Data obrashhenija: 06.03.2023).

11. Konstitucija Respubliki Tadžikistan (prinjata referendumom 6 nojabrja 2014 goda) (v redakcii referendumo ot 26.09.1999g., ot 22.06.2003 g., ot 22.05.2016g.) = Constitution of the Republic of Tajikistan (adopted by referendum on November 6, 2014) (edited by referendum from 26.09.1999, from 22.06.2003, from 22.05.2016) // Ministerstvo inostrannyh del Respubliki Tadžikistan. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadžikistan/konstitutsiya>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).

12. Lebedeva M. M. «Mjagkaja sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ih dejstvija = Lebedeva M. M. “Soft Power” in relation to Central Asia: participants and their actions // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. №2(35). S. 47-55.

13. Nacional'nyj sostav naselenija (ocenka na nachalo goda, chelovek) = National structure of the population (estimate as of the beginning of the year, persons) // Nacional'nyj statističeskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/>. (Data obrashhenija: 23.08.2023).

14. Novosti = News // Rossotrudničestvo. URL: <https://rs.gov.ru/novosti/>. (Data obrashhenija: 23.08.2023).

15. Novosti = News // Tuksoy. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

16. Novye filialy rossijskih vuzov pojavjatsja v rjade stran = New branches of Russian universities will appear in a number of countries // Rossijskij sojuz rektorov. URL: <https://rsr-online.ru/news/>. (Data obrashhenija: 23.08.2023).

17. O prioritetnom proekte «Jeksport obrazovanija». Pravitel'stvo Rossii = On the priority project “Export of Education”. Russian Government. URL: <http://government.ru/info/27864/>. (Data obrashhenija: 09.03.2023).

18. Pantjushov I. V. Dinamika i geografija russkogo naselenija Uzbekistana, Kazahstana i Kyrgyzstana = Dynamics and geography of the Russian population in Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan / I. V. Pantjushov, V. N. Fedorko // Russkoe Geograficheskoe Obshhestvo Penzenskoe oblastnoe otdelenie. 2019. URL: <https://www.rgo.ru/ru/penzenskoe-oblastnoe-otdelenie/ob-otdelenii/publikacii/dinamika-i-geografiya-russkogo-naseleniya>. (Data obrashhenija: 02.07.2023).

19. Podrazdelenija MGU = MSU divisions // Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni Lomonosova. URL: <https://www.msu.ru/info/struct/>. (Data obrashhenija: 02.03.2023).

20. Ponomarev V. A. Politika SShA po «prodvizheniju demokratii» na postsovetskom prostranstve = Ponomarev V. A. US policy on “promoting democracy” on the post-Soviet territory // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. T.7, №1. S. 18-28.

21. Pjnatnadcatyj filial rossijskogo vuza otkroetsja v Uzbekistane jetoj osen'ju = The fifteenth branch of a Russian university will open in Uzbekistan this autumn // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Data obrashhenija: 02.03.2023).

22. Rossotrudnichestvo = Rossotrudnichestvo. URL: <https://rs.gov.ru/>. (Data obrashhenija: 10.08.2023).
23. Russkij jazyk v Central'noj Azii luchshe vsego znajut v Kazahstane = The Russian language in Central Asia is best known in Kazakhstan // Informacionnyj portal fonda «Russkij mir». URL: <https://ruskiimir.ru/news/48713/>. (Data obrashhenija: 23.08.2023).
24. Sotrudnichestvo Rossii i Tadzhikestana: filialy rossijskich vuzov, sovmestnye jekspedicii i Slavjanskij Universitet = Cooperation between Russia and Tajikistan: branches of Russian universities, joint expeditions and Slavic University // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Data obrashhenija: 02.07.2023).
25. Sotrudnichestvo RF s Kirgiziej: mezhvuzovskoe vzaimodejstvie, Kyrgyzsko-Rossijskij Slavjanskij universitet, issledovanija vysokogornogo Tjan'-Shanja = Cooperation between Russia and Kyrgyzstan: inter-university cooperation, Kyrgyz-Russian Slavic University, studies of the Tien-Shan mountains // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Data obrashhenija: 02.07.2023).
26. Schetchik naselenija Kazahstana = Kazakhstan Population Counter. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kazahstan>. (Data obrashhenija: 20.08.2023).
27. Schetchik naselenija Kyrgyzstana = Kyrgyzstan Population Counter. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kyrgyzstan>. (Data obrashhenija: 20.08.2023).
28. Schetchik naselenija Tadzhikestana = Tajikistan Population Counter. URL: <https://countrymeters.info/ru/Tajikistan>. (Data obrashhenija: 20.08.2023).
29. Schetchik naselenija Turkmenistana = Turkmenistan Population Counter. URL: <https://countrymeters.info/ru/Turkmenistan>. (Data obrashhenija: 20.08.2023).
30. Schetchik naselenija Uzbekistana = Uzbekistan Population Counter. URL: <https://countrymeters.info/ru/Uzbekistan>. (Data obrashhenija: 20.08.2023).
31. Uzbekistan i Kitaj: vektory kul'turnogo sotrudnichestva. 01.10.2022. Jangi Uzbekiston = Uzbekistan and China: vectors of cultural cooperation. 01.10.2022. Yangi O'zbekiston. URL: <https://yuz.uz/ru/news/uzbekistan-i-kitay-vektor-kulturnogo-sotrudnichestva>. (Data obrashhenija: 23.08.2023).
32. Ukaz ob utverzhenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. 31.03.2023 = Decree on the endorsement of the Russian Federation Foreign Policy Concept. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>. (Data obrashhenija: 12.07.2023).
33. Filial eshhe odnogo amerikanskogo vuza otkrojut v Kazahstane. 09.08.2022 = A branch of one more American university will be opened in Kazakhstan. 09.08.2022. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazahstan/1982350-filial-esche-odnogo-amerikanskogo-vuza-otkroyut-v-kazahstane/>. (Data obrashhenija: 09.09.2023).
34. Filialy rossijskich vuzov v Kazahstane gotovjat vysokokvalificirovannye kadry dlja jekonomiki dvuh stran = Branches of Russian universities in Kazakhstan train highly qualified specialists for the economies of the two countries // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/>. (Data obrashhenija: 02.06.2023).



35. Fond «Rucckij mir» = The Russian World Foundation // Informacionnyj portal fonda «Russkij mir». URL: <https://ruskiymir.ru/fund/>. (Data obrashhenija: 10.08.2023).

36. Chislennost' naselenija Respubliki Kazahstan (na nachalo 2023g.). Bjuro nacional'noj statistiki Respubliki Kazahstan = Population of the Republic of Kazakhstan (as of the beginning of 2023). National Statistics Bureau of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/>. (Data obrashhenija: 12.08.2023).

37. Chislo inostrannyh studentov v Rossii za tri goda vyroslo na 26 tysjach. 28.01.2022 = The number of foreign students in Russia has increased by 26 thousand in three years. 28.01.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/>. (Data obrashhenija: 02.08.2023).

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 16.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 20.06.2023; approved after reviewing 16.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_42

EDN SILTEU

**Веб-сайты российских университетов как механизм реализации  
«мягкой силы» в зарубежной стратегии России**

**Филипп Юрьевич Кушнарев**

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

**Аннотация.** Исследование автора было посвящено анализу Интернет-ресурсов ведущих российских университетов ЦФО, в которых обучается больше всего студентов из Китая. Цель исследования заключалась в определении количества вузов с англоязычными и китайскими порталами, и влиянии таких сайтов на выбор абитуриентов из Китая при поступлении в российские вузы. Для достижения данной цели автор провел анкетирование студентов из КНР, серию глубинных интервью и контент-анализ сайтов ведущих вузов ЦФО. Было установлено, что поступающие в магистратуру в большей степени, чем поступающие на бакалавриат, интересовались перед поступлением на сайте вуза составом педагогов с указанием их квалификации и учебными планами, а также статистикой о трудоустройстве и перспективами заниматься наукой. Поступающие на бакалавриат, интересуются в большей степени студенческой жизнью. Одним из главных выводов исследования стало то, что большинство студентов, магистрантов из Китая, независимо от гендерных особенностей и курса обучения, недовольны отсутствием видеовизитки вуза на китайском языке и недостаточностью предоставляемой информации для абитуриентов. Выявлено, что несмотря на то, что многие китайские граждане о вузе чаще узнают от знакомых, друзей, родных или из рекламы, тем не менее многие из китайских абитуриентов получают объективное и развернутое представление о вузе именно через официальные сайты университетов, после чего они принимают решение о поступлении в вуз. Автор предлагает мероприятия для повышения эффективности привлечения абитуриентов из КНР в российские вузы, среди которых создание для абитуриентов современных сайтов с адаптивным дизайном и контентом высокого качества, видеовизиток и лекций на китайском языке.

**Ключевые слова:** «мягкая сила»; интернет-сайты; веб-сайты; вузы; скрытые ресурсы; репутация вуза

*Для цитирования:* Кушнарев Ф. Ю. Веб-сайты российских университетов как механизм реализации «мягкой силы» в зарубежной стратегии России // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 42-60. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_42](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_42). <https://elibrary.ru/SILTEU>.

Original article

### **Russian university websites as a mechanism for implementing “soft power” in Russia's foreign strategy**

**Filipp Yu. Kushnarev**

Candidate of political sciences, associate professor at the department of social policy, Yaroslavl Demidov state university, Yaroslavl  
[kushnarevcustoms@mail.ru](mailto:kushnarevcustoms@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

**Abstract.** The research is devoted to analyzing the Internet resources of the leading Russian universities in the Central Federal District with the largest number of students from China. The research aims to determine the number of universities with portals in English and Chinese, and the influence of such websites on the Chinese applicants' choice when applying for Russian universities. To achieve this goal, the author has conducted a survey of students from China, a series of in-depth interviews, and a content analysis of the websites of the leading universities in the Central Federal District. It has been found that, prior to enrolling, those applying for a master's program were more interested in the university's website section featuring faculty members' qualifications and course schedules, as well as statistics on employment opportunities and prospects for scientific research. On the other hand, those applying for a bachelor's degree were more interested in student life. One of the main conclusions of the study is that the majority of Chinese students pursuing a master's degree, regardless of gender or academic level, are dissatisfied with the lack of a video presentation of the university in Chinese and insufficient information for the applicants. The author has found that despite the fact that many Chinese citizens learn more about universities from acquaintances, friends, relatives or advertisements, many Chinese applicants get the objective and detailed information about universities through university websites, which help them make a decision to enroll in a university. The author proposes some measures to raise the effectiveness of attracting Chinese applicants to Russian universities, including developing modern websites with adaptive design and high quality content, video presentations and lectures in Chinese for the applicants.

**Key words:** “soft power”; internet sites; websites; universities; hidden resources; university reputation

**For citation:** Kushnarev F. Yu. Russian university websites as a mechanism for implementing “soft power” in Russia's foreign strategy. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 42-60. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_42](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_42). <https://elibrary.ru/SILTEU>.

**Актуальность исследования**

В связи с глобальными событиями, происходящими сегодня в мире, Правительство России ставит перед собой задачу увеличения экспорта отечественного образования, с актуальным упором на привлечении студентов из Китая. Однако, согласно статистическим данным со стороны Китая, Россия занимает лишь 8-е место в списке популярных стран для обучения китайских граждан, поскольку большинство абитуриентов стремится получить образование в Великобритании. И все же, абитуриенты из КНР с большим интересом рассматривают вузы РФ для продолжения обучения, наиболее востребованными для них являются направления обучения русскому языку, экономики, техники и технологий [Кушнарев, 2022].

Проведённый нами анализ демонстрирует, что в Китае выпускается огромное количество иностранных студентов с докторскими степенями в области естественных наук и инженерии, что сопоставимо по объемам с аналогичным количеством остепененных выпускников в США. Это говорит нам о том, что КНР одна из наиболее развитых стран в мире, которая уделяет пристальное внимание развитию человеческого потенциала. Китай активно привлекает в свою страну огромное количество лучших иностранных абитуриентов. Вопрос, как ему эту удается? Как Китай продвигает в мировом образовательном пространстве свои вузы?

Что именно надо перенять у Китая, чтобы наши вузы также стали востребованы среди иностранных абитуриентов.

Российские социологи отмечают, что абитуриенты едут учиться в РФ из Китая не только из-за качественного образования, но и из-за интернационализации, то есть общего интереса к иностранному образованию и низкой, экономически выгодной стоимости обучения. В этой связи необходимо повышать качество преподавания в российских вузах, делать российское образование более привлекательным для абитуриентов из КНР. В настоящее время в российских вузах учится около 50 тысяч китайских граждан. С одной стороны, это немалая цифра, но с другой – нужно заинтересовать абитуриентов обучением в нашей стране, так как самая сильная экономика мира (по ВВП) – это Китай, с которым у РФ конструктивное сотрудничество по многим направлениям.

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка проанализировать, как интернет-сайты российских вузов продвигают российское образование в международной образовательной среде.

**Постановка проблемы**

Направление цифровизации в образовании, которое становится популярным во всем мире, заставило университеты задуматься о том, как с помощью интернета привлечь больше студентов-абитуриентов.

В настоящее время социологи и политологи разных стран целенаправленно изучают, как дизайн интерфейса веб-сайта конкретного вуза, влияет на увеличение желающих поступить в него [Таланов, 2019; Ashraf, 2012; Donetskaya, 2018].

Большинство исследователей пришли к выводам, что сайты вузов являются значимым ресурсом для привлечения абитуриентов, так как не надо платить агентствам за рекламу и можно быстро обновлять информацию. Кроме того, продвижение вузов имеет свою специфику и отличается от продвижения товара или услуги в Интернете [Wen et al., 2018; Sun et al., 2018; Waheed et al., 2020].

Использование социальных сетей в образовании, активно изучают иностранные ученые. В частности, ими было выявлено, что создание различных групп в социальных сетях повышает престиж вуза и увеличивает количество иностранных абитуриентов [Del-Castillo-Feito et al., 2019; Chandra et al., 2019; Cunningham et al., 2019].

Иностранцами исследователями предлагаются разные способы наполнения сайтов в зависимости от ресурсов вузов [Manzoor et al., 2021; El-Kassem, 2020].

Проведенный нами вторичный анализ демонстрирует, что проблемы связанные с продвижением образования посредством интернет-ресурсов вузов освещаются в трудах ученых разных стран [Бинцин,

2022; Aledo-Ruiz et al., 2022; Dursun, 2021].

Отечественные и иностранные исследователи целенаправленно изучают информационную удовлетворенность респондентов, посещающих веб-сайт вуза. В частности, они установили, что удовлетворенность зависит от гендерных и возрастных особенностей [Calitz et al., 2020; Коваленко, 2021; Sun, 2017].

Современные исследователи периодически изучают экономическую целесообразность продвижения вузов в ТОП поисковых систем Яндекс и Гугл; как эти затраты окупаются, растет ли с затратами число желающих поступать в вузы [Артеев, 2021; Иванчиков, 2019].

Политологи активно анализируют, как вузы продвигают себя в соцсетях. В своих исследованиях они пришли к выводу, что при продвижении вуза, серьезное внимание уделяется анализу конкурентов (как другие вузы продвигают себя), чтобы выяснить, как они строят коммуникацию с пользователями [Шатилов, 2019; Гомелаури, 2020].

Рассматривая данную проблему, российские социологи пришли к выводу, что вузам при продвижении своих услуг необходимо выбирать ту социальную сеть, в которой находится их целевая аудитория [Сутырин, 2020].

Анализ, проведенный учеными в последние годы, показывает, что иностранные вузы стремятся себя продвигать в зарубежных социальных сетях. А вузы России, в основ-

ном, продвигают себя в социальной сети ВКонтакте [Игнатенкова, 2021].

Большинство вузов привлекают абитуриентов через видеовизитку образовательного учреждения. Кроме того, выставляют в открытом доступе лекции ведущих преподавателей вуза [Бабуркин, 2017].

Вузы Юго-Восточной Азии для привлечения абитуриентов размещают на своих интернет-сайтах приветствия партнеров, известных исследователей, а также изыскивают другие креативные способы [Пох, 2019].

Вопросы, связанные с влиянием COVID-19 на цифровизацию образования и на изменение тактики привлечения иностранных абитуриентов, подробно рассмотрены российскими учеными [Вао, 2020; Березин, 2020].

Выводы полученные вышеперечисленными учёными учитывались нами при разработке программы социологического исследования.

#### **Эмпирическая база исследования**

В 2022 г. осуществлен опрос студентов, магистрантов вузов, где больше всего обучается студентов из КНР:

- Санкт-Петербургский государственный университет;
- Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого;
- Казанский (Приволжский) федеральный университет;
- Сибирский федеральный университет;

– Дальневосточный федеральный университет.

– Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;

– Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;

– Российский университет дружбы народов;

– Московский педагогический государственный университет;

– Московский государственный лингвистический университет;

– Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

– Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова;

– Национальный исследовательский университет;

Выборка квотная. Выборочная совокупность, n=500.

Переменные квотирования: возраст, пол, курс обучения.

В ходе исследования проведен анализ сайтов вузов с целью определить, как часто обновляется информация на сайте, дизайн, навигация, контент, интерактивность страницы, видимость сайта в Интернете и т. д.

Нами были проанализированы сайты ведущих вузов ЦФО, в которых больше всего учится иностранных студентов, чтобы выяснить, сколько российских вузов имеют англоязычные и китайязычные сайты. Нас, как исследователей, интересовали сайты не только на китайском языке, но и на ан-

глийском, так как английский язык является международным. Анализ сайтов вузов осуществлялся с сентября 2022 по июнь 2023 года.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, n=40.

#### Авторские гипотезы

Российские вузы активно используют множество инструментов привлечения иностранных абитуриентов на сайтах вузов. Самым эффективным инструментом для привлечения иностранных абитуриентов является дублирование информации на сайте вуза на английском и китайских языках, а также реклама вуза в самых популярных социальных сетях КНР, так как именно там находится необходимая целевая аудитория.

#### Рабочие гипотезы

1. Поступающие на магистратуру в большей степени, чем поступающие на бакалавриат, интересуются статистикой о трудоустройстве.

2. Поступающие в магистратуру, в отличие от поступающих на бакалавриат, интересуются перед поступлением составом педагогов с

указанием их квалификации и учебными планами вуза.

3. Девушки при анализе сайта вуза больше внимание уделяют качеству дизайна, а юноши качеству и удобству навигации.

4. Независимо от гендерных и возрастных особенностей, при изучении того или иного сайта вуза, поступающим важна видимость сайта вуза с экрана телефона.

5. Вузы для привлечения абитуриентов посредством сайта акцентируют внимание на качестве контента, навигации, а не на визуальном дизайне вербальной и невербальной информации.

6. Большинство вузов, в которых обучаются иностранные студенты, дублируют информацию на сайте вуза на английском языке.

7. Минимальное количество вузов, в которых традиционно обучаются иностранные студенты из Китая, дублируют информацию на сайте вуза на китайском языке.

#### Результаты исследования

Сначала мы изучали, какую информацию изучали респонденты перед поступлением в вуз на сайте учебного заведения (см. табл. 1).

**Таблица 1.**  
**Распределение ответов на вопрос: «Перед поступлением в вуз, какую информацию Вы изучали на сайте?» \***  
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Информацию о наличии общежития	100	100	100	100	100	100

## Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Сроки проведения вступительных испытаний, которые некоторые вузы проводят самостоятельно	100	100	100	100	100	100
Сроки действия лицензий и госаккредитаций программ обучения	71	70	66	69	90	92
Информация о порядке учета индивидуальных достижений	69	70	71	69	72	73
Студенческая жизнь	68	65	70	71	—	—
Анализировал учебные планы	67	68	65	66	100	100
Состав педагогов с указанием их квалификации	45	47	46	48	100	100
Возможности продолжить обучение в магистратуре, аспирантуре и т. д.	38	40	41	44	70	71
Изучал статистику о трудоустройстве	34	35	37	40	87	90
Научная жизнь студентов, магистрантов	21	20	19	16	87	90
Другое	7	8	6	6	7	5

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Абсолютно все поступающие, изучали информацию во вкладке «Поступающему» (правила приема, утвержденные организацией самостоятельно, информация о порядке учета индивидуальных достижений и т. д.). Поступающие в магистратуру, в отличие поступавших в разные годы на бакалавриат, интересовались перед поступлением составом педагогов с указанием их квалификации и учебными планами вуза, что, безусловно, правильно, так как качество преподавания зависит от профессорско-преподавательского состава. Также мы видим, что поступающие в магистратуру в большей степени,

чем поступающие на бакалавриат, перед поступлением изучали статистику о трудоустройстве. Поступающие в магистратуру в отличие от поступающих на бакалавриат, интересуются перспективами заниматься наукой, а поступающие на бакалавриат, интересуются в большей степени студенческой жизнью.

Как известно, основная задача сайта вуза – это заинтересовать абитуриента и побудить его к определенным действиям. Поэтому нам, как исследователям, было важно выяснить, что абитуриенты из Китая делали после посещения понравившегося им сайта вуза (см. табл. 2)



Таблица 2.

**Распределение ответов на вопрос: «Какие были Ваши действия после посещения сайта понравившегося вам вуза?» \***  
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Принял решение поступать именно в этот вуз (убедился, что нужно поступать в данный вуз)	67	66	64	70	80	82
Стал изучать, сколько еще вузов в РФ имеют аналогичную образовательную программу	67	65	63	70	79	81
Вступил в группу вуза в социальной сети	45	43	47	48	76	78
Позвонил в приемную комиссию	41	40	43	49	62	64
Систематически стал следить за новостями вуза	32	31	28	34	18	19
Рассказал друзьям и знакомым о вузе (направлении обучения)	17	19	18	20	41	42
Оставил комментарий на сайте	12	15	16	17	10	12
Другое	5	6	5	6	6	5

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Мы видим, что большинство респондентов при посещении сайта вуза утвердились в своем решении поступать именно в данный вуз, хотя и начали сравнивать выбранный вуз с другими, чтобы выявить преимущества обучения в данном вузе. Респонденты имели возможность пояснить свои ответы. Так

большинство принявших участие в опросе указали, что поступать в данный вуз им посоветовали соотечественники, которые уже учатся в РФ в этом вузе.

Далее мы изучали, нравится ли студентам сайт вуза, в котором они учатся? (см. табл. 3)

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Нравится ли Вам в целом сайт вашего вуза?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Да	67	66	64	70	80	82
Есть, конечно положительные моменты, но в целом нет	33	34	36	30	20	18

Как видно из ответов, большинству респондентов нравится сайт вуза, в котором они обучаются. Настораживает тот факт, что около одной трети студентам не нравится сайт вуза. А для заинтересованности студентов вуза, чтобы они не переходили на учебу в другие вузы, очень важно постоянно обновлять

не только информацию на сайте университета, но и необходимо следить за тем, чтобы дизайн сайта был модным, современным, качественным.

Далее мы изучали информационную удовлетворенность респондентов, посещающих веб-сайт вуза (см. табл. 4).

Таблица 4.

Оценка респондентами сайта вуза

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500							
	Студенты				Магистранты			
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Интерактивность	51	27	13	9	51	13	26	10
Навигация	48	18	18	16	51	12	28	9
Контент	46	17	19	18	53	10	25	12
Видимость сайта в Интернете	42	18	21	19	53	12	27	8
Дизайн	41	20	26	13	61	8	19	12

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, у респондентов информационная удовлетворенность достаточно высокая, особенно она высокая у магистрантов.

Далее мы изучали, что именно нравится респондентам на сайте вуза (см. табл. 5)

**Таблица 5.**  
**Распределение ответов на вопрос: «Что именно нравится на сайте вашего вуза?» \***

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Есть специальная вкладка (подменю) для абитуриентов	100	100	100	100	100	100
Сразу видно информацию для абитуриентов, она яркая и легко воспринимаемая	100	100	100	100	100	100
Есть видеовизитка вуза факультета, кафедры на русском языке	100	100	100	100	100	100
На сайте вуза можно сразу увидеть следующие виджеты: поступающему, студенту, сотруднику, выпускнику	87	85	84	81	89	88
Можно увидеть все последние новости вуза	86	85	83	81	84	82
Сайт дублируется на английском	83	82	81	80	88	89
Очень удобная платформа	67	66	64	70	80	82
Сайт хорошо просматривается как с экрана компьютера, так и с экрана телефона	66	64	62	67	78	79
Есть онлайн-регистрация на события и мероприятия	32	31	28	26	32	31
Имеются кнопки интерактивного взаимодействия	21	18	16	15	19	16
Есть онлайн-викторины и конкурсы – виртуальный тур по вузу	18	17	15	14	17	15
Сайт дублируется на китайском	13	13	12	11	15	15
Есть инструменты стимулирования сбыта (скидки и специальные цены на обучение, подарки и пр.)	12	12	11	10	9	8
Другое	5	6	5	5	6	5

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Абсолютно все принявшие участие в опросе отмечают, что на сайте их вуза имеется видеовизитка вуза, факультета, кафедры на русском языке, видно информацию для абитуриентов, которая достаточно яркая и визуально легко воспринимаемая.

К сожалению, мы видим, что сайты вузов, в которых больше всего учится граждан из Китая, не продублированы на китайском языке.

Далее мы изучали, что не нравится респондентам на сайте вуза (см. табл. 6).

Таблица 6.

**Распределение ответов на вопрос: «Что именно не нравится на сайте вашего вуза?» \***

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Нет видеовизитки вуза на китайском языке	87	87	88	89	85	85
Заходишь на вкладку «Поступающему», а там выходит не совсем та информация, которую искали	73	63	61	58	73	70
Много сложной навигации	56	56	53	52	51	48
Сайт совершенно неудобен, за информацией необходимо множество раз переходить из одной вкладки в другую	54	53	46	41	52	46
Нет в открытом доступе лекции ведущих преподавателей вуза на китайском языке	45	43	41	38	42	35
Нет информации о лидерских позициях университета	32	31	25	23	23	21
На сайте вуза содержится разное количество информации на русском и английском языках, нет единого оформления	32	34	36	38	26	28
Нет информации о качестве условий обучения	28	29	31	32	24	25
В группе у записей мало лайков, нет отзывов и комментариев	26	27	28	29	31	32
Специальные события и мероприятия для абитуриентов (дни открытых дверей,	17	18	19	21	21	17

## 俄语国家评论

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
мастер-классы, – олимпиады, – курсы подготовки и пр.)						
Сложно увидеть нужную информацию с экрана телефона	13	15	16	19	11	12
Другое	5	6	5	5	5	5

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из таблицы, большинство ответивших, независимо от гендерных особенностей и курса обучения, не довольны тем, что нет видеовизитки вуза на китайском языке. Кроме того, вызывает недовольство полнота предоставления обязательной информации для абитуриентов.

Далее нас интересовало, какое влияние оказывает сайт вуза на уже зачисленных студентов, как часто они посещают сайт вуза, что их интересует. Так как важно не только привлечь абитуриентов в вуз, но и заниматься сохранением контингента (см. табл. 7).

**Таблица 7.**  
**Распределение ответов на вопрос: «Посещаете ли Вы сайт вуза?»**  
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Да, систематически	67	66	64	70	80	82
Время от времени	20	18	18	20	11	10
Нет	13	16	18	10	9	8

Мы видим, что большая часть респондентов независимо от гендерных, возрастных особенностей систематически посещают сайт своего вуза.

Очевидно, что совершенствуя только такой инструмент как сайт вуза, невозможно надеется на ежегодные увеличения иностранных абитуриентов из Китая в российские вузы. Важно развивать инфраструктуру городов, повышать зарплаты преподавателям, предоставлять жилье, особенно молодым аспирантам и преподавателям и мн. др.

Учитывая все это, мы, в рамках исследования, предприняли попытку выяснить, что, по мнению китайских граждан, необходимо сделать, чтобы из КНР большее количество граждан приезжали учиться в РФ (см. табл. 8).

Таблица 8.

**Распределение ответов на вопрос: «Что необходимо делать для успешного привлечения иностранных абитуриентов и студентов в вузы РФ?» \***  
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=500					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
Вузам создавать китайскоязычные порталы	100	100	100	100	100	100
Вузам создавать стильные и современные сайты с адаптивным дизайном	89	90	92	95	84	87
Предусмотреть для иностранных абитуриентов и студентов больше различных льгот	82	82	85	87	82	83
Вузам надо рекламировать себя в самых популярных сетях в КНР, так как самостоятельно сложно узнать о том какой вуз в РФ лучше	79	80	78	81	82	81
Больше предоставлять скидок за обучение	78	80	84	86	79	82
Использовать мемы, шутки, забавные фотографии на русском и китайском языках	65	67	68	72	—	—
Развивать инфраструктуру города, в котором расположен вуз	56	54	52	50	56	51
Выделять больше квот для иностранных граждан	55	56	58	56	58	59
Расширить количество олимпиад, проводимых в России или за рубежом дающих права учиться в РФ	52	56	58	59	—	—
Систематически обновлять количество мультимедийной рекламы на сайте российских вузов для абитуриентов	51	54	56	59	56	58
Другое	5	6	5	5	5	5

*\*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов, помимо пожеланий по предоставлению льгот и скидок, есть общее пожелание – чтобы российские вузы имели информацию на сайте на китайском языке. Кроме того, по мнению опрошенных, вузам надо рекламировать себя в самых популярных социальных сетях КНР.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, n=40. Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Гюрен, 22 года.

*«Когда я решил, в какой вуз в РФ поступать, я очень долго, примерно полгода, изучал в Интернете все о российских вузах по выбранному мною направлению подготовки. Ориентировался на мнения старших товарищей, которые уже учатся в РФ, но мне не нужно просто высшее образование, мне нужно качественное образование. К сожалению, я столкнулся с тем, что многие российские вузы про само направление обучения дают общую информацию. Информация для абитуриентов не развернута и не понятная. Для того, чтобы ее посмотреть, необходимо открывать большое количество ссылок и загружать файлы. Почти нет сайтов, на которых информация дублировалась бы на китайском языке. Кроме того, мало отзывов на сайтах. После долгого сравнения я все же нашел вуз и направление обучения, о котором мечтал, и не жалею, что поступил сюда учиться».*

Ксиаобо, 22 года.

*«Когда я выбирал российский вуз для обучения, то изучал информацию на сайтах и в социальных сетях Китая и столкнулся с тем, что о российских вузах очень мало информации. Когда я изучал сайты российских вузов, то заметил закономерность, что в крупных мегаполисах вузы обладают технически продвинутыми сайтами. Однако, даже в самых престижных вузах РФ, мало сайтов где информация дублируется на китайском, а если и дублируется, то их содержательное наполнение на китайском языке оставляет желать лучшего».*

Из типичных ответов видно, что многие китайские граждане узнают о вузе через знакомых, родственников и рекламу. Однако многие из них всё же получают более подробную и объективную информацию о вузе на его сайте. Именно после тщательного изучения сайта многие принимают решение о поступлении в этот вуз.

### Заключение

В рамках исследования нашла подтверждение основная гипотеза.

Для более эффективного привлечения абитуриентов из КНР российским вузам необходимо:

– вузам создавать стильные и современные сайты с адаптивным дизайном, с контентом высокого качества, позволяющим абитуриентам быстро ориентироваться на сайте и совершать целевые действия;

- при разработке сайта вуза уделять внимание не только информационным технологиям, но и визуальному дизайну вербальной и невербальной информации;
- систематически обновлять количество мультимедийной рекламы на сайте российских вузов для абитуриентов;
- представителям российских вузов важно рекламировать себя в самых популярных социальных сетях КНР, так как там находится их целевая аудитория;
- видеовизитку образовательного учреждения делать на китайском и русском языках;
- выставлять в открытом доступе лекции ведущих преподавателей вуза на русском и китайском языках;
- вузам вести контент-план на каждый день, неделю и месяц;
- для вовлеченности аудитории использовать мемы, шутки, забавные фотографии на русском и китайском языках;
- вузам создавать англоязычные и китаеязычные порталы.

#### Библиографический список

1. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32-57.
2. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 27-32.
3. Березин Д. Т. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
4. Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61). С. 23-25.
5. Гомелаури А. С. К вопросу восприятия феномена «мягкой силы» в контексте Российской внешней политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 11 (63). С. 3316-3323.
6. Иванилов М. О. Внешняя политика КНР: от «мягкой» силы к «жесткой» / М. О. Иванилов, Т. В. Колесникова // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 2 (22). С. 84-88.
7. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234-237.
8. Коваленко Г. В. Методы реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. 2021. № 4 (20). С. 16-24.
9. Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44-68.
10. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44-57.



11. Таланов С. Л. Влияние социальных сетей на успеваемость студентов // Социально-политические исследования. 2019. № 3 (4). С. 87-105.
12. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках «мягкой силы» Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 10-13.
13. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
14. Ashraf Jalal Yousef Zaidieh. The Use of Social Networking in Education: Challenges and Opportunities. *World of Computer Science and Information Technology Journal*, 2012, Vol. 2, No. 1, 18-21.
15. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
16. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
17. Chandra T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.
18. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
19. Del-Castillo-Feito C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
20. Donetskaya S.S., Tsyannan, Tsi (2018). Reforming the System of Higher Education in China: Modern Results. *Vysshee obrazovanie v Rossii // Higher Education in Russia*. Vol. 27. No. 12, pp.79-92.
21. Dursun O., & Altin Gumussoy, C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166-182.
22. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
23. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
24. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
25. Sun J.J.-M, Hu, P., Ng, S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Universities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192-205

26. Sun, Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. *Pedagogical Review*. 2017. No. 4 (18), pp. 19-26.

27. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.

28. Wen, W., Hu, D., Hao, J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61, pp. 2014-212.

#### Reference list

1. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russia's foreign policy: regional "soft power" // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32-57.

2. Baburkin S. A. Mezhnacional'nye otnoshenija v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Interethnic relations in universities of central Russia (the materials from the Yaroslavl region) // *Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2017. № 1. S. 27-32.

3. Berezin D. T. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = The impact of COVID-19 on the higher education system / D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 10. S. 12-22.

4. Bincin Ch. «Mjagkaja sila» v koncepcii vneshnej politiki Kitaja = "Soft power" in Chinese foreign policy concept // *Informacionnye vojny*. 2022. № 1 (61). S. 23-25.

5. Gomelauri A. S. K voprosu vosprijatija fenomena «mjagkoj sily» v kontekste Rossijskoj vneshnej politiki = Toward the perception of "soft power" phenomenon in the context of Russian foreign policy // *Voprosy politologii*. 2020. T. 10, № 11 (63). S. 3316-3323.

6. Ivanilov M. O. Vneshnjaja politika KNR: ot «mjagkoj» sily k «zhestkoj» = The PRC's foreign policy: from "soft power" to "hard power" / M. O. Ivanilov, T. V. Kolesnikova // *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija*. 2019. № 2 (22). S. 84-88.

7. Ignatenkova I. A. Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realization of Russia's strategic national interests through "soft power" policy on the example of education export development // *Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie*. 2021. № 6-3 (76). S. 234-237.

8. Kovalenko G. V. Metody realizacii koncepcii «mjagkoj sily» vo vneshnej politike gosudarstva = Methods of implementing the concept of "soft power" in the state foreign policy // *Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe*. 2021. № 4 (20). S. 16-24.

9. Kushnarev F. Ju. Brend strany, regiona i goroda, kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = Brands of the country, region and city as a factor of Russia's "soft power" // *Mir russkogovorjashhih stran*. 2022. № 3 (13). S. 44-68.

10. Sutyryn V. V. Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i sotrudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond the "soft power": humanitarian influence and cooperation in foreign policy // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2020. № 9. S. 44-57.

11. Talanov S. L. Vlijanie social'nyh setej na uspevaemost' studentov = The influence of social media on students' academic performance // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 3 (4). S. 87-105.
12. Shatilov A. B. Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov gumanitarnyh i obshhestvovedcheskih napravlenij v ramkah «mjagkoj sily» Rossijskoj Federacii = Academic mobility of foreign students of humanities and social sciences within the framework of the Russian Federation's "soft power" // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 6 (42). S. 10-13.
13. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate socialresponsibility on students' emotional appeal in the HEIs: Themediating effect of reputation and corporate image. CorporateSocial Responsibility and Environmental Management, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
14. Ashraf Jalal Yousef Zaidieh. The Use of Social Networking in Education: Challenges and Opportunities. World of Computer Science and Information Technology Journal, 2012, Vol. 2, No. 1, 18-21.
15. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // Human Behav. Emerg. Technol., 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
16. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // J. Stud. Int. Educ., 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
17. Chandra, T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. Benchmarking: An International Journal. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.
18. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // J. Technol. Tran., 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
19. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. European Research on Management and Business Economics. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
20. Donetskaya S.S., Tsyannan, Tszi (2018). Reforming the System of Higher Education in China: Modern Results. Vysshee obrazovanie v Rossii // Higher Education in Russia. Vol. 27. No. 12, pp.79-92.
21. Dursun O., & Altin Gumussoy, C. The effects of quality of servicesand emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. Quality Assurance in Education, 2021. № 29, pp. 166-182.
22. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // Int. J. Manag., 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
23. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // Coll. Univ., 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
24. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // J. Market. High Educ., 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
25. Sun, J.J.-M, Hu, P., Ng, S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Univer-

sities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192-205

26. Sun, Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. Pedagogical Review. 2017. No. 4 (18), pp. 19-26.

27. Waheed, A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. Corporate Social Responsibility and Environmental Management, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.

28. Wen, W., Hu, D., Hao, J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? International Journal of Educational Development. 2018. Vol. 61, pp. 204-212.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 16.06.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_61

EDN SWMTYD

### Образ В. И. Ленина в произведениях М. А. Булгакова

**Борис Вадимович Соколов**

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант  
издательства «Вече», г. Москва

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

**Аннотация.** В статье исследуется отражение образа В. И. Ленина в произведениях М. А. Булгакова. Доказывается, в том числе на материалах архива писателя, что Ленин послужил прототипом профессора Владимира Ипатьевича Персикова в повести «Роковые яйца», товарища министра торговли Парамона Ильича Корзухина в пьесе «Бег» и Воланда в романе «Мастер и Маргарита». То, что Ленин отразился в образе Воланда, доказывается сохранившейся в архиве Булгакова вырезкой из газеты «Правда» с мемуарами А. В. Шотмана, где рассказывается, как в 1917 году Ленин скрывался от Временного правительства, и его искали сотни буржуазных обывателей, а также знаменитая полицейская собака-ищейка Треф. К этим мемуарам явно восходит тот эпизод «Мастера и Маргариты», когда после сеанса черной магии в театре Варьете Воланда и его свиту безуспешно ищет знаменитый милиционер Тузбубен. Кроме того, Ленин послужил прототипом одного из персонажей «Мастера и Маргариты», драматического актера Саввы Потаповича Куролесова, выступающего перед арестованными валютчиками с чтением пушкинского «Скупого рыцаря». В более ранних редакциях романа этот персонаж именовался гораздо прозрачнее – Илья Владимирович Акулинов. Образ Ленина, великого человека, во многом определившего судьбу России в XX веке, отразился во всем булгаковском творчестве. Злом в деятельности Ленина Булгаков считал то, что большевики разрушили ранее существовавший порядок, отняли у людей булгаковского поколения прежнее чувство стабильности, широко практиковали красный террор. Благом же писатель считал то, что Ленин все же сумел сохранить единство Российского государства, пусть и под другим названием, завершил гражданскую войну и ввел НЭП.

**Ключевые слова:** М. А. Булгаков; В. И. Ленин; «Китайская история»; «Роковые яйца»; «Бег»; «Мастер и Маргарита»; прототип

*Для цитирования:* Соколов Б. В. Образ В. И. Ленина в произведениях М. А. Булгакова // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 61-82. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_61](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_61). <https://elibrary.ru/SWMTYD>.

PHILOLOGY

---

Original article

**The image of V. I. Lenin in M. A. Bulgakov's works**

**Boris V. Sokolov**

Doctor of philology, candidate of historical sciences, science consultant of the publishing house “Veche”, Moscow  
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

**Abstract.** The article studies representation of V.I. Lenin in M.A. Bulgakov's works. The author proves, using among others the materials of the writer's archive, that Lenin served as a prototype for Professor Vladimir Ipatievich Persikov in the novella “The Fatal Eggs”, Deputy Minister of Trade Paramon Ilyich Korzukhin in the play “Flight” and Voland in the novel “The Master and Margarita”. The fact that Lenin is reflected in the image of Voland is proved by a clipping kept in Bulgakov's archive from the newspaper Pravda with the memoirs of A.V. Shotman, which tells how Lenin was hiding from the Provisional Government in 1917, and he was searched for by hundreds of bourgeois citizens, as well as the famous police sniffer dog Tref (Clubs). To these memoirs clearly goes back to that episode of “The Master and Margarita”, when after a session of black magic in the Variety Theater Voland and his entourage are unsuccessfully searched for by the famous police dog Tuzbuben (Ace of Diamonds). In addition, Lenin served as a prototype for one of the characters in The Master and Margarita, the drama actor Savva Potapovich Kurolesov, who performs a reading of Pushkin's The Miserly Knight in front of the arrested currency dealers. In earlier editions of the novel, this character was called in a much more transparent way – Ilya Vladimirovich Akulinov. The image of Lenin, a great man who largely determined the fate of Russia in the XX century, found its reflection throughout the entirety of Bulgakov's work. For Bulgakov, the evil in Lenin's actions was the fact that the Bolsheviks destroyed the previously existing order, took away the former sense of stability from the people of Bulgakov's generation, and widely used the Red Terror. The writer considered that the good side of Lenin's actions was that he still managed to preserve the unity of the Russian state, albeit under a different name, ended the Civil war and introduced the NEP (New Economic Policy).

**Key words:** M. A. Bulgakov; V.I. Lenin; “Chinese history”; “The Fatal Eggs”; “Flight”; “The Master and Margarita”; prototype

*For citation:* Sokolov B. V. The image of V. I. Lenin in M. A. Bulgakov's works *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 61-82. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_61](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_61). <https://elibrary.ru/SWMTYD>.

### Введение

Образ Ленина привлекал Булгакова на протяжении всей его жизни, что нашло ощутимое отражение в его творчестве. Личность творца Октябрьской революции, за которой последовала кровопролитная гражданская война и смена общественного строя в России, привлекала писателя вследствие громадной роли в истории, сыгранной вождем большевиков, причем неоднозначность последствий его деятельности Булгаков ощущал на себе. С одной стороны, без революции 1917 года он вряд ли бы вообще стал писателем. С другой стороны, на протяжении всей творческой жизни Булгакову приходилось ощущать сильнейший цензурный гнет и отвечать на требования писать в определенных идеологических рамках. Главное же, он все время размышлял о том, как Ленин повлиял на судьбу России.

### Образ В. И. Ленина в очерках и рассказах М. А. Булгакова первой половины 1920-х годов и в дневнике писателя

У Булгакова в первой половине 1920-х годов есть произведения, где Ленин прямо назван по фамилии и имени-отчеству. Похороны Ленина описаны в булгаковских очерках 1924 года «Часы жизни и смерти» и «В часы смерти» [Булгаков, 2023б, с. 593-596, 56-59], а

также в рассказе «Воспоминание...» (1924) [Булгаков, 2023в, с. 389-395] писатель вспоминает, как осенью 1921 г. при содействии супруги Ленина Надежды Константиновны Крупской, возглавлявшей Главполитпросвет, в Лито (литературном отделе) которого Булгаков служил в это время, он смог прописаться в столице в квартире № 50 на Б. Садовой, 10. Это была та самая квартира, которая позднее приобрела поистине всемирную известность, воплотившись в знаменитой Нехорошей квартире романа «Мастер и Маргарита». Следует подчеркнуть, что рассказ «Воспоминание...» связан с Лениным только через его жену, хотя в рассказе Булгаков начинает со следующего заявления: «У многих, очень многих есть воспоминания, связанные с Владимиром Ильичом, и у меня есть одно» [Булгаков, 2023в, с. 389]. Здесь можно усмотреть определенную иронию, связанную с публикацией большого количества воспоминаний о вожде большевиков. Эти воспоминания нередко писали люди, в действительности очень мало знакомые с ним, встречавшиеся с ним, может быть, мельком один раз в жизни. Вполне вероятно, что Булгаков при написании рассказа «Возвращение...», среди прочего, имел в виду фельетон Александра Амфитеатрова

(1862-1938) «И моя встреча с Л. Н. Толстым» (1909), представляющий собой блестящую пародию на многочисленные воспоминания случайных людей, появившиеся в связи с толстовским юбилеем – 80-летием со дня рождения в 1908 году. У Амфитеатрова автор-рассказчик принимает за знаменитого писателя и религиозного мыслителя, стремившегося опроститься и заняться крестьянским трудом, Толстого встретившегося в поезде пожилого бородатого русского мужика и разговаривает с ним как с Львом Толстым. В ранней редакции романа «Мастер и Маргарита» ученый Феся, будущий Мастер в последующих редакциях романа, принимает за русского мужика Льва Толстого, покупающего на рынке капусту, и только увидев в газете опубликованный в газете в связи с юбилеем 1908 года портрет графа Л. Н. Толстого осознает свою ошибку. Перед нами как бы зеркальная ситуация по отношению к фельетону А. В. Амфитеатрова.

Очерк «В часы смерти» ближе стоит к репортажу. Время действия точно датировано периодом с «7 часов вечера 22 января» до «3 1/2 часа ночи с 23 на 24 января». Время же и место написания очерка обозначены в конце: «Москва, утро 24 января» 1924 года. Таким образом, перед нами очерк-репортаж, написанный по горячим следам, всего через несколько часов после происшедших исторических событий. Оценочных суждений тут нет,

Булгаков обращает внимание только на «неподвижное желтое, всему миру известное лицо». Отношение к умершему вождю большевиков передается через благоговейный рассказ неизвестного (или неизвестной) автору об обстоятельствах смерти Ленина со всеми медицинскими подробностями: «– Утром он чувствовал себя хорошо, сам оделся, а днем сидел в кресле и слушал, как жена его, Надежда Константиновна, читает ему вслух газету. Она обратила внимание на то, что Владимир Ильич все время отмахивается рукой, как будто перед глазами у него что-то, что мешает ему смотреть. Очевидно, уже в это время у него начинало темнеть в глазах и ему казалось, что что-то заслоняет ему свет. Потом он сказал: – Мне плохо... Врачи ничего не могли поделать. Разорвавшийся в мозговой оболочке сосуд залил кровью мозг Ленина и в 6 ч. 50 м. он перестал дышать» [Булгаков, 2023б, с. 56-59].

Таким образом, по тексту очерка «В часы смерти» нельзя судить об отношении Булгакова к Ленину. Хотя все упоминания Ленина здесь призваны вызвать сочувствие к вождю большевиков.

В другом очерке, посвященном прощанию с Лениным, «Часы жизни и смерти», отношение Булгакова к Ленину проявляется отчетливее. Кто-то в очереди к гробу восклицает: «Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минутку, сообрази в голове происшедшее»



[Булгаков, 2023a]. Но величие Ленина, если вчитаться в текст, приобретает скорее апокалиптический характер. Характерна реплика неизвестной женщины, подслушанная или придуманная Булгаковым и обращенная к конным красноармейцам: « – Братики, Христа ради, поставьте в очередь проститься. Проститься!» В данном случае представляется важным для того, чтобы поклониться телу мершего атеиста Ленина поминают Христа, а сам Ленин превращается в новое божество, подобное Христу. Булгаков гигантскую очередь к гробу с телом Ленина сравнивает с гигантской змеей: «Кепи красные, кони танцуют. Змей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве Пятнице, молчит, но идет, идет!» Змей упирающийся в церковь Параскевы Пятницы, ассоциируется с Левиафаном Ветхого Завета, созданным Богом огнедышащим многоголовым морским змеем, который должен быть уничтожен в конце времён. В христианстве же и образ Левиафана превращается в образ дьявола, в частности, в Красного семиглавого дракона в Апокалипсисе. Конные же милиционеры в красных кепи ассоциируются с всадниками Апокалипсиса, как и такие же конные милиционеры в красных кепи и черных шинелях в очерке «В часы смерти» (К кавалеристам присоединяются конные милиционеры в красных кепи и в черных шинелях. Они регулируют вход непрерывной ленты». [Булгаков, 2023б,

с. 57] Ассоциация с Левиафаном усиливается многочисленными огнями: « – Огней, огней-то! Караулы каменные вдоль стен. Стены белые, на стенах огни кустами»; «Гигантский орден – сияющая розетка в кустах огня, а в середине ее лежит на постаменте обреченный смертью на вечное молчание человек» [Булгаков, 2023б, с. 593-596].

А вот как в «Часах жизни и смерти» дан портрет Ленина: «Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый». Из положительных черт здесь упомянута только мудрость. Но с мудростью ассоциируется и библейский змей-искуситель, воплощение Сатаны, соблаздивший Адама и Еву плодами с запретного Древа познания добра и зла. Ленин подспудно сравнивается с Христом или дьяволом: «Как словом своим на слова и дела подвинул бессмертные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей. <...> К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда». И тревожно предупреждающий финал очерка: «Огни из ма-

шины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо – погаснет.

– Эй! Эгей! Берегись! Машина раздавит. Берегись!

Горят огненные часы» [Булгаков, 2023б, с. 593-596].

Конечно, в подцензурных советских публикациях любые негативные характеристики Ленина были исключены в принципе. Но, как нам представляется, даже в них Булгакову удалось спрятать в подтекст свое, как минимум, неоднозначное отношение к вождю большевиков, связав с его образом апокалиптические ассоциации. Подобные настроения действительно присутствовали в народе, поскольку десятки миллионов людей не представляли, как они будут жить без Ленина.

В булгаковском дневнике 1923-1925 годов Ленин упоминается трижды. Булгаков особо зафиксировал момент, когда узнал о смерти Ленина: «22 января 1924 года. (9 января 1924 года по стар[ому] стилю.) Сейчас только что (пять с половиной часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение» [Булгаков, 2017, с. 282]. Поскольку в очерке «В часы смерти» действие начинается в 7 часов вечера 22 января, напрашивается вывод, что вскоре после получения известия о смерти вождя Булгаков отправился на московские улицы, чтобы проследить реакцию людей на это историче-

ское событие, воспринимавшееся как конец целой эпохи.

В следующий раз имя Ленина упоминается в булгаковском дневнике в записи в ночь с 20 на 21 декабря 1924 г., сделанной после двухмесячного перерыва: «<...> за последние два месяца произошло много важнейших событий. Самое главное из них, конечно, – раскол в партии, вызванный книгой Троцкого «Уроки Октября», дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого – затишье. Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались. Троцкого съели, и больше ничего» [Булгаков, 2017, с. 292]. Очевидно, в данном случае Булгаков называл ленинизмом то идеологическое и политическое течение, которого придерживались оппоненты Л. Д. Троцкого (при том, что он, равно как и его сторонники, тоже называли себя ленинцами), причем главой этого антитроцкистского ленинского течения писатель ошибочно считал Г. Е. Зиновьева, как председателя Коминтерна, а не генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, как было на самом деле (имя Сталина в булгаковском дневнике вообще не встречается по причине малой известности его

среди широкой публики в начале 20-х годов). При этом, судя по тексту булгаковской записи, можно понять, что белоэмигранты и их сторонники внутри страны рассматривали победу Троцкого в качестве меньшего зла по сравнению с победой его оппонентов.

Последний раз имя Ленина появляется в дневнике Булгакова в записи, сделанной в ночь со 2 на 3 января 1925 г. Писатель привел анекдот, рассказанный ему И. Г. Лежневым, редактором журнала «Россия», где печатались булгаковские «Записки на манжетах» и «Белая гвардия»: «Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости» [Булгаков, 2017, с. 304]. А. И. Рыков, считавшийся в народе горьким пьяницей, после смерти Ленина стал его преемником в качестве председателя Совета народных комиссаров. Вероятно, как и в записи о Троцком и его оппонентах, Булгаков связывал смерть Ленина с обострением борьбы за власть внутри большевистской партии. Апокалиптические же настроения после смерти вождя большевиков были связаны с опасениями, что противостояние различных фракций может вылиться в новую гражданскую войну, повторения которой Булгаков, переживший ее ужасы в 1918-1920-х годах, как и подавляющее большинство его соотечественников, ни в коем случае не хотел.

В рассказе «Китайская история» (1923) китаец Сен-Зин-По, всту-

пивший, как и многие его соотечественники, оказавшиеся в Европейской России в годы Первой мировой войны, добровольцем в Красную Армию во время гражданской войны, в галлюцинациях, возникших под воздействием опиума, видит Ленина: «Звон пробуждал смех в хрустале и выходил очень радостный Ленин в желтой кофте, с огромной и блестящей тугой косой, в шапочке с пуговкой на темени... Погремев в колокола, Ленин ходил на балкон – показывать Красную Армию» [Булгаков, 2023в, с. 375-376]. «Галлюцинация с Лениным иносказательно означает, что проповеди большевиков завораживающе действуют на массы как своего рода духовный наркотик» [Соколов, 1997, с. 242].

#### **Образ В. И. Ленина в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца»**

Но у Булгакова также есть произведение, где имя Ленина не называется, но он тем не менее является одним из прототипов главных героев или второстепенных персонажей. Так, главный герой повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» – профессор Владимир Ипатьевич Персиков, изобретает красный «луч жизни», способствующий ускоренному росту живых организмов. Однако открытие, призванное, казалось бы, принести огромную пользу человечеству, приводит к трагедии. Под воздействием красного луча появляются на свет ужасные чудовища – ги-

гантские пресмыкающиеся и земноводные, отличающиеся повышенной агрессивностью и создающие реальную угрозу самому существованию человечества. В булгаковской повести красный луч представляет собой олицетворение большевистской революции в России, совершенной под социалистическим и коммунистическим лозунгом построения лучшего будущего, но обернувшейся террором, страданиями людей и установлением диктатуры. Профессора Персикова убивают, когда толпа народа, до смерти напуганная ожидаемым захватом Москвы полчищами неуязвимых гигантских гадов. В первой редакции повести гады Москву захватили, но потом Булгаков переписал этот финал, как явно цензурно неприемлемый, на традиционный «хэппи энд»: на подступах к Москве полчища гигантских пресмыкающихся и земноводных чудесным образом гибнут от ударивших в августе морозов. Гибель изобретателя «красного луча» указывает на то, что начатый Лениным и соратниками эксперимент по установлению нового коммунистического порядка сначала в России, а потом, как предполагалось, в результате всемирной пролетарской революции, и в остальном мире, представляет опасность для самих творцов революции.

Как следует из текста булгаковской повести, Владимир Ипатьевич Персиков появился на свет 16 апреля 1870 г., поскольку в фан-

тастическом будущем 1928 году ему исполняется 58 лет как раз 16 апреля. Получается, что герой «Роковых яиц» родился всего на 6 дней раньше Ленина. Тут надо также иметь в виду, что 16 апреля (н. ст.) 1917 г. вождь большевиков приехал в Петроград из эмиграции и был встречен на вокзале ликующей толпой. Персиков же 11 лет спустя изобретает красный луч, который мыслится как благо для человечества, но становится источником неисчислимых бед. Булгаков не мог сделать днем рождения Персикова 22 апреля, так как было бы слишком уж прозрачно, непременно обратило бы на себя внимание цензуры. Красный луч в булгаковской повести уподобляется приезду Ленина в Петроград. В восприятии Булгакова это стало именно тем событием, которое неизбежно привело Россию к Октябрьской революции и последующей гражданской войне. Уже через 4 дня после возвращения, 7/20 апреля, Ленин опубликовал в газете «Правда» исторические «Апрельские тезисы», содержавший призывом к превращению Февральской «буржуазно-демократической» революции в социалистическую революцию и к свержению Временного правительства, в том числе и вооруженным путем.

Вот как Булгаков дает портрет Персикова, в очень большой степени похожий на портрет Ленина:

«Голова замечательная, толчком, с пучками желтоватых волос, торчащими по бокам... Персиков-

ское лицо вечно носило на себе несколько капризный отпечаток. На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат. Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки. А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников профессора Персикова» [Булгаков, 2023в, с. 91-92].

С Лениным у булгаковского героя совпадает лысина с рыжеватыми волосами, свойственный Ленину типичный ораторский жест, особенности голоса, а также ставший неотъемлемой частью мифологизированного образа характерный прищур глаз.

Как и Ленин Персиков – выдающийся эрудит. Профессор, как и вождь большевиков, проведший более 14 лет в эмиграции, свободно говорил по-французски и по-немецки. В первом газетном сообщении о чудесном открытии Персикова, его фамилия оказалась записана корреспондентом со слуха как Певсиков. Тем самым доказывалось, что профессор картавил. А картавость, как хорошо известно, была свойственна Ленину. Впоследствии она обыгрывалась в мно-

гочисленных анекдотах, посвященных Владимиру Ильичу. Однако Булгаков поостерегся прямо указывать на картавость своего героя, чтобы сходство с Лениным не сразу бросалось в глаза и не насторожило цензоров.

Владимиром Ипатьевичем Персиков именуется лишь однажды, в самом начале «Роковых яиц», а в дальнейшем все обращаются к нему как Владимир Ипатьич, что заставляет вспомнить о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине. Да и инициалы героя и прототипа полностью совпадают. На последней странице повести Булгаков поставил дату и место ее завершения: «Москва, 1924 г., октябрь». Здесь присутствует указание на место смерти и захоронения Ленина в мавзолее, на год его смерти и на главное дело вождя большевиков – Октябрьскую революцию.

В булгаковском архиве сохранилась машинописная копия рецензии на «Роковые яйца» еврейского (писавшего на идише) критика Моисея Ильича Литвакова (1880-1937), на русском публиковавшего статьи и рецензии под псевдонимом М. Лиров [Лиров, 1925]. Она является частью отзыва на шестую книгу альманаха «Недра», в котором была опубликована булгаковская повесть. В этой машинописи Булгаков красным карандашом подчеркнул те места, где критик настойчиво повторял имя и отчество, того, кто изобрел красный луч, – Владимир Ипатьевич. Тем самым властям

прямо подсказывалось, кого на самом деле имеет в виду политически неблагонадежный автор, имевший стойкую репутацию белогвардейца. [Архив М. А. Булгакова, 27, 3]

Если принять во внимание то, что надписи на ящиках (“Vorsicht!! Eier!!” «Осторожно: яйца!!»), в которых доставили злополучные яйца, сделаны по-немецки [Булгаков, 2023в, с. 141], не остается сомнений, что они прибыли из Германии, немецкое. Ленин же и его товарищи после Февральской революции были переправлены из Швейцарии в Россию через Германию в опломбированном вагоне. [См.: Соколов, 1997, с. 257-258, 406-407; Соколов, 2020, с. 60-61]

Отметим также, что в 6-й книге альманаха «Недра» за 1925-й год рядом с «Роковыми яйцами» была опубликована посвященная В. И. Ленину поэма Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» (поэма Тихонова – на стр. 43-57, а повесть Булгакова – на стр. 79-148). Это должно было усилить впечатление читателей альманаха о том, что под профессором В. И. Персиковым подразумевается В. И. Ленин.

#### **Образ В. И. Ленина**

##### **в пьесе М. А. Булгакова «Бег»**

После «Роковых яиц» фигура Ленина отразилась в лучшей пьесе М. А. Булгакова «Бег» (1929), посвященной гражданской войне и белой эмиграции. Она так и не была опубликована при жизни автора – вполне возможно, потому что прототипом одного из главных

действующих лиц пьесы и явно отрицательного героя послужил вождь большевиков. Этот герой – товарищ министра торговли в белом правительстве П. Н. Врангеля Парамон Ильич Корзухин. По свидетельству Л. Е. Белозерской, второй жены М. А. Булгакова, чьи воспоминания о жизни в эмиграции послужили материалом для «Бега», одним из прототипов Корзухина послужил ее знакомый в эмиграции, петербургский литератор и бизнесмен-миллионер, Владимир Пименович Крымов. Он происходил из сибирских купцов-старообрядцев и уехал из России еще до революции, почувствовав, что государство идет к катастрофе. Стоит отметить, что В. П. Крымов был одним из немногих русских предпринимателей-эмигрантов, сумевших благополучно пережить мировой экономический кризис 1929-1933 гг. В своих мемуарах «О, мед воспоминаний», посвященных знакомству и жизни с М. А. Булгаковым, Л. Е. Белозерская сообщила:

«Сцена в Париже у Корзухина написана под влиянием моего рассказа о том, как я села играть в девятку с Владимиром Пименовичем и его компанией (в первый раз в жизни!) и всех обыграла» [Белозерская, 1990, с. 176].

В других своих мемуарах, «У чужого порога», посвященных жизни в эмиграции, Л. Е. Белозерская описала игру в карты с В. П. Крымовым значительно подробнее:

«Все мои рассказы о нем, о том, например, как он учит лакея Клименко французскому языку, заинтересовали в свое время Михаила Афанасьевича Булгакова. Тип Крымова привлек писателя и породил (окарикатуренный, конечно) образ Корзухина в пьесе “Бег”».

Я, безумица, как-то раз села играть с ним и его гостями в девятку (в первый раз в жизни!) и всех обыграла. Мне везло, как всегда везет новичкам. По неопытности, прикупила к восьмерке, оказалось, туза. Все ахнули. Чудо в карточных анналах! Мне бы уйти от стола, как сделал бы опытный игрок, но я не ушла и все, конечно, проиграла плюс осталась должна. На другой день Крымов приехал на машине за карточным долгом» [Белозерская, 1990, с. 78-79].

Булгаков своеобразно отомстил в «Беге» Крымову-Корзухину за скаредность и стремление получить деньги даже с нищей соотечественницы-эмигрантки, заставив его проиграть опытному игроку – бывшему белому генералу Григорию Лукьяновичу Чарноте.

Но именно фигура В. П. Крымов, как одного из прототипов, помогает установить, что у Корзухина был еще один, гораздо более важный прототип, хотя и цензурно небезопасный – Владимир Ильич Ленин. Имя и отчество первого прототипа, Крымова – Владимир Пименович – трансформировались в имя и отчество персонажа через имя и отчество второго прототипа –

Ленина. Редкое старообрядческое имя Парамон было навеяно столь же редким отчеством Пименович, а отчество Ильич у Корзухина появилось от Ленина. Имена Парамон и Пимен были популярны среди старообрядцев, к которым принадлежал В. П. Крымов, правда, религиозных обрядов и ограничений не соблюдавший. Но старообрядческое имя Корзухина могло ассоциироваться с Лениным, если вспомнить строки Н. А. Клюева: «Есть в Ленин керженский дух, / Игуменский окрик в декретах» [Клюев, 1977, с. 369]. Цикл стихотворений «Ленин», в который вошло это стихотворение, был впервые опубликован в 1919 году в клюевских сборниках «Песнослов и «Медный кит» [Клюев, 1977, с. 56], и Булгаков вполне мог быть с ним знаком. Кержаки, как известно, представляют одно из течений старообрядцев. Имя Ленина Владимир совпало с именем В. П. Крымова. В. И. Ленин предлагал в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в будущем коммунистическом обществе сделать из золота сортиры. Корзухин, напротив, делает из золотого доллара мирового кумира и читает Голубкову, пришедшему просить у него денег для его бывшей жены Серафимы, «балладу о долларе». Эта ленинская статья была впервые опубликована в «Правде» 6–7 ноября 1921 г. Именно из этого номера Булгаков вырезал сохранившиеся в его архиве воспоминания А. В. Шотмана о

Ленине, о которых пойдет речь ниже. Статью же Ленина в виде вырезки из газеты Булгаков сохранять не стал, поскольку имел дома собрание сочинений Ленина [Соколов, 2020, с. 130-131].

В первой редакции «Бега» Белый главнокомандующий, в котором легко угадывался П. Н. Врангель, выговаривал Корзухину:

«Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано?.. Ваша подпись – “Парамон Корзухин?” (Читает). “Главнокомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...”. Что означает эта свиная петрушка? Во время Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (Читает.) “При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...”. Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел?.. Вы получили миллионные субсидии, и это позорище напечатали за два дня до катастрофы! А вы знаете, что писали польские газеты, когда Буденный шел к Варшаве? “Отечество погибает”!» [Булгаков, 2013, с. 1008].

По всей вероятности, Булгаков был знаком с пьесой польского писателя Стефана Жеромского «Роза» (1909). Прототипом ее главного героя, польского революционера Яна Чаровца, послужил начальник Польского государства маршал Юзеф Пилсудский, с которым Жеромский в то время дружил, хотя

впоследствии стал его непримиримым политическим оппонентом. В «Беге» из «Розы» появляются трупы в мешках тех, кто был повешен по приказу Хлудова. И в тифозном бреду генералу-вешателю бросает в лицо Серафима Корзухина: «Дорога и, куда ни хватит глаз человеческих, все мешки да мешки!.. Зверюга, шакал!» [Булгаков, 2013, с. 997]. У Жеромского в сцене маскарада вслед за девушкой, олицетворяющей потерпевшую поражение революцию, и ожидающими казни, выступают загадочные гости – тела, одетые в мешки, а в том месте, где должна быть шея, торчит обрывок веревки. Это – трупы повешенных в саванах. И когда участники маскарада, только что освиставшие девушку-революцию, в ужасе убегают, из-за занавеса говорит Чаровец, называющий труп в мешке «музыкантом варшавским» и «хохлом», который сыграет свою песенку [См.: Żeromski S. 1909]. Фамилии Чарнота и Чаровец явно созвучны (в обеих возникают ассоциации со словами «чары», «очарованный»). Но есть еще целый ряд деталей, связывающих Чарноту с Пилсудским. Григорий Лукьянович вспоминает, что бывал в Харькове и Киеве. А ведь в Харькове Пилсудский, как известно, учился на медицинском факультете университета, который так и не окончил, а в Киеве после побега из варшавской тюремной больницы он успел издать последний номер нелегального журнала «Работник», перед тем как покинуть пределы Рос-



сийской империи. В финале «Бега» Чарнота вспоминает, как во время войны, скорее всего, гражданской, но, может быть, еще и во время Первой мировой, грабил обозы. Это можно понять и как намек на хорошо известную экспроприацию на станции Безданы (ныне Бездонис в Литве), организованную и непосредственно возглавлявшуюся Пилсудским в 1908 г. Тогда был ограблен почтовый поезд, перевозивший более 200 тыс. рублей, и об этом ограблении много писали в газетах.

Если принять предположение, что одним из прототипов Чарноты является Пилсудский, то схватка Чарноты и Пилсудского за карточным столом пародирует реальную военную схватку Пилсудского и Ленина за Варшаву в 1920 году [Соколов, 2020, с. 132-133].

**Образ В. И. Ленина в романе  
М. А. Булгакова  
«Мастер и Маргарита»**

Ленин послужил одним из бесчисленных прототипов Воланда в «Мастере и Маргарите». В архиве Булгакова сохранилась вырезка из «Правды» от 6–7 ноября 1921 г. с воспоминаниями члена РСДРП(б) с 1899 г., петербургского рабочего и профессионального революционера Александра Васильевича Шотмана «Ленин в подполье» [Архив М. А. Булгакова, 27, 1, л. 12]. Впоследствии эти мемуары Шотмана о Ленине многократно переиздавались, в том числе на иностранных языках, причем как отдельными

брошюрами, так и в составе сборников. Они выходили как в сокращенном, например, в сборнике 1925 года [Шотман, 1925, с. 136-137], так и в дополненном по сравнению с газетной публикацией (Шотман А. В. *Тов. Ленин в подполье. (так в оригинале. – Б. С.) (июль-октябрь 1917 года) // Правда, 1921, 6-7 ноября, № 251. С. 6)*, виде. Но в этих изданиях был перерыв на 1937-1957 гг. из-за того, что в 1937 г. А. В. Шотман (он по национальности был финном, и в детстве его звали Сантери – уменьшительным финским именем от Александра), был арестован и расстрелян. Его реабилитировали только в 1955 г. [См.: Луцкий, 1979, с. 29-34; Трубин, 2020]. Таким образом, в 1940 году, когда Булгаков незадолго до смерти закончил работу над текстом романа «Мастер и Маргарита», имя А. В. Шотмана оказалось под запретом, и его мемуары о Ленине не могли быть переизданы в ближайшем будущем.

В мемуарах Шотмана описывалось, как вождь большевиков летом и осенью 1917 г. скрывался от Временного правительства, объявившего его немецким шпионом и собиравшегося арестовать его и предать суду. Шотман, в частности, отмечал, что «не только контрразведка и уголовные сыщики были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка Треф, были мобилизованы для поимки Ленина» и им оказывали помощь «сотни добровольных

сыщиков среди буржуазных обывателей» [Шотман, 1921, с. 6; Шотман, 1925, с. 137]. Здесь вспоминается тот эпизод романа, где прославленный своими необыкновенными способностями милицейский пес Тузбубен безуспешно ищет Воланда и его свиту после скандального сеанса черной магии в театре Варьете. Тут можно ответить, что полиция после Февральской революции была переименована в милицию, так что ищейку Треф из мемуаров А. В. Шотмана, как и Тузбубена, правильно было бы называть милицейской.

То, что описано Шотманом, похоже на безуспешные поиски Воланда, Коровьева, Бегемота, Азазелло и Геллы после сеанса черной магии, а также на происходящее в эпилоге романа, когда обезумевшие граждане хватают десятки и сотни людей с подозрительными фамилиями, в которых подозревают Воланда и Коровьева и черных котов, в которых подозревают котаоборотня Бегемота. Шотман приводит слова одного из ближайших соратников Ленина, Я. М. Свердлов, на VI съезде партии большевиков о том, что «хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, но невидимо присутствует и руководит им» [Шотман, 1921, с. 6]. Аналогично Воланд признается Берлиозу и Бездомному, что незримо присутствовал при суде Понтия Пилата над Иешуа Га-Ноцри, «но только тайно, инкогнито, так сказать» [Булгаков, 2006, с. 674].

Литераторы же в результате заподозрили в собеседнике немецкого шпиона. [См.: Соколов, 1997, с. 259; Соколов, 2020, с. 62-63]

Шотман, регулярно беседовавший с Лениным и в Разливе, и в Финляндии, признавался: «Я очень жалею, что не изучил стенографии и не записал тогда все то, что он говорил. Но... я убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, Владимир Ильич еще тогда предвидел» [Шотман, 1921, с. 6; Шотман, 1925, с. 136]. В «Мастере и Маргарите» Воланд весьма точно предсказывает, что произойдет с теми, кого он встречает на своем пути как в ближайшее время, так и в отдаленном будущем.

Ленин отразился еще в одном персонаже «Мастера и Маргариты», правда, сугубо второстепенном. Это – известный драматический артист, который пытается убедить управдома Никанора Ивановича Босого и других арестованных по подозрению в укрывательстве иностранной валюты, царских золотых десятков и ювелирных изделий добровольно сдать валюту, золото и бриллианты. В окончательном тексте романа артист именуется Саввой Потаповичем Куролесовым. Однако в редакции 1937 – 1938 годов этот персонаж именуется гораздо прозрачнее – Илья Владимирович Акулинов (как вариант присутствует в тексте Илья Потапович Бурдасов, в котором опознать Ленина сложнее). Здесь он запечатлен следующим образом:

«Обещанный Бурдасов не замедлил появиться на сцене и оказался пожилым, бритым, во фраке и белом галстуке.

Без всяких предисловий он скроил мрачное лицо, сдвинул брови и заговорил ненатуральным голосом, глядя на золотой колокольчик:

– Как молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой...

Далее Бурдасов рассказал о себе много нехорошего. Никанор Иванович, очень помрачнев, слышал, как Бурдасов признавался в том, что какая-то несчастная вдова, воя, стояла перед ним на коленях под дождем, но не тронула черствого сердца артиста. Никанор Иванович совсем не знал до этого случая поэта Пушкина, хотя и произносил, и нередко, фразу: “А за квартиру Пушкин платить будет?”, и теперь, познакомившись с его произведением, сразу как-то загрустил, задумался и представил себе женщину с детьми на коленях и невольно подумал: “Сволочь этот Бурдасов!” А тот, все повышая голос, шел дальше и окончательно запутал Никанора Ивановича, потому что вдруг стал обращаться к кому-то, кого на сцене не было, и за этого отсутствующего сам же себе отвечал, причем называл себя то “государем”, то “бароном”, то “отцом”, то “сыном”, то на “вы”, а то на “ты”.

Понял Никанор Иванович только одно, что помер артист злою смертью, прокричав: “Ключи! Ключи

мои!”, повалившись после этого на пол, хрипя и срывая с себя галстук.

Умерев, он встал, отряхнул пыль с фрачных коленей, поклонился, улыбнувшись фальшивой улыбкой, и при жидких аплодисментах удалился, а конферансье заговорил так:

– Ну-с, дорогие валютчики, вы прослушали в замечательном исполнении Ильи Владимировича Акулинова “Скупого рыцаря”» [Булгаков, 2006, с. 483-484].

Образ женщины с детьми, молящей о куске хлеба для своих детей, – это не только обозначенная цитата из пушкинского «Скупого рыцаря», но и гораздо более скрытый намек на эпизод из жизни Ленина, не нашедший отражения в официальной советской лениниане, но отраженный в одной эмигрантской публикации. По всей вероятности, Булгаков был знаком с содержанием статьи «Ленин у власти», опубликованной в популярном русском эмигрантском парижском журнале «Иллюстрированная Россия» в 1933 году. Автор статьи скрылся под псевдонимом «Летописец» (вероятно, это был бывший секретарь Оргбюро и Политбюро Борис Георгиевич Бажанов или кто-то другой из числа советских перебежчиков, находившихся в то время во Франции) [Соколов, 1997, с. 259-261].

В этой статье мы находим следующий любопытный штрих к портрету вождя большевиков:

«Ленин несколько не заблуждался относительно действитель-

ных чувств, которые питает к новой власти подавляющее большинство населения России – русское крестьянство. Он с самого начала отлично понимал, что крестьянство не пойдет ради нового порядка не только на бескорыстные жертвы, но и на добровольную отдачу плодов своего каторжного труда. И наедине со своими ближайшими сотрудниками Ленин, не стесняясь, говорил как раз обратное тому, что ему приходилось говорить и писать официально. Когда ему указывали на то, что даже дети рабочих, т.е. того самого класса, ради которого и именем которого был произведен переворот, недоедают и даже голодают, Ленин с возмущением парировал претензию:

– Правительство хлеба им дать не может. Сидя здесь, в Петербурге, хлеба не добудешь. За хлеб нужно бороться с винтовкой в руках... Не сумеют бороться – погибнут с голода!...» [Летописец, 1933, с. 5].

Трудно сказать, говорил такое вождь большевиков в действительности или мы имеем дело с еще одной легендой.

Примечательно, что в том же номере «Иллюстрированной России», где был опубликован очерк «Летописца» «Ленин у власти», были опубликованы материалы, которые, по всей вероятности, тоже отразились в «Мастере и Маргарите». В частности, в этом номере была представлена рубрика «Парижские моды» [Парижские моды, 1933, с. 21] с фотографиями и опи-

саниями женского модного платья, что могло подтолкнуть Булгакова представить на сцене во время сеанса черной магии Воланда в Варьете магазин парижской моды для дам. Также в этом номере под псевдонимом Саккар был помещен очерк «Парижское “ревью”» – о парижских мюзик-холлах «ревью» – аналогах Театра «Варьете» в «Мастере и Маргарите». Возможно, в описании визита Воланда к директору Варьете Степе Лиходееву отразилась, среди прочего, сцена из очерка Саккара, когда «к директориссе одного парижского театра «ревью», г-же Разими, вошел изысканно одетый господин американского типа» [Саккар, 1933, с. 12]. Там же упоминаются обнаженные танцовщицы «ню» – «необходимая принадлежность каждого парижского ревю» (у Булгакова жертвы Воланда, польстившиеся на парижские наряды, в итоге остаются без одежды), а также чудесные представления, которые даются на сцене ревю: здесь зрителю «покажут настоящее морское сражение, и он будет с замиранием сердца слушать настоящую канонаду, видеть как рушатся под взрывами гранат мостики и рубки, как гибнет в волнах целый корабль. Несколько лет тому назад в одном парижском мюзик-холе было показано наводнение. На глазах у зрителя, на сцене, вода прорывала плотину и широким мощным потоком низвергалась в брешь. Это было настоящим шедевром режиссера и... главного ме-

ханика». В сравнении с этим отрезанная, а потом возвращенная на место голова конферансье Жоржа Бенгальского, магазин парижской моды и денежный дождь, обрушившийся на зрителей, выглядят куда скромнее. А вот как описывает Саккар занавес одного из ревью: «Это – сплошные гирлянды роз и среди них, разбросанные там и сям, именно разбросанные в причудливом беспорядке... несколько полуобнаженных женских тел» [Саккар, 1933, с. 13]. В «Мастере и Маргарите» в сцене Великого бала у сатаны мы видим такие же стены роз и обнаженные женские тела, так как все женщины на балу обнажены.

Илья Владимирович Акулинов пародирует Владимира Ильича Ульянова (Ленина), причем довольно прозрачно. Илья Владимирович – это перевернутый Владимир Ильич. А Ульяна и Акулина представляют собой пару имен, устойчиво сопрягающуюся в фольклоре. Можно найти и иное сходство между этими именами, составляющие основу фамилий Ульянов и Акулинов. Ульяна представляет собой искаженное латинское имя Юлиана, что означает «относящаяся к роду Юлиев». Из этого рода происходил первый римский император Юлий Цезарь, чье прозвище Цезарь в сокращенном виде заимствовали в качестве своего титула русские цари. Акулина же является искаженным латинским именем Акилина, что означает «орлиная». Но орел – это символ монархии и

намек на то, что Ленин уподоблен монарху. Можно допустить, что и отчество Персикова – Ипатьевич возникло не только из-за созвучия Ипатьич – Ильич, но и в качестве намека на то, что в доме инженера Н. И. Ипатьева в Екатеринбурге в июле 1918 года по приказу Ленина была расстреляна семья Романовых. Вспомним и о том, что первый царь этой династии, Михаил Романов, перед венчанием на царство нашел убежище в Ипатьевском монастыре. Фамилия Акулинов в сочетании с именем и отчеством Илья Владимирович слишком явно указывало на Ленина и было цензурно неприемлемо. Поэтому в окончательном тексте соответствующего персонажа зовут Савва Потапович Куролесов. Хотя некоторый намек на Ленина сохранился в эпилоге, где Босой видит в газете окаймленное черным объявление в том, что Савву Потаповича в самый расцвет его карьеры хватил удар». После чего «Никанор Иванович побагровел до того, что сам чуть не отправился вслед за Саввой Потаповичем, и взревел: «Так ему и надо!»» [Булгаков, 2006, с. 930]. Поскольку Босой – персонаж явно отрицательный, можно предположить, что Булгаков относился к смерти Ленина несколько иначе.

Как убедительно доказывает современный российский исследователь, невролог и гериатр В. М. Новоселова, изучивший весь комплекс архивных документов о болезни и смерти Ленина, у вождя

большевиков был менинговаскулярный сифилис головного мозга, а диагноз формулировался как «запущенный нейроваскулярный сифилис». Именно и только от сифилиса Ленина лечили. Фантастический же пассаж в акте вскрытия тела Ленина о том, что «причиной болезни умершего являлся атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания (Abnuzung Sklerose) появился под давлением Политбюро, так как там не хотели публично признавать, что Ленин болел сифилисом. Указанного в акте вскрытия диагноза никогда не существовало, и он был поставлен единственный раз в истории – в случае смерти Ленина [Новоселов, 2020].

Чем именно болел Ленин, не было секретом для членов Политбюро и работников центрального партийного аппарата. Так, бывший технический секретарь Политбюро Б. Г. Бажанов в мемуарах писал о ситуации со здоровьем Ленина к концу 1922 года: «Но врачи были правы: улучшение было кратковременным. Нелеченный в своё время сифилис был в последней стадии. Приближался конец» [Бажанов, 1992, с. 41].

Булгаков, как известно, в 1917-1919 годах, работая врачом в Смоленской губернии, а потом в Киеве, специализировался на лечении сифилиса и других венерических болезней. Работа по борьбе с сифилисом описана Булгаковым в рассказе «Звездная сыпь» (1926) из

цикла «Записки юного врача». Там он замечает, что сифилис «таился и в костях и в мозгу» [Булгаков, 2023, кн. 1, с. 102].

Булгаков читал не только заключение о смерти Ленина, сделанное на основе посмертного вскрытия и опубликованное в газетах «Правда» и «Известия». В архиве М. А. Булгакова сохранились вырезки из газеты «Рабочей» за 29 апреля 1922 г. и 14 марта 1923 г. с бюллетенями о состоянии здоровья В. И. Ленина. В бюллетене от 14 марта 1923 г. впервые сообщалось о поразившем Ленина параличе [Архив М. А. Булгакова, 27, 1, л. 13-14]. В принципе опытный врач-венеролог, даже читая бюллетени, в которые вносились сознательные искажения, и принимая во внимание состав лечивших Ленина врачей, среди которых были крупнейшие специалисты по нейросифилису, мог догадаться, какая именно болезнь была у Ленина. Во всяком случае, в ранних редакциях «Мастера и Маргариты», если не сам Воланд, то один из членов его свиты, который в окончательном тексте именуется Азazelло, болел сифилисом: «— Он такой же директор, — сказал за плечом у Степы гнусавый сифилитический голос, — как я архиерей»; «— Когда же он успеет? — послышался хриплый сифилитический голос из-за двери, — ведь это не ближний свет! Сейчас пошлю». Также в ранней редакции сифилисом болел римский император Тиберий в ерша-

лаимских сценах: «В потемневшем дне по залу проплыло старческое, обрюзгшее, беззубое лицо, бритое, с сифилитической болячкой, разедающей кость на желтом лбу, с золотым редкозубым венцом на плешивой голове» [Булгаков, 2006, с. 29, 44, 106].

В окончательном тексте «Мастера и Маргариты» все детали, связанные с сифилисом, исчезли, равно как и вопрос к Ивану Бездомному в клинике Стравинского, не болел ли он сифилисом [Булгаков, 2006, с. 136, 210]. Эта редакция была связана с тем, что Булгаков решил сделать более возвышенным как стиль ершалаимских сцен, так и образ Воланда, для чего убрал ряд снижающих деталей у него и его свиты.

#### Заключение

Отношение Булгакова к Ленину было довольно противоречивым. Для писателя вождь большевиков был подобен Воланду, то есть, согласно эпиграфу из гетевского «Фауста», «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» [Булгаков, 2006, с. 647]. Злом в деятельности Ленина Булга-

ков считал то, что возглавляемые им большевики разрушили ранее существовавший порядок, отняли у людей булгаковского поколения прежнее чувство стабильности, широко практиковали красный террор. Благом же писатель считал то, что Ленин все же сумел сохранить единство Российского государства, пусть и под другим названием, завершил гражданскую войну и ввел НЭП. Ленин, как великая историческая личность, оказавшая решающее влияние на судьбу России в XX веке, привлекал Булгакова всю жизнь, и неслучайно его образ отразился в лучших его произведениях – в повести «Роковые яйца», в пьесе «Бег» и в романе «Мастер и Маргарита», где одной из главных тем была судьба России. Уже в первых очерках о Ленине проглядывают апокалиптические нотки. А в главных булгаковских произведениях скрытое изображение вождя большевиков становится важным инструментом сатирического изображения того общества, начало которому положил В. И. Ленин.

#### Библиографический список

1. Архив М. А. Булгакова // ОР РГБ, фонд 562, картон 27, ед. хр. 1, л. 12.
2. Архив М. А. Булгакова // ОР РГБ, фонд 562, картон 27, ед. хр. 1, л. 13-14.
3. Архив М. А. Булгакова // ОР РГБ, фонд 562, картон 27, ед. хр. 3.
4. Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Санкт-Петербург : Всемирное слово, 1992. 138 с.
5. Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. Москва : Художественная литература, 1990. 242 с.
6. Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный мастер...»: полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». Москва : Вагриус, 2006. 1006 с.

7. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Белая гвардия. Харьков ; Белгород : Клуб семейного досуга, 2013. 1088 с.
8. Булгаков М. А. Под пятой. Записные книжки Мастера. Москва : Алгоритм, 2017. 384 с.
9. Булгаков М. А. Собрание сочинений Михаила Булгакова: в 3-х кн. Кн. 1. Белая гвардия. Записки юного врача. Морфий. Москва : Престиж бук, 2023а. 656 с.
10. Булгаков М. А. Собрание сочинений Михаила Булгакова: в 3-х кн. Кн. 2. Египетская мумия. Фельетоны, очерки, рассказы, заметки. Москва : Престиж Бук, 2023б. 656 с.
11. Булгаков М. А. Собрание сочинений Михаила Булгакова: в 3-х кн. Кн. 3. Дьяволиада. Повести и рассказы. Москва : Престиж Бук, 2023в. 688 с.
12. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1977. 560 с.
13. Летописец. Ленин у власти. К 16 годовщине октября // Иллюстрированная Россия, Париж, 1933, 4 ноября, № 45, с. 1-2, 4-5.
14. Лиров М. «Недра», книга шестая // Печать и революция. Москва, 1925, Кн. 5-6, с. 517-519.
15. Луцкий Е. А. Публикации воспоминаний А. В. Шотмана о последнем подполье В. И. Ленина // Советские Архивы. 1979. No 3. С. 29-34.
16. Новоселов В. М. Смерть Ленина. Медицинский детектив. Москва : Пятый Рим, 2020. 512 с.
17. Парижские моды // Иллюстрированная Россия. Париж. 1933. 4 ноября. № 45. С. 21.
18. Саккар. Парижское «ревью» // Иллюстрированная Россия. Париж. 1933. 4 ноября. № 45, с. 12-14.
19. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. Москва : Локид; Миф, 1997. 592 с.
20. Соколов Б. В. Творческая биография М. А. Булгакова (к 130-летию автора) : монография. Москва : КНОРУС, 2020. 304 с.
21. Трубин А. Кем был Александр Шотман, чье имя носит петрозаводская улица // Московский Комсомолец-Карелия, 2020, 7 декабря. URL: <https://karel.mk.ru/social/2020/12/07/kem-by1-aleksandr-shotman-che-imya-nosit-petrozavodskaya-ulica.html?ysclid=lkqya1vs1n21061161>. (Дата обращения: 15.07.2023).
22. Шотман А. В. Ленин в подполье // Жизнь В. И. Ленина 1870-1924. Сборник воспоминаний его современников. Москва : Изд-е «Рабочей газеты», 1925. С. 136-137.
23. (Żeromski S.) Katerla J. Róża. Krakow: Ksiazka, 1909. 264 s.

#### Reference list

1. Arhiv M.A. Bulgakova // OR RGB, fond 562, karton 27, ed. hr. 1, l. 12. = M.A. Bulgakov's archive // Manuscript Department, Russian State Library, fond 562, card-board 27, storage unit 1, p. 12.



2. Arhiv M.A. Bulgakova // OR RGB, fond 562, karton 27, ed. hr. 1, l. 13-14 = M.A. Bulgakov's archive // Manuscript Department, Russian State Library, fond 562, cardboard 27, storage unit 1, p. 13-14.
3. Arhiv M.A. Bulgakova // OR RGB, fond 562, karton 27, ed. hr. 3 = M.A. Bulgakov's archive // Manuscript Department, Russian State Library, fond 562, cardboard 27, storage unit 3.
4. Bazhanov B.G. Vospominanija byvshego sekretarja Stalina = Memoirs of Stalin's former secretary. Sankt-Peterburg : Vsemirnoe slovo, 1992. 138 s.
5. Belozerskaja-Bulgakova L. E. Vospominanija = Memoirs. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 242 s.
6. Bulgakov M.A. «Moj bednyj, bednyj master...»: polnoe sobranie redakcij i variantov romana «Master i Margarita» = “My poor, poor master...” : the complete collection of editions and variants of the novel The Master and Margarita. Moskva : Vagrius, 2006. 1006 s.
7. Bulgakov M.A. Master i Margarita. Belaja gvardija = The Master and Margarita. The White Guard. Har'kov ; Belgorod : Klub semejnogo dosuga, 2013. 1088 s.
8. Bulgakov M.A. Pod pjatoj. Zapisnye knizhki Mastera = Under the heel. The Master's notebooks Moskva : Algoritm, 2017. 384 s.
9. Bulgakov M.A. Sobranie sochinenij Mihaila Bulgakova: v 3-h kn. Kn. 1. Belaja gvardija. Zapiski junogo vracha. Morfij = Collected Works by Mikhail Bulgakov: in 3 books. Book 1. The White Guard. A Young Doctor's Notebook. Morphine. Moskva : Prestizh buk, 2023a. 656 s.
10. Bulgakov M.A. Sobranie sochinenij Mihaila Bulgakova: v 3-h kn. Kn. 2. Egiptskaja mumija. Fel'etony, ocherki, rasskazy, zametki = Collected Works by Mikhail Bulgakov: in 3 books. Book 2. Egyptian Mummy. Feuilletons, essays, stories, notes. Moskva : Prestizh Buk, 2023b. 656 s.
11. Bulgakov M.A. Sobranie sochinenij Mihaila Bulgakova: v 3-h kn. Kn. 3. D'javoliada. Povesti i rasskazy = Collected Works by Mikhail Bulgakov: in 3 books. Book 3. Diaboliad. Novellas and stories. Moskva : Prestizh Buk, 2023v. 688 s.
12. Kljuev N.A. Stihotvorenija i pojemy. = Verses and poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1977. 560 s.
13. Letopiseec. Lenin u vlasti. K 16 godovshhine oktjabrja = Chronicler. Lenin in power. To the 16th anniversary of October // Illjustrirovannaja Rossija, Parizh, 1933, 4 nojabrja, № 45, s. 1-2, 4-5.
14. Lirov M. «Nedra», kniga shestaja = Lirov M. "Depths", book six // Pечат' i revoljucija. M., 1925, Kn. 5-6, s. 517-519.
15. Luckij E. A. Publikacii vospominanij A. V. Shotmana o poslednem podpol'e V. I. Lenina = Lutsky E. A. Publications of A. V. Shotman's memoirs about Lenin's last underground //Sovetskie Arhivy. 1979. No 3. S. 29-34.
16. Novoselov V. M. Smert' Lenina. Medicinskij detektiv = Lenin's death. The medical detective Moskva : Pjatyj Rim, 2020. 512 s.
17. Parizhskie mody = Parisian fashions // Illjustrirovannaja Rossija. Parizh. 1933. 4 nojabrja. № 45, s. 21.
18. Sakkar. Parizhskoe «revju» = Saccard. Paris "revue" // Illjustrirovannaja Rossija. Parizh. 1933. 4 nojabrja. № 45, s. 12-14.

19. Sokolov B.V. Bulgakovskaja jenciklopedija = Bulgakov Encyclopedia. Moskva : Lokid; Mif, 1997. 592 s.

20. Sokolov B.V. Tvorcheskaja biografija M. A. Bulgakova (k 130-letiju avtora) = M.A. Bulgakov's creative biography (for 130th anniversary) : monografija. Moskva : KNORUS, 2020. 304 s.

21. Trubin A. Kem byl Aleksandr Shotman, ch'e imja nosit petrozavodskaja ulica = Who was Alexander Shotman, whose name a Petrozavodsk street has // Moskovskij Komsomolec-Karel'ija, 2020, 7 dekabnja. URL: <https://karel.mk.ru/social/2020/12/07/kem-byl-aleksandr-shotman-che-imya-nosit-petrozavodskaya-ulica.html?ysclid=lkqya1vs1n21061161>. (Data obrashhenija: 15.07.2023).

22. Shotman A.V. Lenin v podpol'e = Lenin in the underground // Zhizn' V.I. Lenina 1870-1924. Sbornik vospominanij ego sovremennikov. Moskva : Izd-e «Rabochej gazety», 1925. S. 136-137.

23. (Żeromski S.) Katerla J. Róża. Krakow: Ksiazka, 1909. 264 s.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 21.06.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья  
УДК 821.161.1.  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_83  
EDN PWFOMV

### Художественное своеобразие «Первых опытов» Б. Пастернака

Жун Цзе<sup>1</sup>, Му Дзявэй<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Доктор филологических наук, профессор Института русского языка Хэйлунцзянского университета. КНР, г. Харбин.

<sup>2</sup>Аспирант Института русского языка Хэйлунцзянского университета КНР

<sup>1</sup>[mdb752@sina.com](mailto:mdb752@sina.com), <https://orcid.org/0009-0005-7445-2119>

<sup>2</sup>[intelligentmu@qq.com](mailto:intelligentmu@qq.com), <https://orcid.org/0009-0003-0984-0364>

**Аннотация.** Статья посвящена анализу произведения Б. Пастернака «Первые опыты» (1910-1912), которые стали не только отправной точкой для писателя в искусстве написания прозы, но и практикой, которая дала ему опыт, повлиявший впоследствии на создание его шедевра «Доктор Живаго». В данной статье делается попытка использовать теорию точки зрения Б. А. Успенского, представителя московско-тартуской семиотической школы, в качестве методологической стратегии с намерением прояснить художественную структуру прозаических набросков «Первые опыты». Анализ «Первых опытов» демонстрирует, как происходило формирование эстетических взглядов Пастернака в аспекте соотношения романтизма, символизма и реализма в его творчестве, как освобождение от романтизма позволило писателю выработать своеобразное понимание реализма и романтизма, сформировав его самобытный творческий стиль – он активно включал в художественное творчество субъективные ощущения, и в то же время ценил верность художественного образа действительности. Изображая главного героя, писатель неоднократно использует разнообразные точки зрения в плане лексики, оценки, пространственно-временной характеристики и психологии. Множественность точек зрения повествования, используемых в событиях разных времен и пространств, делает образ главного героя полным сложных и напряженных духовных противоречий, он несет в себе пастернаковское понимание и осмысление романтизма, отражает эстетический взгляд писателя на реализм и его понимание взаимосвязи жизни и искусства. В статье рассматривается многолинейная структура «Первых опытов», комментируется фрагментарность сюжета, основные мотивные линии, система мифологических реминисценций, символическое значение главного героя, подробно характеризуется поэтическая концепция природы, демонстрируется, что художественное восприятие природы героями имеют ярко выраженный импрессионистический характер и что писатель, используя импрессионистические приемы воссоздания цвета, звука и запаха, преподносит вечный образ природы в уникальном сочетании временного и вечного.

---

© Жун Цзе, Му Дзявэй, 2023

**Ключевые слова:** Б. Пастернак; «Первые опыты»; точка зрения; структура, романтизм; поэтическое мировоззрение; импрессионизм; концепция природы

**Для цитирования:** Жун Цзе, Му Дзявэй Художественное своеобразие «Первых опытов» Б. Пастернака // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 83-100.  
[http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_83](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_83).  
<https://elibrary.ru/PWFOMV>.

Original article

### Artistic uniqueness of B. Pasternak's "First Experiments"

Rong Jie<sup>1✉</sup>, Mu Jiawei<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Doctor of philology, professor at the Institute of Russian language, Heilongjiang University. PRC, Harbin.

<sup>2</sup>Postgraduate student at the Institute of Russian language, Heilongjiang University. PRC

<sup>1</sup>[mdb752@sina.com](mailto:mdb752@sina.com)<sup>✉</sup>, <https://orcid.org/0009-0005-7445-2119>

<sup>2</sup>[intelligentmu@qq.com](mailto:intelligentmu@qq.com), <https://orcid.org/0009-0003-0984-0364>

**Abstract.** The article analyzes B. Pasternak's work "First Experiments" (1910-1912), which became not only the starting point of the writer's comprehension of the prose writing art, but also an exercise that gave him the experience that influenced his writing Doctor Zhivago. This article attempts to use the theory of B. A. Uspensky, a representative of the Moscow-Tartu semiotic school, as a methodological strategy with the intention to clarify the artistic structure of the prose sketches "First Experiments". The analysis of "First Experiments" demonstrates how Pasternak's aesthetic views were formed in terms of the correlation between romanticism, symbolism and realism in his work, how his liberation from romanticism allowed the writer to develop a unique understanding of realism and romanticism, forming his distinctive creative style - he widely incorporated subjective feelings into his creative work, and at the same time valued the truthfulness of the artistic image. While portraying the protagonist, the writer makes frequent use of diverse points of view in terms of phraseology, evaluation, spatial-temporal characterization and psychology. The multiple narrative points of view, used in the events of different times and spaces, makes the image of the protagonist full of complex and intense spiritual contradictions, it carries Pasternak's understanding and comprehension of romanticism, reflects the writer's aesthetic view of realism and his understanding of the relationship between life and art. The article considers the multilinear structure of "First Experiments", comments on the fragmentary nature of the plot, the main motive lines, the system of mythological reminiscences, the symbolic meaning of the main character; it characterizes in detail the poetic concept of nature and demonstrates that the artistic perception of nature by the characters have a pronounced impressionistic effect and that the writer, using impressionistic techniques of recreating color, sound and smell, creates an eternal image of nature in a unique combination of the temporal and the eternal.

**Key words:** B. Pasternak; "First Experiments"; point of view; structure; romanticism; poetic worldview; impressionism; concept of nature

*For citation:* Rong Jie, Mu Jiawei Artistic uniqueness of B. Pasternak's "First Experiments". *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 83-100 (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_83](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_83). <https://elibrary.ru/PWFOMV>.

### Введение

Известный русский писатель Б. Л. Пастернак (1890-1960) в возрасте двадцати двух лет завершил свои прозаические наброски «Первые опыты» (1910-1912), которые стали не только отправной точкой для писателя в искусстве написания прозы, но и практикой, которая дала ему опыт, повлиявший впоследствии на создание его шедевра «Доктор Живаго» (1957).

Главный герой, Реликвимини, изображен с множества точек зрения, неся в себе размышления писателя о художественном романтизме. Присутствие природы заменяет роль сюжета на протяжении всего текста, а введение точки зрения природного субъекта выстраивает пространственную структуру произведения. Введение точек зрения звука, цвета и запаха, а также фрагментарность сюжета придают прозе выраженный импрессионистический характер. Природа, запечатленная в моментальном впечатлении, становится вечной за счет взаимного отражения персонажей и природы.

Пастернак считал, что структура имеет решающее значение практически в любом тексте [贝科夫, 2016, с. 51]. Уникальная художественная структура «Первых опытов» отражает раннее знакомство Пастернака с художественной эсте-

тикой и беллетристической; судьба главного героя намекает на уход писателя от художественного романтизма, и изучение «Первых опытов» поучительно для выявления развития всего поэтического мировоззрения писателя; любовь к природе на всем протяжении творчества Пастернака также нашла полное отражение в этом прозаическом тексте.

Исследования и размышления писателя передаются через сложную структуру данных прозаических опытов. Согласно Ю. М. Лотману (1922-1993), «сложность структуры в точности пропорциональна сложности передаваемого сообщения: чем сложнее характер сообщения, тем сложнее символическая система, используемая для его передачи» [洛特曼, 2003, с. 14]. Прозаические наброски «Первые опыты» сложны по структуре, гибки в смене точек зрения и фрагментарны по сюжету.

«Первые опыты» построены на сочетании точек зрения: оценки, лексики, психологии; точек зрения природы; точек зрения на уровне цвета, звука и запаха, свойственных импрессионистическому стилю. В данной статье делается попытка использовать теорию точки зрения Б. А. Успенского (1937-), представителя московско-тартуской семиотической школы, в качестве мето-

дологической стратегии с намерением прояснить художественную структуру прозаических набросков «Первые опыты».

**Краткий анализ  
многоперспективной  
художественной формы  
«Первых опытов»**

Успенский считает, что предпосылкой письма является определение точки зрения повествования. «Первые опыты» состоят из 45 разделов и построены по принципу многоперспективного, многоуровневого подхода. Профессор Ван Цзечжи делит данный текст на *три уровня*: *первый уровень* имеет две линии: главная линия – это история главного героя, Реликвимини, а второстепенные линии – это истории художника Койнониевича, композитора Шестикрылова и других; *второй уровень* – истории других в реальности; *третий уровень* – легенды, басни и так далее [汪介之, 2015, с. 103]. Безусловно, желательно разделить текст на три уровня в соответствии с персонажами и их отношением к основному сюжету. Однако мы считаем, что сюжет этих набросков разрознен и фрагментарен настолько, что едва ли найдутся две соседние главы, связанные между собой в сюжетном отношении. Писатель так часто меняет точку зрения, чтобы разбавить сюжет, и вместо этого он устанавливает две другие линии, чтобы связать прозаический текст воедино.

Первая линия – жизнь, чувства и размышления главного героя, музыканта Реликвимини, которая носит фрагментарный характер. Сюжетная линия главного героя развивается в основном с его собственной точки зрения, а части, развиваемые с точки зрения таких персонажей, как Койнониевич, Александр Македонский, Шестикрылов и Польшка, дополняют изображение главного героя.

Почти все главные герои данного текста – деятели искусства: музыкант Реликвимини, пианист и композитор Шестикрылов, художник Койнониевич, театральный актер Блафар. Лотман подчеркивает «феномен повтора в тексте, утверждая, что суть рифмы заключается в сближении различного и, следовательно, более глубокое повторение расположения, структуры и тематических идей также обладает диалектическим качеством рифмы» [黄玫, 2000, с. 52], и что сходство профессий связывает героев прозы, но они редко встречаются в сюжете и почти никогда не пересекаются. Интересно, что все эти персонажи обладают острым и уникальным восприятием природы, что намекает на вторую линию текста – мотив вечной природы. По мнению Пастернака, природе не дана жизнь, она жива сама по себе; природа – не объект изображения, а субъект действия, действующее лицо и движущая сила событий [Пастернак, 1989].

**Переплетение искусства  
и жизни: многомерная  
и динамичная точка зрения на  
структуру образа главного героя**

Реликвимини – типичный герой Пастернака, остро наблюдательный и потому чувствительный, экстремальный, иногда почти психопат. Этот характер встречается и у других героев, изображенных писателем, например, у Юрия Живаго, и у самого писателя.

Р. О. Якобсон предположил, что «проза Пастернака – проза поэта» [Якобсон, 1987, с. 325]. Его герои имеют духовную связь с ним самим, что делает его произведения автобиографичными. Через образ Реликвимини открывается возможность постичь общие черты характера целого ряда персонажей и исследовать духовный мир писателя.

В тексте имеются три имени для главного героя, что обнаруживает следы лингвистических экспериментов Пастернака и подчеркивает внимание, которое писатель придает символическому значению имен персонажей. В то же время это отражение смещения точки зрения писателя.

*Точки зрения лексики,  
оценки на портрете Реликвимини*

Игорь Реликвимини – главное имя героя, занимающее большую часть разделов, в которых он появляется. С точки зрения художника Койнониевича, его знакомого Александра Македонского и даже самого героя, его зовут Реликвимини. Фор-

ма латинского глагола *relinquo* во втором лице множественного числа прошедшего времени страдательного залога значит: «вы покинуты, оставлены, вас оставляют» [Пастернак, 2004, с. 428]. В действительности, как следует из его имени, судьба главного героя изначально двойственна: с одной стороны, он падает, словно убывающая песчинка, отражающая золотой солнечный свет, проходящий сквозь пальцы; а с другой стороны, когда он достигает конца своего пути, он чудесным образом возвращается к жизни, часть его жизни сохраняется навсегда.

С точки зрения художника Койнониевича в первом разделе, Реликвимини изображен скрючившимся на земле, вышагивающим вокруг со склоненной головой и одержимо бормочущим: «Погибаю» [Пастернак, 2004, с. 425]; с точки зрения Шестикрылова в 15-м разделе главный герой – душевнобольной, которого мучают крысы; и в 31-м разделе «Смерть Реликвимини» главный герой теряет ощущение мира и осознает, что у него «начался отлив» [Пастернак, 2004, с. 487], что его прошлая свободная жизнь, полная бесконечных возможностей, скоро будет обрамлена ненавистными ему черными линиями, и он окончательно впадает в «оцепенения» [Пастернак, 2004, с. 487].

В противоречие с названием раздела 31, писатель не изображает смерть главного героя напрямую. В данном фрагменте главный герой

теряет остроту восприятия и больше не способен создавать художественные ассоциации с миром, впадая в «оцепенения», это показывает что Реликвимини не является человеком из живой плоти и крови в традиционном понимании.

Символическое значение его имени становится ясным в сочетании с постоянной и бурно развивающейся художественной интуицией главного героя, его чувственным познанием мира и необыкновенной чувствительностью: он символизирует художественный романтизм. Окончательное оцепенение Реликвимини и неумолимое молчание его судьбы свидетельствуют о том, что сам писатель колеблется в своем отношении к романтизму: он перестал в него верить и принимать его целиком, но начал размышлять о нем, и эти размышления привели Пастернака в будущем к уникальному эстетическому видению реализма в искусстве.

Дискуссия о реализме и романтизме присутствует на протяжении всей ранней прозы Пастернака. «Однако следует отметить, что ни его романтизм, ни его реализм не принадлежали к исторической сфере и не подразумевали литературного направления, но имели уникальный смысл, который он лично придавал им в определенном историческом контексте» [薛君智, 1987, с. 81].

В ранние годы Пастернак находился под влиянием художественного романтизма, двумя источни-

ками которого были русский символизм и немецкий романтизм. Пастернак родился в семье, принадлежащей элитному русскому художническому роду, его отец был искусным художником и живописцем, мать – талантливой пианисткой, родители часто общались с элитой, занимавшейся искусством, что обеспечило писателю хорошую артистическую атмосферу [阿格诺索夫, 2001]. В конце 1905 года Пастернак с семьей поехал жить в Берлин – время, когда он был «наиболее одержим романтизмом» [贝科夫, 2016, с. 34]. Его брат А. Л. Пастернак (1893-1982) вспоминал, что в это время Борис обожал произведения немецких писателей-романтиков Э. Т. А. Гофмана и Жана Поля [Пастернак, 1983]. Более того, в молодости писатель находился под сильным влиянием символизма, как он сам вспоминал: «Я и некоторые мои современники провели свою юность со стихами А. А. Блока» [阿格诺索夫, 2001, с. 452].

Под влиянием обоих направлений Пастернак рассматривал романтизм как способ восприятия мира и подчеркивал место субъективного лиризма в художественном творчестве, делая акцент на «лиризме» [汪介之, 2015, с. 132]. Под непосредственным влиянием романтизма в ранний период писатель провел эксперимент по написанию прозаического текста «Первые опыты», язык которого наполнен субъективным лиризмом, а герои



обладают полной свободой восприятия мира.

Формирование эстетических взглядов Пастернака на реализм происходило постепенно, и в начале его творческого пути находилось «под влиянием самого хрупкого и запутанного из популярных в те годы символистских течений, полного причудливой путаницы» [伯林, 2013, с. 208]. Зрелые эстетические взгляды писателя на искусство можно найти в «Поэзии» (1922), где он утверждает, что уникальность художественного образа проявляется тогда, когда он наилучшим образом соответствует действительности, что является «особым масштабом» самого искусства, «высшим выражением авторской точности». Этим реализмом он противопоставляет себя романтизму, который полон «надуманной страсти, ложной глубины и надуманной нежности .....» [阿格诺索夫, 2001, с. 461]. Осмысление и исследование романтизма началось у Пастернака уже в прозе «Первые опыты».

Исследование и обсуждение романтизма – одна из целей изображения главного героя. Реликвимини как носитель романтизма находится в центре внимания писателя, и для того, чтобы наполнить его образ и сделать его символику более ясной, писатель вводит точку зрения художника Койнониевича.

Койнониевич, бывший одноклассник Реликвимини, который не видел его много лет, представляет обычных людей, которые следуют

правилам и мыслят в соответствии со здравым смыслом; личность главного героя представляется читателю глазами Койнониевича. Когда он впервые встретил Реликвимини, Койнониевич лишь нашел его странным: он бросился наперерез толпе, достал перо и лихорадочно бормотал про себя. Из беспокойства он спросил своего старого друга о его здоровье, и читатель убеждается, что главный герой не совсем в своем уме. Б. Успенский утверждает, что точка зрения в плане лексики и точка зрения в плане оценки иногда не совпадают. Сама по себе забота Койнониевича о здоровье своего старого друга не является злой, но писатель добавляет к ней иронию, поскольку дискурсивная точка зрения Койнониевича в плане лексики подчинена точке зрения писателя в плане оценки, что раскрывает безумную сторону Реликвимини, олицетворяющего романтизм, и имплицитно предполагая, что это необъяснимое безумие будет усиливаться, пока не поставит главного героя на грань краха.

Помимо Койнониевича, который находится на противоположной стороне от главного героя, писатель вводит точку зрения Александра Македонского, чтобы помочь в изображении главного героя. Македонский – старый знакомый главного героя, разделяющий его интересы. Поведение Македонского, на взгляд Койнониевича, причудливо: когда он возбужден, он

зарывается головой в цветы, как будто жует или курит их.

Хотя у них были общие интересы, в отличие от Реликвимини, у Македонского была «какая-то нарочитая проникновенность» [Пастернак, 2004, с. 424]. Пастернак критиковал подобные выражения футуристов, считая их «нереальными пристрастиями» и склонностью к «полудраматизму» [薛君智, 1987, с. 82]. С точки зрения Македонского, символическое значение образа Реликвимини проясняется еще больше.

Если Македонский является метафорой надуманных эмоций и ложной глубины романтизма, то Реликвимини символизирует романтизм с этой «примесью»: субъективным художественным сознанием и искренним энтузиазмом к тому, что его окружает, но также и часто неконтролируемым безумием. Смерть Реликвимини – ритуал очищения романтизма, организованный Пастернаком.

По мнению Успенского, помимо пространственных свойств, точка зрения также имеет временной характер [乌斯宾斯基, 2004, с. 56]. Писатель нарушает привычную хронологию; в 31-м разделе Реликвимини «скончался», и жизнь затихает, а в 41-м разделе, перед Рождеством, главный герой снова ходит по улицам, как обычно, ощущая мир своим художественным восприятием, и его движение становится обычным. Воскресение Реликвимини предполагает, что Пастернак не

выносил смертный приговор романтизму, а просто отвергал его надуманные страсти и преувеличенные порывы, что соответствует творческой сущности самого писателя – он явно пропагандировал против романтизма, а его собственное творчество было в значительной степени романтическим [薛君智, 1987, с. 82]. Освобождение от романтизма позволило писателю выработать своеобразное понимание реализма и романтизма, сформировав его самобытный творческий стиль – он активно включал в художественное творчество субъективные ощущения, и в то же время ценил верность художественного образа действительности.

*Точки зрения психологии  
в структуре образа Пурвита*

Второе имя главного героя – Пурвит, встречается только в разделе 31 «Смерть Реликвимини». Пурвит происходит от французского *pour vie*, что означает «за жизнь, для жизни», и от латинского слова *vita*, что означает жизнь. Подобную композицию имен можно также увидеть у писателя Юрия Живаго и Патрикия Живульта. Имя Пурвит заставляет нас сосредоточиться на размышлениях главного героя о жизни. Фигура Реликвимини обладает чертами мыслителя, которые также разделяет Пастернак в своей поздней прозе [汪介之, 2015, с. 143].

Размышления главного героя о жизни развиваются на основе сочетания внешних и внутренних точек зрения в плане психологии. Разница

между внешней и внутренней точками зрения связана с психопространственной дистанцией между повествователем и тем, что он говорит [管月娥, 2020, с. 123]. Согласно Успенскому, «описание психики другого со стороны Я как можно более объективно, основываясь на наблюдаемых фактах, можно назвать внешней точкой зрения; внутренний взгляд персонажа на собственное сознание следует классифицировать как внутреннюю точку зрения в плане психологии» [乌斯宾斯基, 2004, с. 78]. В первом разделе художник Койнониевич воспринимает Реликвимини то испуганным, то печальным, словно «зашел в тупик» [Пастернак, 2004, с. 424]. Согласно теории Успенского, с изменением времени меняется перспектива восприятия объекта субъектом, а значит, соответственно меняется и объект, который воспринимает субъект. В результате обмена мнениями Койнониевич меняет свой взгляд на главного героя и пытается его понять. Поэтому художник спрашивает Реликвимини, не идет ли речь о романтизме в эстетике, но эти рассуждения прерывает сам герой.

В этот момент точка зрения в плане психологии смещается с внешней на внутреннюю, и Реликвимини начинает говорить о том, что он думает на самом деле. Таким образом, мы узнаем, что Реликвимини полагает, что искусство – это не только красота и уродство в эстетическом смысле, но добро и зло,

счастье и страдание, правда и ложь, которые вместе составляют всеобъемлющую жизнь, то есть искусство и жизнь равноценны. «Жизнь – источник искусства, а задача искусства – выразить жизнь» [阿格诺索夫, 2001, с.460]. Главный герой более откровенен в своих напутственных словах: линии и рамки, олицетворяющие правила, существуют везде, и люди привыкли им поклоняться, в них и забились; но жесткие правила гораздо менее прекрасны, чем судьба, которая движется с ветром и полна случайностей, поэтому в его восприятии дом начинает дрожать, а горизонт дышать. Пастернак считал, что художник не должен ограничиваться рамками, а должен остро воспринимать жизнь и говорить о ней через искусство.

Реликвимини воспринимает жизнь через искусство, и его чувствительность приносит ему опыт иного вида. Через точку зрения в плане психологии писатель представляет художественное восприятие жизни главным героем. Когда Реликвимини останавливается на постоялом дворе, он замечает те же бездомные лучи сквозь неразверстанные тучи и вокруг белой страдальческой лужайки света была поминальная равнинная тьма [Пастернак, 2004, с. 435]; а когда Реликвимини вспоминалось детство, он находил его окруженным полуденными деревьями, сквозь которые неся полусон кастрюль с кухни, пересыпалось горячее стреко-

тание, и, сбивая друг друга в воздухе, уставали мотыльки.

Писатель ценит как важную роль субъективного лиризма в искусстве, так и реалистический, и исторический характер своих творений. Для писателя жизнь находится в постоянном движении, но всегда ограничена правилами и рамками, такими как время и пространство, именно искусство помогает жизни выйти за эти рамки и стать вечной.

В этом процессе реальность всегда является основой искусства, предпосылкой, от которой искусство не может быть отделено, что также подразумевается в понимании писателем художественного реализма, то есть уникальность искусства проявляется тогда, когда художественный образ наиболее соответствует реальности. Жизнь – источник искусства, а искусство помогает жизни достичь вечности. Через точку зрения в плане психологии главного героя писатель органично связывает искусство и жизнь, представляя свой взгляд на искусство-жизнь.

*Сашка Берг и присутствие точки зрения писателя*

Третье имя главного героя – Сашка Берг, которое связано с эпизодом санатория, когда главный герой является душевнобольным с точки зрения администратора, Шестикрылова. В санатории Берг (*Главный герой в санатории именуется здесь Бергом, чтобы отличать его от главного героя в его*

*нормальном состоянии*) постоянно мучается сомнениями и чувствует себя неуверенно. Эпизод с санаторием продолжает тенденцию падения судьбы главного героя. Берг несколько раз жаловался Шестикрылову: «Мыши в сумерки перегрызают все полы», «Душу изгрызло мне», «Мы провалимся» [Пастернак, 2004, с. 469]. Таким образом, Шестикрылов привлек истребителя Вурма – гамельнского крысолова. В конце концов Реликвини впал в безумие и был отправлен в санаторий – неизбежный исход в соответствии с траекторией его судьбы. Введение мифологии придает фигуре главного героя значение, выходящее за рамки индивидуального. Берг не знал легенды о Крысолове из Гамельна, поэтому не представлял, к чему приведет Вурм. Центральным здесь является вопрос об авторском знании и об источниках этого знания [乌斯宾斯基, 2004]. С точки зрения писателя, мы узнаем личность Вурма и можем догадаться, куда движется сюжет. Введение легенды о Крысолове связывает главного героя с мифом, уходящим корнями в историю, что делает его одновременно вечным и современным.

Крысолов из Гамельна основан на средневековой немецкой легенде: город Гамельн заражен крысами, и весь город обращается к крысолову и обещает ему большую сумму денег; крысолов играет на своей флейте и заставляет крыс одну за другой прыгать в реку Везер,

но когда крысы уничтожены, жители отказываются выполнять свое обещание; тогда флейта играет снова, и крысолов забирает всех детей города [荣洁, 2013].

Писатель использует здесь легенду, но что является источником страха Берга и где крысы? Прежде всего, очевидно, что крысы не настоящие, потому что Берг – единственный, кого они преследуют: по его словам, крысы грызут не только пол, но и его душу. С точки зрения Шестикрылова, крысы – всего лишь фантазия в голове больного психопата, но так случилось, что он знает и лекарство – как только он возвращается в свою комнату, Шестикрылов телеграммой просит приехать крысолова из Гамельна.

Образ Вурма полностью основан на точке зрения Бергера: крысолов всегда скрытен, передвигается в кресле-седле, в толстом шерстяном шарфе и с небольшим, но неожиданно тяжелым ящиком, который никому не разрешается открывать; он молчалив и часто о чем-то советуется с Шестикрыловым. Однажды ночью Берг случайно выходит в коридор и видит Вурма, задумчиво работающего с факелом и лопатой. По сюжету Вурм, ответственный за избавление от крысиного нашествия, которое поразило Берга, должен стать спасителем героя, но над ним всегда висит страх, который Берг не может объяснить: у Берга есть смутное ощущение, что он за это поплатится.

Что же символизирует крыса, как крысолов выманивает нашествие и что получает взамен? С точки зрения Берга, мы можем представить себе процесс охоты на крыс: с момента приезда Вурма в санаторий Берг постоянно слышит музыку и пение, доносящиеся из подвала; выходя в коридор посреди ночи, Берг также видит, что Вурм занимается какой-то работой. А с точки зрения Берга в плане психологии лечение Берга можно считать успешным: сначала Берг попросил о помощи «Душу изгрызло мне», а в конце концов «Берг не мог вспомнить кошмара, давившего его во сне» [Пастернак, 2004, с. 471].

Лечение помогает, и крыса исчезает; вскоре Берга выписывают, и он возвращается домой, а его имя меняется на Реликвимини. Таким образом, становится ясно, что крыса, которая преследует мозг главного героя – то, что заставляет его пройти лечение в санатории. После того как в 15-м разделе театр распадается, Реликвимини видит свою давно потерянную подругу, но не приветствует ее как обычно; внезапно он бросает несколько драгоценных камней и незаметно бросается в толпу, снова устраивая беспорядки, как в начале романа, после чего полиция отправляет его в санаторий.

Главный герой необычайно остро ощущает окружающее, что приносит ему не только необычное художественное восприятие, но и боль. Он находится в состоянии

экстаза и близок к тому, чтобы быть поглощенным самим собой. Крыса символизирует боль, вызванную претенциозными и напыщенными тенденциями романтизма, которая разъедает весь подтекст романтизма. По мере того, как болезнь главного героя продолжается, то, что осталось от его романтического художественного восприятия, будет съедено крысами.

Реликвимини не мог переносить боль и поэтому часто сходил с ума и вел себя странно. После того как его поместили в санаторий, его не заставляли лечиться, а он сам обратился за помощью, отчаянно желая избавиться от боли в голове. Приходит крысолов и отманивает крыс, не забывая при этом забрать свою награду: он забирает их с собой, вместе с романтической страстью, художественным восприятием, на которые рассчитывает Реликвимини. Поэтому после ухода крысолова главный герой смотрит в окно, но больше не может сопереживать и сочувствовать, перед читателями предстает сцена потери художественного восприятия Реликвимини и его дальнейшего оцепенения в трамвае. Но смерть нужна для возрождения, после воскрешения Реликвимини больше не борется и не дезориентирован, а его романтизм лишен претенциозных порывов и напыщенных эмоций. Очищенный, главный герой полностью воплощает в себе романтизм Пастернака.

Изображая главного героя, писатель неоднократно использует мно-

го точек зрения в плане лексики, оценки, пространственно-временной характеристики и психологии. Множественность точек зрения повествования, используемых в событиях разных времен и пространств, делает образ главного героя полным сложных и напряженных, духовных и практических противоречий в конструировании другого и самого себя.

Главный герой несет в себе пастернаковское понимание и осмысление романтизма, художественное восприятие мира главным героем, основанное на окружающей действительности, отражает эстетический взгляд писателя на реализм и его понимание взаимосвязи жизни и искусства, а введение мифологии придает главному герою смысл, выходящий за рамки конкретного прозаического текста.

**Вечность в одном моменте:  
природа наблюдаемая  
и наблюдающая**

Точка зрения обладает как пространственными, так и временными характеристиками. В процессе структурирования прозы писатель часто меняет точки зрения, что приводит к путанице во времени и пространстве и фрагментации сюжета романа; в сочетании с акцентом писателя на природе и таких факторах как цвет, звук и запах, проза сама по себе в высшей степени импрессионистична. Импрессионистический стиль прослеживается не только в данной прозе, но и в

первой опубликованной повести автора «Апеллесова Черта». Писатель создает вечный образ природы в своих интуициях и впечатлениях, пытаясь достичь того, что он называет «импрессионизмом вечного» [Пастернак, 2004, с. 14].

Писатель использует переключение точек зрения, чтобы намеренно снизить роль сюжета. В прозе «Первые опыты» восприятие времени читателем происходит через субъективный опыт отдельных персонажей.

В отличие от непрерывности объективного времени, временное измерение теряет свою роль в сближении и связывании мира прозы, поскольку отдельные персонажи находятся в разных временах и пространствах, и вместо этого присутствие природы становится той нитью, которая проходит через всю прозу. У Пастернака природа является субъектом наблюдения и действия, приобретая вечный характер.

О любви писателя к природе М. И. Цветаева однажды сказала, что «Пастернак ощущал себя деревом, как будто природа превратила его в дерево, чтобы он шелестел своим человеческим стволом в такт природе» [阿格诺索夫, 2001, с. 453]. Каждый из персонажей прозы «Первые опыты» проявляет особый интерес и заботу о природе. С точки зрения Шестикрылова, «снежные поля двигались как далекие нежные и необъятные ладони, перебирая нанизанных галок вместо четок» [Пастернак, 2004,

с. 436]. С точки зрения Реликвимины, «Межа в слякоти, куда втоптаны спутанные листья малины, пьяные, охрипшие и посоловевшие ветки, много листьев, прихлестнутых лицом к грязи, серебристо-сереньким мехом вверх» [Пастернак, 2004, с. 455]. С точки зрения Сугробского, «некоторые ветви и листья которых плоско прилепали к небу, распластанные по его скользящей желтизне, а остальные отклонялись, составляя несвязно пошатывающийся спутанный воздух в садах» [Пастернак, 2004, с. 509].

Фрагментарность прозаического сюжета и художественное восприятие природы героями имеют ярко выраженный импрессионистический характер; даже восприятие жизни у Пастернака импрессионистично, а чистота и острота непосредственных чувств писателя, его художественная заразительность делают его внутренне близким к стилю мастеров-импрессионистов, таких как Моне [帕斯捷尔纳克, 2014, с. IX]. Став взрослым, писатель до сих пор вспоминает прогулки в саду со своей няней, «грязные дорожки с кучами листьев», «нарисованных лошадей» и «игры и драки между школьниками» [帕斯捷尔纳克, 2015, с. 1]. Картины писателя-подростка «Жоня за столом» и «Вид из окон дачи в Оболенском» также выполнены в импрессионистическом стиле [Пастернак, 1989, с. 62-63]. Это отражает импрессионистическое вос-

приятие мира, которым писатель обладал с ранних лет.

Поэтические изыскания Пастернака с самого начала отличались искусной передачей звука и цвета, приближающейся к импрессионистическому искусству [帕斯捷尔纳克, 2014, с. X], такую же художественную характеристику можно найти в ранней прозе писателя, где он использует звук и цвет для создания импрессионистических зарисовок и воссоздания природы.

Если рассмотрим данный текст с точки зрения цвета, то небо «пальевое, нанесенное на выцветавший пергамент» [Пастернак, 2004, с. 420], «снежные тучи мохнатые, как туловища мух, воздвигали над полями небо графитовых залежей» [Пастернак, 2004, с. 435], «через несколько кварталов из-за крыш чердаки, как кочегары, выгребают кирпичный жар театральной стены» [Пастернак, 2004, с. 464], «повисая над бледно-абрикосовым пространством с остро синей резбой волнения, зыбь похожа на змеящиеся ртутные лезвия» [Пастернак, 2004, с. 475].

А с точки зрения в плане звука, «на рассвете жалобно болталось ослабшее сырое небо и передергивало ветром оконные стержни», «Наряженный колокольнями полдень раскатисто разъехался врозь» [Пастернак, 2004, с. 440]. «Наливались грозди спелого воробьиного чириканья» [Пастернак, 2004, с. 440], «едва держалась сырая, талая весна ветвей, поминутно она

всхлипывала, кликала и срывалась» [Пастернак, 2004, с. 445].

Звук и цвет – метод восприятия писателем мира таким, каким он существует, и точка зрения писателя отражается не только в использовании точки зрения персонажа, но и на уровне звука и цвета за пределами языка и слов, так что «Первые опыты» – не только проза, но и серия групповых картин и симфоний о природе.

Первая опубликованная повесть писателя, «Апеллесова Черта», так же лишена сюжета и непрерывности повествования. В этой повести писатель продолжает свое импрессионистическое воспроизведение природы. В дополнение к цвету и звуку, он использует точки зрения в плане запаха, чтобы природа, воссозданная в стиле импрессионизма, казалась полнее и ближе к тому, какой она была в тот момент. В первый вечер истории «пизанская косая башня ведет целое войско косых зарев и косых теней приступом на Пизу... от всей вечерним ветром раздуженной Тосканы пахнет, как от потертого меж пальцев лаврового листа, в один из таких вечеров» [Пастернак, 2004, с. 6]. Сонному Гейне пришло в голову «скалы, пропасти, сном пришибленные соседи, смрад вагонный, газовый язычок фонаря» [Пастернак, 2004, с. 9]. В городе Ферраре «иссиня-черный, стальной рассвет. Холодом напоен душистый туман... как звонко латинское утро» [Пастернак, 2004, с. 10]. И с самого



начала природа в «Первых опытах» приобретает субъективное качество. Данный текст начинается с точки зрения художника Койнониевича: «Уже темнеет. Сколько крыш и шпицей» [Пастернак, 2004, с. 420]. Когда Реликвимини впервые вызвал панику в толпе, старуха начала ругаться, девочка быстро убежала, голуби улетели, студенты-медики подбежали, чтобы схватить героя, собрались продавцы, «в студеной мгле заливается накрошенный мелкий благовест, который хочет вылудить плиты и мостовую. Его треплют переулки» [Пастернак, 2004, с. 421]. Паника, вызванная главным героем, заставляет благовест спешить присоединиться к веселью, и переулок, кажется, следует за звуком благовеста, когда он приближается к толпе. А в театре, который только собирался открыться, лунный свет следил за движением актеров, и поэтому при свете луны мы можем разобрать костюмы актера Блафара. Там во дворе «грядки гелиотропа казались вязаными грядками, обесцвеченные луною» [Пастернак, 2004, с. 448].

В 6 части Реликвимини грустно сидит у окна, и природа как бы пропитывается его грустью и движется навстречу герою: «Комната, дрожа своими очертаниями, куталась в сумерки... (прибывающие поезда) обдавали внезапным сердцебиением замирающие дворы... заострившиеся от сумраку деревца и потупленные подьезды мешались в тревожной дрожи плачущих ржа-

вых петель и спутанных зазывающихся ветвей... отдельные возгласы и звуки двора намечали территорию его великой тоски» [Пастернак, 2004, с. 446]. Чувствуя наступление природы, Реликвимини с некоторым гневом пожаловался ей: «Не окинуть взглядом моей грусти» [Пастернак, 2004, с. 446].

Здесь не Реликвимини определяет природу как атмосферу грусти, а природа замечает главного героя, сидящего у окна, прежде чем она начинает действовать без слов и взаимодействовать с ним. Природа живая, спокойно наблюдающая и окружающая героя, и именно тогда, когда мы думаем, что Реликвимини мыслит в одиночестве, писатель напоминает нам, что главный герой не одинок.

В соответствии с теорией Успенского мы обнаруживаем, что природа наблюдает за миром и участвует в нем со своей точки зрения. Человек взаимодействует с природой, приобретая художественное переживание в удовлетворении и восприятии своего места в мире; соответственно, природа взаимодействует с человеком, в котором она застывает как чистая картина, приобретая вечную ценность и принимая божественность, характер, вдохновение и психологию человека [吴笛, 2003, с.89].

Пастернак – последний и величайший представитель «серебряного века» русской литературы [伯林, 2010, с.87]. Это первое упражнение показывает нам первые опыты в

искусстве и жизни этого молодого таланта, родившегося в художественной семье. Влюбленность писателя в природу заставляет его воспринимать биение сердца природы, а острая художественная интуиция помогает ему воссоздать природу на многих уровнях, включая цвет, звук и запах, в серии пастернаковских импрессионистических портретов природы. Наблюдение персонажей за природой и введение точки зрения природного субъекта делает образ природы навечно зафиксированным, а присутствие природы – неотъемлемой частью художественного мира Пастернака.

#### Заключение

Согласно Ю. Лотману, чем сложнее структура, тем более сложную информацию она несет [Лотман, 2003]. Таким образом, «Первые опыты» Б. Пастернака характеризуются многоуровневой и многолинейной структурой, фрагментарным сюжетом, подвижной точкой зрения многих персонажей, присутствием природных объектов

и импрессионистическим воссозданием цвета, звука и запаха, которые в совокупности создают многомерный художественный мир. Теория точки зрения дает возможность проанализировать символическое значение главного героя в аспекте взаимоотношений с романтизмом, и воспринять природу в уникальном сочетании временного и вечного, постигая ее с точки зрения природного субъекта и с точки зрения персонажей, улавливая внимание писателя к цвету и звуку. «Первые опыты» – пример ранних эстетических исканий Пастернака в искусстве, воплощающий удивительную влюбленность писателя в жизнь и предопределивший его художественные поиски на протяжении всего творческого пути. Анализ «Первых опытов» позволяет понять эстетико-философские основы его творчества, именно здесь закладываются основы эстетики писателя, формируются принципы, которые будут определять своеобразие его творчества на всем протяжении жизни.

#### Библиографический список

1. Пастернак А. Л. Воспоминания. Paderborn : Wilhelm Fink Verlag, 1983. 298 с.
2. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 3. Москва : Слово, 2004. 632 с.
3. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 5. Москва : Слово, 2004. 751 с.
4. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. Москва : Советский писатель, 1989. 688с.
5. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Москва : Прогресс, 1987. 464 с.
6. 阿格诺索夫. 20 世纪俄罗斯文学[M]. 凌建侯等译. 北京: 中国人民大学出版社, 2001:672.

7. 贝科夫.帕斯捷尔纳克传:全2册[M].王嘎译.北京:人民文学出版社,2016:416.
8. 伯林.个人印象[M].林振义等译.南京:译林出版社,2013:284.
9. 伯林.苏联的心灵[M].潘永强等译.南京:译林出版社,2010:258.
10. 管月娥.莱蒙托夫《当代英雄》艺术形式的文化符号学解读[J].俄罗斯文艺,2020.(04):121-128.
11. 黄玫.洛特曼的结构主义诗学观[J].中国俄语教学,2000(01):50-53.
12. 洛特曼.艺术文本的结构[M].王坤译.广州:中山大学出版社,2003:424.
13. 帕斯捷尔纳克.阿佩莱斯线条[M].乌兰汗等译.上海:上海译文出版社,2011:24.
14. 帕斯捷尔纳克.帕斯捷尔纳克诗全集(上、中、下卷)[M].顾蕴璞等译.上海:上海译文出版社,2014:1242.
15. 帕斯捷尔纳克.人与事[M].乌兰汗译.上海:上海译文出版,2015:75.
16. 荣洁.再谈茨维塔耶娃的《捕鼠者》[J].外语教育研究,2013(01):97-104.
17. 汪介之.鲍·帕斯捷尔纳克小说创作的起点[J].解放军外国语学院学报,2015(03):136-143+161.
18. 汪介之.帕斯捷尔纳克的诗学理念与小说创作[J].外国文学研究,2015(04):128-136.
19. 汪介之.帕斯捷尔纳克小说艺术探索的开端[J].俄罗斯文艺,2015(02):103-109.
20. 乌斯宾斯基.结构诗学[M].彭甄译.北京:中国青年出版社,2004:165.
21. 吴笛.论帕斯捷尔纳克的风景抒情诗[J].外国文学研究,2003(04):86-90+173.
22. 薛君智.从早期散文创作到《日瓦戈医生》——兼论帕斯捷尔纳克的文艺观点[J].苏联文学,1987(05):81-90.

#### Reference list

1. Pasternak A. L. Vospominanija = Memoirs. Paderborn : Wilhelm Fink Verlag, 1983. 298 s.
2. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. T. 3 = Complete works: in 11 vols. V.3. Moskva : Slovo, 2004. 632 s.
3. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: v 11 t. T. 5 = Complete works: in 11 vols. V. 5. Moskva : Slovo, 2004. 751 s.
4. Pasternak E. B. Boris Pasternak: Materialy dlja biografii = Boris Pasternak: Materials for biography. Moskva : Sovetskij pisatel', 1989. 688 s.
5. Jakobson R. O. Raboty po pojetike = Works on poetics. Moskva : Progress, 1987. 464 s.
6. 阿格诺索夫.20世纪俄罗斯文学[M].凌建侯等译.北京:中国人民大学出版社,2001:672.
7. 贝科夫.帕斯捷尔纳克传:全2册[M].王嘎译.北京:人民文学出版社,2016:416.
8. 伯林.个人印象[M].林振义等译.南京:译林出版社,2013:284.
9. 伯林.苏联的心灵[M].潘永强等译.南京:译林出版社,2010:258.
10. 管月娥.莱蒙托夫《当代英雄》艺术形式的文化符号学解读[J].俄罗斯文艺,2020.(04):121-128.
11. 黄玫.洛特曼的结构主义诗学观[J].中国俄语教学,2000(01):50-53.

12. 洛特曼.艺术文本的结构[M].王坤译.广州:中山大学出版社,2003:424.
13. 帕斯捷尔纳克.阿佩莱斯线条[M].乌兰汗等译.上海:上海译文出版社,2011:24.
14. 帕斯捷尔纳克.帕斯捷尔纳克诗全集(上、中、下卷)[M].顾蕴璞等译.上海:上海译文出版社,2014:1242.
15. 帕斯捷尔纳克.人与事[M].乌兰汗译.上海:上海译文出版,2015:75.
16. 荣洁.再谈茨维塔耶娃的《捕鼠者》[J].外语教育研究,2013(01):97-104.
17. 汪介之.鲍·帕斯捷尔纳克小说创作的起点[J].解放军外国语学院学报,2015(03):136-143+161.
18. 汪介之.帕斯捷尔纳克的诗学理念与小说创作[J].外国文学研究,2015(04):128-136.
19. 汪介之.帕斯捷尔纳克小说艺术探索的开端[J].俄罗斯文艺,2015(02):103-109.
20. 乌斯宾斯基.结构诗学[M].彭甄译.北京:中国青年出版社,2004:165.
21. 吴笛.论帕斯捷尔纳克的风光抒情诗[J].外国文学研究,2003(04):86-90+173.
22. 薛君智.从早期散文创作到《日瓦戈医生》——兼论帕斯捷尔纳克的文艺观点[J].苏联文学,1987(05):81-90.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 17.06.2023; approved after reviewing 15.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья  
УДК 821.161.1  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_101  
EDN UKWUPS

**Советское как «иное»:  
живописный экфрасис в лирике Алексея Цветкова**

**Алексей Сергеевич Бокарев<sup>1</sup>**, **Алена Владимировна Кораблева<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

<sup>2</sup>Магистр филологии, учитель русского языка и литературы АНОО «Президентский лицей «Сириус», Краснодарский Край, пгт. Сириус

<sup>1</sup>asbokarev@mail.ru<sup>✉</sup>, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

<sup>2</sup>korableva.alena.98@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4316-2240>

**Аннотация.** Статья обращена к рассмотрению поэтики живописного экфрасиса в лирике Алексея Цветкова (1947–2022), представителя литературной группы «Московское время». Доказывается, что экфрасис, трактуемый в работе как тип авторефлексивного текста, основанный на интерпретации произведений искусства невербальной природы, становится в его стихах маркером советской ментальности, относительно которой говорящий дистанцирован и которую подвергает последовательной дискредитации. Анализ экфрастической образности, отсылающей к произведениям И. К. Айвазовского, А. К. Саврасова, И. И. Шишкина и К. А. Савицкого, позволяет говорить о ее прецедентном характере: А. Цветковым намеренно отбираются картины, вошедшие в канон и окруженные целым рядом устойчивых культурных и предметно-бытовых ассоциаций. Конструируемый на их основе советский мир осознается автором как «иной» – резко альтернативный настоящему герою и реальности в целом: это и чреватая историческими катаклизмами история страны, и персональное прошлое лирического субъекта. Если первая мыслится как исключительно неблагоприятная (отсюда недвусмысленные намеки на войны и революции), то второе, как правило, остается вне оценок – однако обоим одинаково отказывается в экзистенциальной подлинности: мотив иллюзорности бытия – сквозной у поэта. Будучи «окном» в «иное» – не только пространство и время, но и «сопутствующие» им тексты культуры, экфрасис в лирике Цветкова выстраивается по принципу интермедиального палимпсеста, возникающего в результате «наслоения» визуальных и вербальных цитаций. Поэтому живописные образы в его стихах «поддерживаются» пушкинскими, горьковскими, блоковскими и т. д. реминисценциями, знаковыми для советского дискурса или «ассимилированными» им. Подобная организация несомненно, способствует концептуализации ментальных актов и выводит произведение в плоскость последовательно артикулируемого полисемантизма.

---

© Бокарев А. С., Кораблева А. В., 2023

**Ключевые слова:** «Московское время»; А. Цветков; интертекстуальность; интермедialность; экфрасис; советский дискурс; советская ментальность

**Благодарности.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научно-го фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

**Для цитирования:** Бокарев А. С., Кораблева А. В. Советское как «иное»: живописный экфрасис в лирике Алексея Цветкова // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 101-114. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_101](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_101). <https://elibrary.ru/UKWUPS>.

Original article

### The Soviet as “other”: vivid ekphrasis in Alexei Tsvetkov's lyrics

Alexei S. Bokarev<sup>1</sup>✉, Alena V. Korableva<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Doctor of philology, associate professor at the department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university n.a. K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

<sup>2</sup>Master of philology, teacher of the Russian language and literature at ANO “Presidential Lyceum Sirius”, Krasnodar Region, Sirius

<sup>1</sup>[asbokarev@mail.ru](mailto:asbokarev@mail.ru)✉, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

<sup>2</sup>[korableva.alena.98@bk.ru](mailto:korableva.alena.98@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4316-2240>

**Abstract.** The article deals with the poetics of vivid ekphrasis in the lyrics by Alexei Tsvetkov (1947-2022), a representative of the literary group “Moskovskoye Vremya” (Moscow Time). The authors prove that ekphrasis, which is interpreted in the article as a type of auto-reflective text based on interpreting artworks of non-verbal nature, becomes in his poems a marker of the Soviet mentality, from which the speaker is distanced and which he consistently discredits. The analysis of epy ekphrastic imagery referring to the works of I. K. Aivazovsky, A. K. Savrasov, I. I. Shishkin and K. A. Savitsky suggests its precedent character: A. Tsvetkov deliberately selects paintings that have become part of the canon and are surrounded by a number of strong cultural and everyday associations. The Soviet world constructed on their basis is understood by the author as “other” – clearly alternative to the hero's present and to reality as a whole: it is both the country's history fraught with historical cataclysms and the lyrical character's personal past. While the former is thought of as exceptionally disadvantaged (hence the unambiguous allusions to wars and revolutions), the latter, as a rule, is left out of assessments – but both are equally denied existential authenticity: the motif of the illusory nature of existence is the poet's recurring theme. Being a “window” into “otherness” – not only space and time, but also “accompanying” cultural texts, ekphrasis in Tsvetkov's lyrics is built according to the principle of intermedial palimpsest, resulting from the “layering” of visual and verbal quotations. Therefore, the picturesque images in his poems are “supported” by Pushkin's, Gorky's, Blok's, etc. reminiscences, iconic for the Soviet discourse or “assimilated” by it. Such an arrangement undoubtedly contributes to mental acts conceptualization and brings the work into the sphere of consistently articulated polysemanticism.

**Key words:** “Moscow Time”; A. Tsvetkov; intertextuality; intermediality; ekphrasis; Soviet discourse; Soviet mentality

**Acknowledgements.** This research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

**For citation:** Bokarev A. S., Korableva A. V. The Soviet as “other”: vivid ekphrasis in Alexei Tsvetkov's lyrics. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 101-114. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_101](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_101). <https://elibrary.ru/UKWUPS>.

**Советская ментальность:  
объем и границы понятия**

Советскую эпоху можно по праву считать одним из наиболее значимых периодов русской истории, сказавшихся на политической и экономической жизни страны и существенно повлиявших на ментальность человека – «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное». В свете нашей темы, однако, логичней говорить не столько о ментальности народа в целом, сколько о «совокупности установок и предрасположенностей индивида или социальной группы» [Новая философская энциклопедия ... ], зародившихся и преобладающих в определенный период. Такой подход опирается на тезис Н. Н. Яковенко, которая подчеркивает, что понятие ментальности «передает комплекс основных представлений об окружающем мире», присущих «сознанию людей той или иной эпохи» [Яковенко, 1993, с. 6]. Применительно к новейшей истории обоснованным представляется выделение в качестве базового с точки зрения формирования ментальности этапа именно советского времени, по-

скольку, как справедливо отмечает И. П. Дерман, изменение мироотношения зачастую «может быть вызвано... социальными взрывами» [Дерман, 2012, с. 179]. К таким взрывам, несомненно, относится и революция 1917 г., а также предвещающие ее и следующие за ней события.

Советская ментальность, как известно, зиждется на двух основаниях: идеологической программе, данной правительством, и реальной жизни людей, следующих этой программе или отвергающих ее. Советский человек, как это внушалось «сверху», должен быть истинным патриотом, вести себя сообразно предписаниям марксизма-ленинизма, чуждаться националистических идей и ставить общественные интересы выше собственных [Khodorovich]. Однако усилия правительства способствовали унификации населения в аспекте не только идеологии, но и быта: все обязаны жить в стандартных домах (впоследствии «хрущевках»), иметь соразмерный доход, пользоваться одинаковыми вещами и т. д. Закономерно, что острое неприятие инакомыслия оборачивалось то-

тальным равнением на коллектив: жизнь большинства выстраивалась в соответствии с общепринятыми конвенциями, отклонение от которых могло караться даже своеобразным «изгнанием» из социума (см., например, дело И. Бродского о «тунеядстве» [Эткинд, 1998]). С другой стороны, подобная программа неминуемо приводила к пассивному принятию решений власти, последовательному уклонению от личной ответственности, наконец, к учащению мелких краж на рабочем месте (неслучайно в языке появились иронически окрашенные разговорные речения – «прихватизировать» и «спионерить») [Khadorovich]. Отсюда уже зафиксированная исследователями взаимообратимость норм и аномалий советской жизни: закрепленные юридическими актами поведенческие модели воспринимались как патология, а резко альтернативные им – как вполне естественные. При этом первые, которым следовало далеко не каждый, зачастую лишь симулировались, тогда как вторые служили непосредственным руководством к действию [Лебина, 2015, с. 7; Попова, 2019, с. 67–68; Зубкова, 2020, с. 886; Дерман, 2012, с. 180].

В русской литературе конца XX – начала XXI в. советский дискурс и лежащая в его основании ментальность концептуализируются разными способами: через образный «лексикон» – систему идеологем, основанных на несовпадении

означаемого и означающего (коллективизм, «забота партии», счастливое детство, «светлое будущее» и др.), специфический хронотоп (тюрьмы, барака, коммунальной квартиры, очереди, стройки, двора), устойчивые сюжеты, репрезентирующие травматический опыт (например, в прозе В. Сорокина) и т. д. Советский мир целенаправленно мифологизируется и демифологизируется: в качестве объекта наблюдения авторами избираются соцреалистические симулякры, обычно подвергающиеся травестийному пародированию [Ханов, 2015; Полякова, 2017]. Один из самых экзотических и малоисследованных способов такой концептуализации (исключение – посвященная отдельным его аспектам статья Т. Е. Автухович [Автухович, 2021]) базируется на использовании в лирике визуальной прецедентности, то есть интермедиальных отсылок к вошедшим в канон произведениям пространственных видов искусства, а вместе с ними к репутации автора и характерному для него стилю. Анализу визуальной прецедентности в стихах современного поэта Алексея Цветкова, выраженной живописными экфрасисами, как раз и посвящена настоящая работа.

**Визуальная прецедентность  
как маркер  
советской ментальности**

Общим местом в теории экфрасиса стало представление о двух авторских интенциях, стимулиру-



ющих его возникновение: репродукции артефакта, с одной стороны, и рефлексии по поводу этого артефакта – с другой. Можно согласиться с Б. П. Иванюком в том, что репродукция, являющаяся «объектной основой» образа, выступает и «тематической грунтовкой» рефлексии, однако выведение из зоны рассмотрения «сугубо рефлексивных» текстов [Иванюк, 2018, с. 394] все же чересчур радикально. По мнению А. А. Житенева, первичной для экфрасиса является ситуация не воспроизведения, но рецепции как интерпретации, выдвигающая на передний план фигуру субъекта, вступающего в отношения с «другим» (сознанием, чужим по отношению к его собственному). Естественно, что в культурном поле «другого» могут оказаться самые разные феномены, «инаковые» по отношению к слову, – но отнюдь не обязательно визуальные [Житенев, 2021, с. 32]. Рассмотрением экфрасиса как системы когнитивных операций объясняются его ключевые особенности: нетождественность экфрасического образа объекту воспроизведения, одни признаки которого опускаются, а другие, наоборот, «высвечиваются»; разная мера конкретизации и детализации этого объекта; многообразие медиа, демонстрирующее авторские предпочтения, – их совмещение в пределах одного текста, приводящее к возникновению «сложного» экфрасиса и/или интермедиального палимпсеста [Жи-

тнев, 2021, с. 32–33]. Согласно Е. Фарино, «произведение внутри произведения создает шкалу “реальный – фиктивный”, “подлинный – поддельный”, “настоящий – условный”», вводя «дополнительный тип пространства и времени» [Фарино, 2004, с. 379]. По удачной формулировке Л. Геллера, экфрасический текст строится на как бы «двойном перемещении»: «на движении взгляда и на движении того, кто смотрит, из своего в иное пространство» и – добавим – время [Геллер, 1997, с. 153–154].

Если большинство авторов обращается к полотнам и/или именам, далеко не всегда известным широкой публике, то у А. Цветкова отсылки к живописи носят прецедентный характер и оказываются окружены целым рядом устойчивых культурных, а иногда и предметно-бытовых ассоциаций. И. К. Айвазовский, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин и К. А. Савицкий – вот тот сравнительно небольшой круг художников, чье творчество «окликается» поэтом регулярно. Прецедентность в его стихах сообщает экфрасисам дейктическую (маркирующую) функцию, превращая интермедиальные образы в знаки, указывающие на определенный факт реальности и несущие информацию о ней. Не требуется специальных усилий для того, чтобы установить: экфрасическая образность в поэзии Цветкова нередко служит маркером советской ментальности, относительно которой

говорящий дистанцирован и которая дискредитируется им как неотъемлемая составляющая официального дискурса. Именно советский мир осознается в экфрастических текстах поэта как «иное» – чреватое историческими катаклизмами прошлое (ситуация вспоминания встроена едва ли не в каждое такое стихотворение), в чьей экзистенциальной подлинности, впрочем, можно усомниться.

Так, в качестве репрезентирующего советскую ментальность имени в стихотворении «пес на песке невысок как с реверса в трубу» упоминается И. К. Айвазовский: «мнимый сеанс если фэйсом к буфету в фойе / самый в уме маринист айвазовского толка / скоро с порога мороз и орехи в фольге / елка» [Цветков, 2015, т. 1, с. 326]. Кустарные елочные игрушки, сделанные из фольги и грецких орехов, – важный атрибут конструируемого Цветковым советского быта, частью которого является и живопись. В произведении представлен образ вымышленной картины, написанной в стиле Айвазовского, причем упоминание художника вызывает ассоциации, получающие опору в мотивной структуре текста: представление о шторме связывается в сознании субъекта с памятью о детстве («в памяти ветер которым до ребер продут»; «с детством в прощальной коробке собой невесом» и т. д. [Цветков, 2015, т. 1, с. 326]), что, в свою очередь, соотносится с тяжелым историческим

прошлым государства, на которое иносказательно намекает поэт. Отдельное место в произведении принадлежит мотиву иллюзорности жизни: сеанс «вглядывания» в картину оказывается «мнимым», изображенная на ней буря – «притворной», а сопутствующий герою пес – «продуктом бреда» [Цветков, 2015, т. 1, с. 326]. Иными словами, мир вокруг протагониста оборачивается набором симулякров, тесно связанных с советским прошлым. Даже заглавие – «Этюд по памяти», – в конечном счете отброшенное [см.: Цветков], при таком прочтении интерпретационно значимо: память героя не сохранила ничего, реальность необратимо утрачена – если она вообще существовала. Симптоматично, что в предпоследней строфе стихотворения звучит фраза-клише, известная в качестве названия старейшего в СССР научно-популярного журнала и напоминающая многочисленные лозунги советской эпохи: «елка была наяву это *знание* в нас / *сила*» (выделено нами. – А. Б., А. К.) [Цветков, 2015, т. 1, с. 326]. Получается, что единственный объект, существовавший «взаправду», представлен посредством симулякра, на этот раз лингвистического; сама же фраза придает тексту одновременно трагический и иронический пафос, акцентируя внимание на отсутствии какой-либо иной «силы» и иной опоры, кроме абстрактного и совершенно бесполезного «знания».

Сходную функцию в стихотворении «уроженец ноябрьских широт...» выполняет и имя А. К. Саврасова, связанное с излюбленным у художника объектом изображения – периодом смены времен года (в тексте Цветкова это последний месяц осени): «уроженец ноябрьских широт / не имеет запасов / там червяк в натюрморте живет / а в ландшафте саврасов» [Цветков, 2015, т. 1, с. 411]. Названные лирическим субъектом реалии вступают друг с другом в отношения синонимии-антонимии: с одной стороны, живой червяк обитает в искусственно созданном объекте – натюрморте (см. фр. *nature morte* – «мертвая природа»), не только уничтожая его, но и делая частью реальности, с другой стороны, заведомо условный пейзаж служит моделью, в соответствии с которой изображается действительность. То есть читателю предлагаются сразу две установки, демонстрирующие взаимопересечение эмпирического и художественного миров, граница между которыми источена до предела. Строки же «не бывает страны под луной / чтоб любить подневольно» [Цветков, 2015, т. 1, с. 411], явно полемические по отношению к советской ментальности, позволяют рассматривать стихотворение как очередную вариацию на тему симулятивности бытия (ср., например, с представлением Х. Гюнтера о сталинском государстве как «тотальном

произведении искусства» [Гюнтер, 1992, с. 27]).

Наиболее частотны в лирике Цветкова отсылки к творчеству И. И. Шишкина, чье имя в СССР концептуализировалось и обрело статус прецедентного. В силу повышенного пиетета ко всему национальному биографический образ и репутация художника стали ассоциироваться с русскими пейзажами, и прежде всего с самой известной его картиной – «Утро в сосновом лесу», которая упоминается во многих текстах поэта. Интересно, что в стихотворении «погоди я тащусь от пейзажа» – «под кустом мегатонны в значке / видно сбросил сержант кабалу / а потом луговые собачки / правят утро в сосновом бору / три сурка со старинной конфеты / в нежных нимбах дрожат силуэты» [Цветков, 2015, т. 1, с. 14] – автор целенаправленно искажает название картины, ведь, как известно, в массовом сознании оно также видоизменяется и предстает в разных вариантах: «Утро в сосновом бору», «Три медведя», «Медведи» [см.: «Утро в сосновом бору» или «в сосновом лесу»?..]. При этом животных, как указывает поэт, на полотне трое (здесь угадывается фольклорная основа национального мировидения), тогда как в действительности их четверо – и не «собачек» или «сурков», а медведей. Наконец, Цветкову как человеку, хорошо разбирающемуся в искусстве, наверняка было известно, что последних рисовал вовсе не Шиш-

кин, а К. А. Савицкий – но и это обстоятельство (правда, уже в другом стихотворении) намеренно игнорируется: «решено напишу о медведях <...> над евфратским стремительным устьем / сквозь рычанье прорежется речь / и у входа сам шишкин допустим / им отдаст подобающий меч» [Цветков, 2015, т. 2, с. 162]. Демонстрируя эти несообразности, Цветков делает акцент на народном восприятии картины, известной многим по различным репродукциям, использованным в том числе в кондитерской сфере (конфеты «Мишка косолапый» фабрики «Красный Октябрь»). Тем самым поэт указывает на влияние (даже в мелочах) советской ментальности на современность; здесь же можно усмотреть характерный для эпохи зазор между реальностью и ее образом в искусстве, которое отражает жизнь совершенно не такой, какая она есть в действительности [см., например: Голубков, 2001, с. 130–174].

Бытовое восприятие Шишкина не в последнюю очередь связано с тем, что его пейзажи в СССР использовались в качестве рисунка для настенных ковров. Этот факт обыгрывается Цветковым в стихотворении «климатологическое»: «буревестник дыша перегаром / объяснит неразумным гагарам / что в погоде грядет перелом / хоть на коврик шишкиным вышит / он предвидит грозу и предслышит / в подтвержденье махая крылом» [Цветков, 2015, т. 2, с. 75]. Картина

Шишкина выступает здесь не столько артефактом искусства, сколько знаком советской ментальности, причем сведений, необходимых для установления полотна, о котором идет речь, явно недостаточно: вероятно, художник упоминается в качестве фигуры концептуализированной, а значит, ему автоматически приписывается все, что хотя бы косвенно с ним связано (буревестник, гагары, гроза – отнюдь не «эксклюзивные», а скорее типичные объекты пейзажной живописи). Более того, отсылка к картине Шишкина в стихотворении «высвечивает» в интермедialном образе не только общекультурный, но и предметно-бытовой планы, так как указывает на характерные для советской жизни реалии: ковер с изображением пейзажа висит, вероятно, в обычной «хрущевке» с ее тонкими стенами и выполняет не столько декоративную, сколько шумоизолирующую и теплосберегающую функции. Использование Цветковым именно этого образа привносит дополнительный смысл в стихотворение, намекая на стандартизацию советского быта, которому автор, впрочем, не дает прямой оценки.

Вместе с тем «климатологическое», где концептуализация советской ментальности особенно наглядна, может прочитываться как интермедialный палимпсест и сложный экфрасис – благодаря многоуровневым отсылкам к различным произведениям живописи и

литературы. Так, образ буреветника становится предзнаменованием бури, на приход которой в финале намекает автор, отсылая читателя к «Девятому валу» Айвазовского: «спой нам снова о вещем олеге / чтоб он вовремя пал на колени / и змею обезвредил на бис / но вопрос не закрыт философский / и девятый увы айвазовский / над родным каганатом навис» [Цветков, 2015, т. 2, с. 75]. Название картины, где опущенное существительное подменяется фамилией художника, вызывает в памяти другое устойчивое словосочетание – «девятый круг», самое страшное место в аду, предназначенное, согласно Данте, для изменников и предателей [Алигьери, 1967, с. 142–154]. Получается, что интермедиаальный палимпсест не только «аккомпанирует» развитию сюжета, но и выполняет характерологическую функцию: буря обрушивается на мир, подобно каре Господа, постигшей некогда Содом и Гоморру.

Усложнению семантики образного ряда способствует и широкий интертекстуальный фон стихотворения: «доедая кровавую пищу / ложкой ерзает коршун по днищу / каннибал этой родины всей / кто навел на отечество немочь / александр нам поведай сергейч / и максимыч открой алексей» [Цветков, 2015, т. 2, с. 75]. Упоминание Пушкина можно объяснить высокой значимостью его имени в русской культуре, при этом особенной популярностью, во многом насаждае-

мой властью, поэт стал пользоваться именно в советский период, о чем пишет, например, Г. Ч. Гусейнов: «...взаимодействие государства и общества в области языка увенчалось учреждением в 1937 году официального культа Пушкина – как “основателя русского языка на всем богатстве социальных диалектов русского общества”» [Гусейнов, 2003, с. 24]. Отсылки к пушкинским текстам – «Песни о вещем Олеге» и «Узнику», а также «Коршуну» А. А. Блока (см. приведенные выше цитаты) призваны акцентировать проблему «немочи» «отечества»: в «климатологическом» она конкретизируется в мотивах фатальной обреченности на несвободу (Олег, как известно, не смог уклониться от predeterminedной ему судьбы, а упомянутый здесь же «каганат» намекает на татаро-монгольское иго), непрекращающегося страдания (показанного у Блока через образ кормящей матери) и кровавой войны, которой нет конца (временной охват «окликаемых» Цветковым текстов – с IX по XX в.).

Имя же Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова), как и имя Пушкина, выбрано неслучайно: во-первых, именно с Горьким, автором «Песни о буреветнике», непосредственно связан образ птицы, приносящей известие о серьезных переменах (в начале XX в. это не только революции, но и Первая мировая и Гражданская войны); во-вторых, не кто иной, как Горький,

союзник / противник большевиков, приближенный Сталина (и пострадавший, возможно, от его рук), лучше других мог бы ответить на вопрос о причинах исторических неудач «отечества». Отметим попутно, что почти все названные литературные произведения входили в СССР в школьную программу и являлись неотъемлемой частью картины мира «простого» человека. Таким образом, судьба страны в стихотворении Цветкова увидена лирическим субъектом сквозь призму «хрестоматийных» для советского времени живописных полотен и литературных текстов.

**Концептуализация  
советской ментальности**

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что экфрасическая образность, представленная отсылками к картинам И. К. Айвазовского, А. К. Саврасова, И. И. Шишкина и К. А. Савицкого, в лирике А. Цветкова носит прецедентный характер, становясь маркером советской ментальности как «ядерного» компонента официального дискурса. Описываемые или подразумеваемые живописные полотна актуализируют в стихах не только общекультурный, но и предметно-бытовой план, выступая неотъемлемой частью повседневности. Объектом поэтической рефлексии в

таких случаях неизменно оказывается прошлое: историческое, если имеется в виду судьба государства, и персональное, если речь идет о жизни лирического субъекта. Первое мыслится как исключительно неблагоприятное (отсюда недвусмысленные намеки на войны и революции), второе вообще остается вне оценок – однако обоим одинаково отказывается в экзистенциальной подлинности. Получается, что мотив иллюзорности бытия, сквозной у поэта, удачно резонирует с самой природой экфрасиса, понимаемого (с позиций семиотики) как «копия второй степени» [Геллер, 2002, с. 9]. Будучи «окном» в альтернативное по отношению к реальности «иное» – не только пространство и время, но и «сопутствующие» им тексты культуры, экфрасис у Цветкова выстраивается по принципу интермедийного палимпсеста, возникающего в силу «наслоения» визуальных и вербальных цитаций. Поэтому живописные образы в его стихах «поддерживаются» пушкинскими, горьковскими, блоковскими и т. д. реминисценциями, знаковыми для советского дискурса или «ассимилированными» им. Подобная организация, несомненно, способствует концептуализации ментальных актов и выводит произведение в плоскость последовательно артикулируемого полисемантизма.

**Библиографический список**

1. Автухович Т. Е. Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М. М. Бахтина // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 5–10.
2. Алигьери Д. Божественная комедия. Москва : Наука, 1967. 628 с.
3. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. Москва : Издательство «МИК», 2002. С. 5–22.
4. Геллер Л. На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин (и наоборот) // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. № 44. S. 151–171.
5. Голубков М. М. Русская литература XX в.: после раскола. Москва : Аспект Пресс, 2001. 267 с.
6. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. Москва : Три квадрата. 2003. 272 с.
7. Гюнтер Х. Железная гармония. (Государство как тотальное произведение искусства) // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 27–41.
8. Дерман И. П. Особенности менталитета советского общества в 20–30-е годы XX века (на примере Северного Приазовья) // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2012. № 1. С. 179–182.
9. Житнев А. А. Современные концепции экфрасиса и гносеологическая модель экфрастического текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 28–34.
10. Зубкова Е. Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Вестник Российской Академии Наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 882–890.
11. Иванюк Б. П. Стихотворный экфрасис: словарная версия // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL; Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. S. 383–396.
12. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.
13. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Москва : Мысль, 2000–2001. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ). (Дата обращения: 31.05.2023).
14. Полякова Н. А. Концептуализация советского дискурса в произведениях писателей третьей волны русской эмиграции // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22–1. С. 175–177.
15. Попова А. Д. Сделано в СССР: мифы советской эпохи как элемент российской ментальности и их историческая трансформация // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 60–73.
16. «Утро в сосновом бору» или «в сосновом лесу»? Тест: вспомните, как называются известные картины на самом деле // Мел. URL: <https://mel.fm/testy/prover/5278641-utro-v-sosnovom-boru-ili-v-sosnovom-lesu-test->

vspomnite-kak-nazyvayutsya-izvestnyye-kartiny-na-samom. (Дата обращения: 31.05.2023).

17. Фарино Е. Введение в литературоведение. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

18. Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 6. С. 90–94.

19. Цветков А. Все это или это все: собрание стихотворений : в двух томах. New York : Ailuros Publishing, 2015. 540 с. + 536 с.

20. Цветков А. Этюд по памяти // Записки аэронавта. Блог Алексея Цветкова в «Живом Журнале». URL: <https://aptsvet.livejournal.com/412787.html> (Дата обращения: 31.05.2023).

21. Эткинд Е. Процесс Иосифа Бродского. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. 176 с.

22. Яковенко Н. Н. Украинская шляхта с конца XIV до середины XVII в. (Волынь и Центральная Украина). Киев : Научная мысль, 1993. 416 с.

23. Khodorovich S. 1917–1987: Unsuccessful and Tragic Attempt to Create a “New Man”. URL: <http://www.roca.org/OA/76-77/76f.htm>. (Дата обращения: 31.05.2023).

#### Reference list

1. Avtuhovich T. E. Jekfrasis kak metatekst v kontekste metalingvisticheskoj teorii M. M. Bahtina = Ekphrasis as metatext in the context of M. M. Bakhtin's meta-linguistic theory // Centr i periferija. 2021. № 3. S. 5–10.

2. Alig'eri D. Bozhestvennaja komedija = The Divine Comedy. Moskva : Nauka, 1967. 628 s.

3. Geller L. Voskreshenie ponjatija, ili Slovo ob jekfrasisе = The revival of the concept, or a word on ekphrasis // Jekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma. Moskva : Izdatel'stvo «МИК», 2002. S. 5–22.

4. Geller L. Na podstupah k zhanru jekfrasisa. Russkij fon dlja nerusskikh kartin (i naoborot) = Approaching the genre of ekphrasis. Russian background for non-Russian paintings (and vice versa) // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. № 44. S. 151–171.

5. Golubkov M. M. Russkaja literatura XX v.: posle raskola = Russian literature of the 20th century: after the split. Moskva : Aspekt Press, 2001. 267 s.

6. Gusejnov G. Ch. Sovetskie ideologemy v russskom diskurse 1990-h = Soviet ideologemes in the Russian discourse of the 1990s. Moskva : Tri kvadrata. 2003. 272 s.

7. Gjunter H. Zheleznaja garmonija. (Gosudarstvo kak total'noe proizvedenie iskusstva) = Iron harmony. (The state as a total work of art) // Voprosy literatury. 1992. № 1. С. 27–41.

8. Derman I. P. Osobennosti mentaliteta sovetskogo obshhestva v 20–30-e gody NN veka (na primere Severnogo Priazov'ja) = Specific features of the Soviet society mentality in the 20-30s of the XX century ( the case of the Northern Azov



region) // Vestnik Taganrožskogo instituta imeni A. P. Čehova. 2012. № 1. S. 179–182.

9. Zhitenev A. A. Sovremennye koncepcii jekfrasisa i gnoseologičeskaja model' jekfrastičeskogo teksta = Modern concepts of ekphrasis and the epistemological model of ekphrastic text // Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Žurnalistika. 2021. № 2. S. 28–34.

10. Zubkova E. Ju. Sovetskaja žizn' kak predmet istoričeskoj rekonstrukcii = Soviet life as a subject of historical reconstruction // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. 2020. T. 90. № 9. S. 882–890.

11. Ivanjuk B. P. Stihotvornyj jekfrasis: slovarnaja versija = Poetic ekphrasis: a dictionary version // Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izučenija. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL; Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. S. 383–396.

12. Lebina N. B. Sovetskaja povsednevnoŝt': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju = Soviet everyday life: norms and anomalies. From War communism to the Big style. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 482 s.

13. Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t. = The new philosophical encyclopedia : in 4 vols. Moskva : Mysl', 2000–2001. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/698/MENTAL"NOST](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/MENTAL)". (Data obrashhenija: 31.05.2023).

14. Poljakova N. A. Konceptualizacija sovetskogo diskursa v proizvedenijah pisatelej tret'ej volny russkoj jemigracii = Conceptualization of Soviet discourse in the works by writers of the third Russian emigration wave // Lingvoričeskaia paradigma: teoretičeskie i prikladnye aspekty. 2017. № 22–1. S. 175–177.

15. Popova A. D. Sdelano v SSSR: mify sovetskoi jepohi kak jelement rossijskoj mental'nosti i ih istoričeskaja transformacija = Made in the USSR: myths of the Soviet era as an element of Russian mentality and their historical transformation // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2019. № 2 (63). S. 60–73.

16. «Utro v sosnovom boru» ili «v sosnovom lesu»? Test: vspomnite, kak nazyvajutsja izvestnye kartiny na samom dele = "Morning in a pine wood" or "in a pine forest"? Test: remember what the famous paintings are actually called // Mel. URL: <https://mel.fm/testy/prover/5278641-utro-v-sosnovom-boru-ili-v-sosnovom-lesu-test-vspomnite-kak-nazyvayutsya-izvestnyye-kartiny-na-samom>. (Data obrashhenija: 31.05.2023).

17. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie = Introduction to literary studies. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. 639 s.

18. Hanov B. A. Funkcionirovanie sovetskogo diskursa v romane M. Elizarova «Mul'tiki» = Soviet discourse functioning in M. Elizarov's novel "Cartoons" // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2015. T. 21. № 6. S. 90–94.

19. Cvetkov A. Vse jeto ili jeto vse: sobranie stihotvorenij : v dvuh tomah = All this or that is all : a collection of poems : in two volumes. New York : Ailuros Publishing, 2015. 540 s. + 536 s.

20. Cvetkov A. Jetjud po pamjati = A sketch from memory // Zapiski ajeronavta. Blog Alekseja Cvetkova v «Zhivom Zhurnale». URL: <https://aptsvet.livejournal.com/412787.html> (data obrashhenija: 31.05.2023).

21. Jetkind E. Process Iosifa Brodskogo = The trial of Joseph Brodsky. London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. 176 s.

22. Jakovenko N. N. Ukrainskaja shljahta s konca XIV do serediny XVII v. (Volyn' i Central'naja Ukraina) = Ukrainian nobility from the end of XV to the middle of XVIII century (Volyn and Central Ukraine). Kiev : Nauchnaja mysl', 1993. 416 s.

23. Khodorovich S. 1917–1987: Unsuccessful and Tragic Attempt to Create a “New Man”. URL: <http://www.roca.org/OA/76-77/76f.htm>. (Data obrashhenija: 31.05.2023).

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 20.06.2023; approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья  
УДК 821.161.1  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_115  
EDN VNIQCE

**Способы передачи комического в современном казахстанском романе  
(на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова  
«Легенда о NOMENCLATURE»)**

**Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева**

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковых дисциплин, Казахский национальный медицинский университет им. С. Д. Асфендиярова, Республика Казахстан, г. Алматы  
smile\_1713@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

*Аннотация.* Актуальность статьи связана с интересом к современной сатирической литературе Казахстана конца XX – начала XXI вв. Казахстанский сатирический роман на сегодняшний день слабо изучен, поэтому заявленная тема расширяет возможности для анализа комического в структуре произведения. Научная новизна заключается в том, что впервые роман Д. Сатпаева и Е. Жумагулова анализируется в заявленном аспекте. В ходе работы над статьей установлено, что важным средством комического является сатира, абсурд, ирония, контраст, игровое созвучие слов русского и казахского языков. Объектом комического становятся, во-первых, молодой человек с большим желанием нажиться любым путем. В достижении своей цели он обманывает, стремится быстро сделать политическую карьеру, которая со временем его обогащает; использует родственные связи и при этом «наличие высокого интеллекта... вещь не обязательная». Вторым объектом являются путешественники из Англии – искатели древнего манускрипта «Nomenclature». В данной статье сатирическое – неотъемлемая часть в характеристике казахстанской повседневности, иногда парадоксальной в отношении не только главных героев произведения, но и тех, кто встречается на пути «искателей». Авторы авантюрно-приключенческого романа также используют прием синтеза высокой лексики и просторечной для изображения сатирического. Сарказм используется в описании для снижения значимости ряда политических событий. Автор статьи приходит к выводу о том, что ирония, к которой Д. Сатпаев и Е. Жумагулов прибегают в тексте можно условно поделить на два вида. К первому типу относится та ирония, которая передается посредством восклицаний, риторических вопросов, комментариев. Второй вид иронии от лица героев. Это стало основанием для вывода автора статьи о том, что все виды иронии используются для описания проблем современного казахстанского общества, для развенчания стереотипов, особенно в отношении взрослых людей как носителях духовности и мудрости.

---

© Бактыбаева А. Т., 2023

---

*Способы передачи комического в современном казахстанском романе (на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE»)*

115

**Ключевые слова:** Сатпаев; Жумагулов; сатира; роман; ирония; путешествие; номенклатура

**Для цитирования:** Бактыбаева А. Т. Способы передачи комического в современном казахстанском романе (на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE») // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 115-127. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_115](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_115). <https://elibrary.ru/VNIQCE>.

Original article

**Ways of expressing the comic in the modern Kazakhstan novel (based on the novel by D. Satpayev and E. Zhumagulov “The Legend of NOMENCLATURE”)**

**Annel T. Baktybaeva**

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of linguistic disciplines Al-Farabi Kazakh National Medical University n.a. S. D. Asfendiyarov, Almaty, Kazakhstan  
smile\_1713@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

**Abstract.** The relevance of the article is due to the interest in Kazakhstan's modern satirical literature of the late XX – early XXI centuries. The Kazakhstan satirical novel has not been studied well enough so far, therefore the topic in question expands the possibilities for analyzing the comic in the structure of the novel. Scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time the novel of D. Satpayev and E. Zhumagulov is analyzed in the above mentioned aspect. In the course of the research, it has been established that satire, absurdity, irony, contrast, amusing consonance of Russian and Kazakh words are important means of expressing the comic. The object of the comic is, firstly, a young man with a great desire to profit by any means. To achieve his goal, he cheats; he seeks a quick political career that enriches him after a while; he uses family connections and in doing so, “having a high intellect...is not a necessary thing”. The second object is travelers from England, seekers of the ancient Nomenclature manuscript. The satirical in this article is an integral part of characterizing Kazakhstan's everyday life, sometimes paradoxical concerning not only the main characters, but also those who the “seekers” meet on their way. The writers of the adventure novel also use the technique of synthesizing lofty and colloquial vocabulary to portray the satirical. Sarcasm is used in the narrative to diminish the significance of certain political events. The author of the article concludes that the irony to which D. Satpayev and E. Zhumagulov resort in the text can be divided into two types. The first type includes the irony that is conveyed through exclamations, rhetorical questions, and comments. The second kind of irony is on behalf of the characters. It was the basis for the author's conclusion that all types of irony are used to describe the problems of modern Kazakhstan society, to debunk stereotypes, especially in relation to adults as bearers of spirituality and wisdom.

**Key words:** Satpayev; Zhumagulov; satire; novel; irony; journey; nomenclature

*For citation:* Baktybayeva A. T. Ways of expressing the comic in the modern Kazakhstan novel (based on the novel by D. Satpayev and E. Zhumagulov “The Legend of NOMENCLATURE”). *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 115-127. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_115](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_115). <https://elibrary.ru/VNIQCE>.

### Введение

Современная литература Казахстана – сложное и динамично развивающееся явление словесного творчества. Несмотря на появление новых литературных имен, форм и направлений все же четко просматриваются общие тенденции литературного развития: экспериментирование с формами и содержанием художественного произведения, частое использование различных игровых стратегий, в том числе с пространством и временем, расширение жанровых границ. Это в полной мере можно отнести и к развитию комического. Особое место в данном направлении занимает авантюрно-приключенческий роман Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE».

На сегодняшний день это произведение практически не обращало на себя внимание исследователей. Данное обстоятельство определяет новизну статьи. Нам представляется важным изучить различные приемы воплощения смехового на примере «Легенды о NOMENCLATURE». Для этого нам предстоит решить следующие задачи: выявить основные признаки, виды и способы передачи комического в прозе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова; раскрыть специфику сме-

хового мира в жанре авантюрно-приключенческого романа, описать его художественно-коммуникативные функции.

### Методы исследования

Задачи статьи определили использование содержательно-структурного, сравнительно-типологического методов и контекстуального анализа прозаического произведения. Практическая значимость статьи состоит в том, что выводы и исследовательский материал могут быть использованы в преподавании курса современной казахстанской литературы XX – начала XXI веков в спецсеминарах и спецкурсах по проблемам комического.

Фундаментальные исследования, которые стали теоретической базой статьи: труды Г. В. Ф. Гегеля [Гегель, 1971], А. Бергсона [Бергсон, 1992], М. М. Бахтина [Бахтин, 1990], Ю. С. Борева [Борев, 1971], Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко [Лихачев и др., 1984], Г. Н. Пospelова [Пospelов, 1978], В. Я. Проппа [Пропп, 1999], а также работы историко- и теоретико-литературного характера Т. Д. Кузнецовой [Кузнецова, 1994], Е. Г. Курганова [Курганова, 1997], М. Т. Рюминой [Рюмина, 200], И. С. Смирнова [Смирнова, 1986], В. И. Тюпы [Тюпа,

2008], А. Н. Уварова [Уваров, 1979], С. А. Голубкова [Голубков, 1991], В. Е. Хализева [Хализев, 2000], Я. Эльсберг [Эльсберг, 1953] и другие – рассматривают разные аспекты комического. Это позволяет, во-первых, определить, что комическое – это многостороннее явление, в основе которого лежит чаще всего своеобразное соотношение серьезно/несерьезного мнимого/реального, иллюзорного/действительного [Кузнецова, 1994]. Во-вторых, бинарные оппозиции демонстрируют разнообразие и малоизученность многих вопросов, связанных с актуализацией комического в искусстве и литературе.

#### Результаты исследования

Действие авантюрно-приключенческого романа «Легенда о NOMENCLATURE» происходит в двух направлениях: первое – это жизнь казахстанских чиновников, способы их продвижения по карьерной лестнице, поступки, мысли и дела в ироническом контексте. Основа второй сюжетной линии – поиски древнего трактата под названием «NOMENCLATURE» англичанами в Казахстане, а точнее в Шымкенте, Алматы и Астане.

Каждый автор, который использует в своем творчестве иронический тип письма, имеет особую традицию использования приемов комического. В данном художественном тексте комическое граничит с определенной свободой и

объективностью, которые не связаны с морализаторством.

Одно из основных качеств комического в данном романе – изображение парадоксальности не только на уровне власти, но и в повседневной жизни человека. Человек, с его желанием нажиться любым путем; обмануть; быстро сделать политическую карьеру, которая со временем его обогатит; использовать родственников-покровителей и при этом быть терпеливым, иногда, добрым и внимательным, становится у казахстанских авторов объектом иронии. Так, например, гротескно-саркастическим становится образ дяди главного героя Бермагана Аракбаева, для которого «наличие высокого интеллекта... вещь не обязательная, более того, даже опасная, учитывая то, что живут здесь не благодаря здравому смыслу, а вопреки» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 57]. Цель использования саркастической иронии – подчеркнуть степень отрицательного отношения авторов к такому типу людей: негодование, раздражение, злость, недовольство.

В словаре академических терминов указано, что номенклатура – это правящий слой социалистического общества, который имеет определенные привилегии. Н. А. Бердяев отмечал, что диктатура пролетариата, усиливая государственную власть, строит новый элитный класс – бюрократию, которая может жестко эксплуатировать

народные массы. М.С. Вселенский считает, что в данный класс входят ответственные работники парторганов, руководители государственных органов и негосударственных организаций, учреждений, депутаты Советов [Вселенский, 1991].

Д. Сатпаев и Е. Жумагулов в начале XXI века позволили себе с иронией и сарказмом описать этот неприкосновенный ранее элитный класс. Причудливо-гротескные формы авторы используют и при описании самой «номенклатуры». Вначале она предстала перед героями в виде отвратительного чудовища, которое держало в зубах какой-то свиток. На следующей картине свиток был уже в руках человека, «на груди которого была изображена горизонтальная восьмерка, знак бесконечности... Говоря современным языком, перед нами был первый бюрократ на земле» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 292].

Ирония – это и своеобразный способ изображения проблем казахстанского общества. В первую очередь, авторы хотят обратить внимание на те социальные проблемы, с которыми казахстанцы сталкиваются каждый день. Например, для получения справки при оформлении пособия, в случае переезда, для регистрации детей в школу и т. п. казахстанец должен обратиться в ЦОН (центр обслуживания населения), но «... благодаря ЦОНам в Казахстане чиновники перешли на работу по системе од-

ного окна. Это когда окон двадцать пять, а работает только одно» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 116].

Иронические приемы у авторов авантюрного романа разнообразны, и во многом именно они создают комическое «поле» данного произведения. Для того, чтобы передать ироническое настроение героев, используются просторечные обороты: «в его лексиконе появились такие глаголы, как «качнуть», «кинуть», «наехать», «отслонявить», «воткнуть» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 97]. Кроме просторечий герои используют и нецензурную лексику на казахском языке: «О-о-о, шешен! – Басеке перешел на хрип и едва не потерял сознание» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 189], что позволяет читателям предположить социальный статус героев. «Данный вариант комизма...напоминает сатиру, который не имеет сатирической патетичности» [Тюпа, 2008, с. 28].

Так, например, одним из частотных приемов является синтез высокой лексики и просторечий:

– Ты опять что-то накалякал?

– Ну, мысли прут, хочу излить все на бумаге, понимаешь, – пытался оправдываться Басеке, скрывая истинную причину своего графоманства» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 178].

В словарях отмечено, что слово «накалякать» означает написать что-то небрежно, неразборчиво. Это слово чаще всего используют

дети либо взрослые в разговоре с ними. С одной стороны, авторы подчеркивают снисходительное отношение к пишущему. Они относятся к нему как к ребенку. С другой – подразумевается, что он ничего не может написать хорошего, поэтому к его «запискам» относятся как к детским каракулям.

Реально-насмешливое отношение к Басеке авторы передают посредством использования слова «графо-манство». Оно означает патологическое стремление к многописательству, к сочинению литературных или псевдонаучных произведений.

Сарказм возникает и при использовании слов, которые снижают значимость происходящих событий: «...зарубите себе на носу, что КПСС и ПМС – это плохая рифма. ...Задолбали уже, графоманы хреновы! – гневно выругался он. – Напишут черт знает что и считают себя поэтами» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 187]. Данный прием позволяет создать иллюзию реальности происходящего, то есть в определенной степени приблизить героев романа к читателям.

Вызывают иронию и строки, обыгрывающие смысловой потенциал крылатых выражений: «Смотрите, накатаете на меня телегу – я вам покажу, где раки зимуют. У нас есть свобода слова, но свободы после слова вам никто не обещал, – отведя журналиста в сторону, отрезал Булбулбаев. ...» (*Булбул в пере-*

*воде с казахского означает соловей*) [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 264].

«Накатаать телегу» – это значит пожаловаться. Используя выражение «где раки зимуют», говорящий намекает на расправу, потому что истоки данного словосочетания уходят корнями в средние века, когда преступников казнили, утопив в воде. Им привязывали груз к ногам и сбрасывали в водоем. Выражение «свобода слова», которое обозначает право граждан общества беспрепятственно выражать свои мысли и убеждения авторы обыгрывают, разбив его по словам «но свободы после слова вам никто не обещал», тем самым как бы предупреждая о плохих последствиях после выступления против говорящего.

Комическая абсурдность в образе руководителя министерства раскрывает его более развернуто: «Министр общего развития государства Баскайда Мыркымбаевич... направился, чтобы, выражаясь медицинским жаргоном, помочиться мозгами» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 279]. Как отмечает Т. Н. Маркова, «...абсурд – это не просто художественное средство писателя, это его определенное постоянство, характерная черта его творчества. Алогичны взаимоотношения человека и его среды. Человек сам часто смешон, потому что воспринимает бытовой хаос как единственно возможную форму своего существования» [Маркова, 2011, с. 156].



Иногда в основе комического лежит парадокс: «Затем свое веское слово сказал министр экономики. Излучая оптимизм, он поведал согражданам о том, что кризис сделал страну еще более конкурентоспособной. «Так мы и думали!» – безрадостно подтвердило население и докупило муку, тушенку и крупы... «Мы уже экспортируем на страдающий от кризиса Запад нашу продукцию, потому что внутри страны ее девать некуда». Казахстанцы среагировали молниеносно. На следующий же день, негромко матерясь, они смели с прилавков соль, сахар, спички и макароны» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 99]. При этом сами авторы лишены лжепатриотизма, парадного пафоса. Высмеивая парадоксы окружающей их действительности, они глубоко озабочены судьбой Казахстана.

Контраст в романе – один из частотных способов проявления комического. Уже в самом названии произведения встречается контраст в написании «жанра» определяется, как легенда и написано кириллицей, а предмет изображения написан на латинице и большими буквами «NOMENCLATURE». Использование канцелярита (термин К. Чуковского) «NOMENCLATURE», да еще на латинском языке вопреки ожиданиям читателя служит не для порождения сухого официального тона повествования, а наоборот, для подчеркивания его комической то-

нальности. Данный прием ненавязчиво подразумевает определенную степень интеллектуальности. Его цель – передать несерьезное отношение к описываемым явлениям. Использование слова «NOMENCLATURE» оказывает определенное воздействие на читателя, в частности, с целью критики для порицания и побуждения к изменению положения вещей. Авторы, используя данное слово, с одной стороны, подчеркивают заурядность предмета повествования. С другой – выражают к нему несерьезное отношение.

Иногда в основе иронии – разрушение стереотипов о взрослых людях как носителях духовности и мудрости. В казахском традиционном обществе старшие, всегда были символом почитания и уважения. Не случайно пословица гласит: «Дом с пожилыми людьми – это дом с сокровищем». Ребенок с детства усваивал, что нужно уважать старших, их почитать и слушать, что они говорят. На праздниках самое почетное место было у старших, им предоставлялось первым выступать и желать хорошее в адрес собравшихся и гостей мероприятия. Принято считать, что в силу возраста аксакалы, агашки – старшие более опытные, а значит мудрее, поэтому к ним обращались за советами. Однако в романе горькой иронией окрашены размышления о современных казахстанских агашках: «... Как отмечают некоторые

агашкаведы, будучи агашкой, можно быть твердо уверенным в тотальной безнаказанности и завидном могуществе. Кинуть тысячи людей на бабки или отобрать привлекательный бизнес – легко .... Застрелить среди бела дня соседа за то, что он неправильно припарковал машину – не вопрос. Степень градации агашек ... пока одна: чем безумнее преступление и грамотнее развод, тем авторитетнее агашка, который все это под вкусную водочку провернул» [Сатпаев, Жумагулов? 2016, с. 98].

Иронию, которую авторы используют в тексте романа, условно можно поделить на два вида. *К первому виду иронии относится авторская*, то есть та, которая выражается посредством восклицаний, риторических вопросов, комментариев. Например, «начало статьи сразу же ввело Баскайду в транс, так как его головной мозг, как и некоторые китайские электроприборы, не был рассчитан на серьезную перегрузку» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 68]. Ироническое комментирование процесса чтения газетной статьи главным героем заставляет читателя обратить внимание не только на описываемую сцену, но и в целом понять окружающую обстановку. Или «Страна так активно впадала в кризис, что даже иные банкоматы у Зеленого базара стреляли у клиентов «пару тысяч до

понедельника» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 259].

*Второй вид иронии от лица героя.* Вот, как наставляет герой романа своего племянника: «Для начала запомни пять основных правил, которые сделают из тебя большого человека: во-первых, не думай! Во-вторых, если думаешь – не говори! В-третьих, если думаешь и говоришь – не пиши! В-четвертых, если думаешь, говоришь и пишешь – не подписывай! В-пятых, если думаешь, говоришь, пишешь и подписываешь – не удивляйся! Понял?» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 69].

В тексте сатирического романа можно обнаружить и гоголевские традиции. Например, когда говорится о Бермагане – дяде чиновника, который пытается любую ситуацию превратить в прибыльное для него дело: «... тогда он провернул свою первую крупную операцию под названием «мертвые туши», ... «все началось с того, что неожиданным образом в колхозе появилась странная болезнь, которая стала косить приплод у всей живности. Просто не успевали ягнят, жеребят и телят на тот свет списывать. Только обнаружилась такая странность: у самого Бермагана стада росли темпами, опережающими все нормативы пятилетки. Списанный приплод плавно переключивал к ветеринару...» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 58]. Герой романа, следуя традициям писателя XIX века,

пополняет ряд «отрицательных героев отрицательного мира».

Обыденная ситуация в казахстанских мегаполисах при строительстве больших зданий становится причиной комической ситуации: «Любой мало-мальский соображающий дизайнер сошел бы с ума, увидев сей апологет евразийства, а именно – евроремонт, сделанный узбекскими руками на казахские деньги из китайских материалов, приобретенных у русских предпринимателей родом из Украины» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 90-91].

Авторы активно используют несоответствие описанного действия и его последствий, что тоже является причиной комического: «Впервые в жизни он по-настоящему заужал себя и испытывал неимоверную гордость, ибо имел твердое убеждение в том, что подлинная гордость – это та гордость, которая позволяет стоять раком с высоко поднятой головой» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 90-91].

Другим приемом иронии в романе является своеобразное дополнение известных высказываний, которые стали со временем крылатыми: «...об этом говорит надпись над дверью: «Неси добро людям!».

– Хм, вполне альтруистическая надпись.

– Она была бы таковой, если бы не продолжение.

– И что там написано в продолжении?

– «Особенно тем, кто будет тебе полезен!» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 295].

В «Легенде о NOMENCLATURE» иронический эффект достигается путем перефразирования высказываний на казахский лад: «Здесь, как говорится, или бай, или ойбай!» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 71] (либо пан, либо пропал). Согласно справочной службе русского языка значение данного выражения означает добиться всего, что пожелаешь, или же все потерять. В переводе с греческого языка «пан» означает «всё». От него произошло слово польского происхождения пан – полный хозяин, независимый человек, помещик. На этом основан смысл выражения либо пан (то есть всё), либо пропал [Справочная служба ... , 2023].

В переводе с казахского языка «бай» – богатый человек. А междометие «ойбай!» – это возмущение, недоумение.

Комизм в описании возникает и при использовании игры слов – каламбура, соединения омофонов казахского и русского языков: «Шектибай Шылымов красноречиво поведал о том, что все точки сбыта «волшебного вещества» в Голландии контролируют казахи, поскольку даже название у специально отведенных мест сугубо казахское – «кафе-шөп», ...если перевести «кафе-трава». У нас ведь уже и лексикон соответствующий есть. Шөпинг – покупка травы, шөпир бала – наркодилер, цирк

шопито – место раскурки, ну, и так далее» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 295]. Каламбур появился в результате соединения в одном слове двух значений слов на основе похожего звучания.

Ирония, направленная на высмеивание такой черты современного характера, как терпимость имеет парадоксальное проявление: «Затем свое веское слово сказал министр экономики. Излучая оптимизм, он поведал согражданам о том, что кризис сделал страну еще более конкурентоспособной. «Так мы и думали!» – безрадостно подтвердило население и закупило муку, тушенку и крупы <...> “Мы уже экспортируем на страдающий от кризиса Запад нашу продукцию, потому что внутри страны ее девать некуда”. Казахстанцы среагировали молниеносно. На следующий же день, негромко матерясь, они смели с прилавков соль, сахар, спички и макароны» [Сатпаев, Жумагулов, 2016, с. 99]. Разумеется, казахстанцы могут рассчитывать на помощь «сверху», но, по личному опыту понимают, что все же лучше полагаться на собственные силы и действовать. В этом их убеждают события последних десятилетий.

#### Заключение

Следовательно, иронические приемы в сатирическом авантюрно-приключенческом романе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE» отличаются разнообразием и индивиду-

ально-авторским подходом, посредством которого создается комическое отображение жизни. Так, например, гротеск и сарказм используются в характеристике работников министерств, для которых «наличие интеллекта... вещь необязательная». Номенклатура в романе – это символ двойственности и абсурдности бытия представлена в образе работников-бюрократов. Ирония и ироническое – это один из частотных приемов в изображении социальных проблем казахстанского общества, например, при описании работы государственных учреждений в сфере оказания услуг населению. Объединение в одном предложении выражений высокой лексики и просторечных оборотов с использованием слов типа «наехать», «отслонявить» и т. п. – основа сатирического. Комический парадокс и комическая абсурдность являются средством передачи глубокой озабоченности авторов судьбой Казахстана, потому что «...евроремонт, сделанный узбекскими руками на казахские деньги из китайских материалов, приобретенных у русских предпринимателей родом из Украины» – обычная ситуация для многих не только при ремонте квартир, но и при заключении договоров, совершении сделок. Сатирическое описание поиска древнего манускрипта позволяет читателям не только отвлечься от повседневности, но и по-другому взглянуть на окружающий их мир.

При помощи парадокса, иронии, работает в министерстве, и тем са-  
комической игры слов и т. п. авторы мым умерщвляет в себе то, что из-  
изобразили чувства и качества со- начально должно было породить  
временного человека, который хорошее и дарить жизнь.  
наживается, обманывает, хитрит,

#### Библиографический список

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва : Эксмо, 1990. 542 с.
2. Бергсон А. Смех. Москва : Искусство, 1992. 127 с.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва : Директ-Медиа, 2008, с. 81.
4. Боров Ю. С. Комическое. Москва : Искусство, 1970. 270 с.
5. Вселенский М. С. Номенклатура. Москва : Советская Россия совм. с МП «Октябрь». 1991. 624с.
6. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4-х т. Т. 3. Москва : Искусство, 1971. 621 с.
7. Голубков С. А. Мир сатирического произведения. Самара : Изд-во Самар. пед. ин-та, 1991. 108 с.
8. Кузнецова Т. Д. Комическое в коми литературе. Сыктывкар : Изд-во Коми РИПКРНО, 1994. 73 с.
9. Курганов Е. Г. Анекдот как жанр. Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. 123 с.
10. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. Ленинград : Наука, 1984. 296 с.
11. Маркова Т. Н. В.М. Шукшин в восприятии Вяч. Пьецуха // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. №7 (109). С. 155-158.
12. Пospelов Г. Н. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1978. 351 с
13. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Москва : Лабиринт, 1999. 288 с.
14. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Москва : Либроком, 2003. 320 с.
15. Смирнов И. С. Универсальные правила порождения комического дискурса // Russian Literature XX. Elsevier Science Publishers, 1986. P. 159-177.
16. Справочная служба русского языка. URL: <https://www.bgunb.ru/russianlang>. (Дата обращения: 27.05.2023).
17. Сатпаев Д. Легенда о NOMENCLATURE / Д. Сатпаев, Е. Жумагулов. Алматы : Meloman Publishing, 2016. 310 с.
18. Тюпа В. И. Модусы художественности // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. Москва : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. С. 127-128.
19. Тюпа В. И. Аналитика художественности. Введение в литературоведческий анализ. Москва : Лабиринт, 2001. 226 с.
20. Уваров А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск : Удмуртия, 1979. 132 с.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. 2-е изд-е. Москва : Высшая школа, 2000. 405 с.

22. Эльсберг Я. Отрицательное и положительное в сатире // Искусство и кино. 1953. № 7. С. 45-60.

**Reference list**

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Rennsansa = François Rabelais' work and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moskva : Jeksmo, 1990. 542 s.
2. Bergson A. *Smeh = Laughter*. Moskva : Iskusstvo, 1992. 127 s.
3. Berdjaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma = The origins and meaning of Russian communism*. Moskva : Direkt-Media, 2008, s. 81.
4. Borev Ju. S. *Komicheskoe = The comic*. Moskva : Iskusstvo, 1970. 270 s.
5. Vselenskij M. S. *Nomenklatura = Nomenclature*. Moskva : Sovetskaja Rossija sovm. s MP «Oktjabr'». 1991. 624s.
6. Gegel' G. V. F. *Jestetika: v 4-h t. = Aesthetics: in 4 vols. T. 3*. Moskva : Iskusstvo, 1971. 621 s.
7. Golubkov S. A. *Mir satiricheskogo proizvedenija = The world of the satirical work*. Samara : Izd-vo Samar. ped. in-ta, 1991. 108 s.
8. Kuznecova T. D. *Komicheskoe v komi literature = The comic in Komi literature*. Syktyvkar : Izd-vo Komi RIPKRNO, 1994. 73 s.
9. Kurganov E. G. *Anekdot kak zhanr = Jokes as a genre*. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 1997. 123 s.
10. Lihachev D. S. *Smeh v Drevnej Rusi = Laughter in Ancient Rus / D. S. Lihachev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko*. Leningrad : Nauka, 1984. 296 s.
11. Markova T. N. V. M. *Shukshin v vosprijatii Vjach. P'ecuha = V. M. Shukshin viewed by Vyach. Pyetsukh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011. №7 (109). S. 155-158.
12. Pospelov G. N. *Teorija literatury = The Theory of Literature*. Moskva : Vysshaja shkola, 1978. 351 s.
13. Propp V. Ja. *Problemy komizma i smeha = Problems of comedy and laughter*. Moskva : Labirint, 1999. 288 s.
14. Rjumina M. T. *Jestetika smeha = Aesthetics of laughter*. Moskva : Librokom, 2003. 320 s.
15. Smirnov I. S. *Universal'nye pravila porozhdenija komicheskogo diskursa = Universal rules of comic discourse origin // Russian Literature XX*. Elsevier Science Publishers, 1986. R. 159-177.
16. *Spravochnaja sluzhba russkogo jazyka = The Russian language reference service*. URL: <https://www.bgunb.ru/russianlang>. (Data obrashhenija: 27.05.2023).
17. Satpaev D. *Legenda o NOMENCLATURE = The legend of NOMENCLATURE / D. Satpaev, E. Zhumagulov*. Almaty : Meloman Publishing, 2016. 310 s.
18. Tjupa V. I. *Modusy hudozhestvennosti = Modes of artistry // Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko*. Moskva : Izd-vo Kulaginoj ; Intrada, 2008. S. 127-128.
19. Tjupa V. I. *Analitika hudozhestvennosti. Vvedenie v literaturovedcheskij analiz = Analyzing artistry. Introduction to literary analysis*. Moskva : Labirint, 2001. 226 s.

20. Uvarov A. N. Hudozhestvennoe svoeobrazie udmurtskoj satiry = Artistic originality of Udmurt satire. Izhevsk : Udmurtija, 1979. 132 s.

21. Halizev V. E. Teorija literatury = The Theory of Literature. 2-e izd-e. Moskva : Vysshaja shkola, 2000. 405 s.

22. Jel'sberg Ja. Otricatel'noe i polozhitel'noe v satire = The negative and positive in satire // Iskusstvo i kino. 1953. № 7. S. 45-60.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 18.06.2023; approved after reviewing 20.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья  
УДК 008 13.15.51  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_128  
EDN UQKNJP

**Культурная память как средство сохранения  
духовно-нравственных ценностей русской культуры**

**Татьяна Иосифовна Ерохина**

Доктор культурологии, профессор, и. о. ректора, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина, г. Ярославль  
tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

*Аннотация.* Автор статьи определяет методологические основы анализа феномена культурной памяти как средства формирования, сохранения и трансляции духовно-нравственных ценностей русской культуры. Опираясь на нормативно-правовую базу, регулирующую систему образования и государственную политику в Российской Федерации, автор акцентирует внимание на общечеловеческих и российских основах духовно-нравственных ценностей, традиций, преемственности, формирование которых стало приоритетной задачей системы образования Российской Федерации. Обращаясь к трактовке дефиниции «традиция», автор обосновывает необходимость осмысления культурной памяти как системообразующего элемента комплекса духовно-нравственных ценностей. В статье обозначены основные подходы к пониманию культурной памяти как научного феномена, выделены типы и уровни культурной памяти, способы трансляции и функции культурной памяти. Отдельное внимание уделено образовательному и культурно-просветительскому потенциалу культурной памяти в контексте современной системы образования. Обозначены сходство и взаимосвязь культурной памяти со сферой образования, выделены способы сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей русской культуры посредством развития механизмов культурной памяти. Автор отмечает, что культурная память способствует формированию гражданской и культурной идентичностей, которая также входит в систему духовно-нравственных ценностей русской культуры. Автор приходит к выводу, что успешность развития научного осмысления феномена культурной памяти, коммеморативных практик, «мест памяти» в современной культуре, освоение в системе образования методологии анализа носителей и механизмов культурной памяти будут способствовать успешной реализации поставленных в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» целей и задач.



**Ключевые слова:** культурная память; традиция; духовно-нравственные ценности; гражданская идентичность; преемственность; система образования

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое обеспечение формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у детей младшего школьного возраста в рамках реализации Федеральной образовательной программы начального общего образования»

**Для цитирования:** Ерохина Т. И. Культурная память как средство сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 128-144. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_128](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_128). <https://elibrary.ru/UQKNJP>.

---

## CULTURAL SCIENCE

---

Original article

### **Cultural memory as a means to preserve spiritual and moral values of russian culture**

**Tatyana I. Erokhina**

Doctor of cultural studies, professor, i. o. rector Yaroslavl state theater institute Firs Shishigin Yaroslavl

tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

**Abstract.** The author of the article defines the methodological basis for analyzing the phenomenon of cultural memory as a means of preserving, forming and transmitting spiritual and moral values of Russian culture. Relying on the legal framework regulating the education system and Russian state policy, the author focuses on the universal and Russian basis of spiritual and moral values, traditions and continuity whose formation has become a priority task of the education system in the Russian Federation. Considering the definition of “tradition”, the author substantiates the need to comprehend cultural memory as a system-forming element of spiritual and moral values set. The article outlines the main approaches to understanding cultural memory as a scientific phenomenon, identifies the types and levels, ways of transmitting and functions of cultural memory. Special attention is paid to the educational potential of cultural memory in the context of modern education system. Outlined are the similarity and interrelation of cultural memory and the sphere of education, as well as the ways of preserving traditional values of Russian culture through the development of cultural memory mechanisms. The author notes that cultural memory contributes to the formation of civil and cultural identities, which is also part of the system of Russian spiritual and moral values. The author concludes that the successful comprehension of the cultural memory phenomenon, commemorative practices, “memory places” in modern culture as well as mastering the methodology of analyzing the bearers and mechanisms of cultural memory in the educational system will contribute to

successfully realizing the goals and objectives stated in the “Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”.

**Key words:** cultural memory; tradition; spiritual and moral values; civil identity; continuity; education system

The article has been written as part of the State Assignment of the Russian Federation Ministry of Education, the theme “Scientific and methodological support of forming traditional Russian spiritual and moral values in primary school children within the framework of the Federal Educational Program of Primary General Education”

**For citation:** Erokhina T. I. Cultural memory as a means to preserve spiritual and moral values of Russian culture *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 128-144. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_128](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_128). <https://elibrary.ru/UQKNJP>.

### Введение

Залогом успешного развития государства является развитие системы образования. Система образования не только способствует научному, экономическому, социальному, культурному развитию государства, но и тесно связана с личностным ростом индивида, который благодаря участию в образовательном процессе проходит этапы аккультурации и социализации, приобретает знания, умения, навыки, осваивает новые компетенции, присваивает и сохраняет опыт предшествующих поколений, готовится к творческой деятельности. Именно поэтому система образования регламентируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023)). Система образования неразрывно связана с государственной политикой, о чем свидетельствует Указ Прези-

дента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором обозначено, что одной из задач реализации стратегического национального приоритета является «воспитание в духе уважения к традиционным ценностям как ключевой инструмент государственной политики в области образования и культуры, необходимый для формирования гармонично развитой личности» [Указ Президента]. Смещение «приоритетов в сторону духовно-нравственных ценностей» [Сафина, 2023, с. 103] мы обнаруживаем в поправках к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 году: появляются положения о «сохранении памяти предков, передавших идеалы и веру в Бога», о детях как важнейшем приоритете государственной политики России,

их «всестороннем духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии», воспитании в них «патриотизма, гражданственности и уважения к старшим», о защите семьи, материнства, отцовства и детства; защите института брака как союза мужчины и женщины [Конституция Российской Федерации]. О возрастающей роли духовно-нравственных ценностей свидетельствует принятие и других важнейших законов и документов: Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 №808 (ред. от 25.01.2023); «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р; Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ; Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи»; Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (от 2 июля 2021 г. № 400).

В этой связи осмысление содержания и трактовки духовно-нравственных ценностей, а также механизмов их сохранения и освоения в процессе обучения, становится актуальной научно значимой задачей, имеющей как теоретиче-

скую, так и практическую ценность для гуманитарного знания и системы образования.

#### Методология исследования

Обращаясь к духовно-нравственным ценностям русской культуры, необходимо отметить ряд существенных позиций, которые определяют научную парадигму и методологию нашего исследования. В рамках предложенного исследования мы будем опираться на работы философов, социологов, культурологов, педагогов, обращавшихся к осмыслению дефиниций «культурная память», «традиции», «духовно-нравственные ценности» в аспекте аксиологии, семиотики, герменевтики, а также в аспекте исследований *memory studies*.

Прежде всего, обратим внимание на то, что указанные в «Основах государственной политики...» духовно-нравственные ценности, с одной стороны, имеют универсальный общечеловеческий характер: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента], не слу-

чайно, только в последнем определении ценности (единство народов России) появляется конкретизация, связанная с тем, что Россия является многонациональным государством. Действительно, обозначенные ценности должны быть базовыми ценностями любого государства. С другой стороны, современная историко-культурная и социокультурная ситуация в мире указывает на то, что далеко не все из указанных ценностей признаются в качестве общечеловеческих. И тогда становится особенно важным обозначить их российские основы, которые обусловлены спецификой формирования и развития отечественной истории и культуры.

А. Б. Рудаков отмечает, что «для русской культуры характерен синтез этического, эстетического и гражданского начал. И эта несомненно традиционная черта русской культуры является одновременно и нашей традиционной ценностью» [Рудаков, 2021, с. 37]. В этом контексте важен не просто «набор» определенных ценностей, каждая из которых, конечно, заслуживает отдельного внимания, но и их совокупность, взаимообусловленность, образующиеся между ними связи, иерархия, уровни освоения и присвоения индивидом и обществом. Не случайно, при осмыслении традиционных духовно-нравственных ценностей, исследователи обращают внимание на то, что они соотносятся с «куль-

турно-исторического опытом российского искусства, российского образования, российской науки» [Рудаков, 2021, с. 37]. Обусловлена эта связь, в том числе и характерным для отечественной культуры персоналистским дискурсом, в рамках которого мы можем обнаружить, что творческие личности проявляли себя одновременно в трех или двух сферах деятельности (научной, педагогической, художественно-творческой): М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, И. А. Гончаров, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстой, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др. – это далеко не полный перечень имен авторов, чье творчество не ограничивалось одной сферой. Поэтому изучение, репрезентация и освоение духовно-нравственных ценностей и должно быть представлено в научной, образовательной и творческой сферах.

Определение вышеназванных ценностей как духовно-нравственных тоже обусловлено спецификой отечественной культуры. Согласимся с мнением исследователей, утверждающих, что, возможно, «ни в одной культуре мирового сообщества не вкладывают столько смысла в понятие «духовность» и не придают ему такого высокого значения, как в русской культуре» [Егорычев, 2018, с. 66], что связано, в том числе с традициями православной культуры: «В большей мере основу иско-

мого понятия составляют производные понятия «дух» и «душа», их глубинный смысл и сущность, имеющих выражение в православной религии» [Егорычев, 2018, с. 66]. Каждая из указанных выше ценностей имеет историческую ретроспективу, связанную с формированием и развитием российской государственности и отечественной культуры. Так, ценность «коллективизм» исследователи справедливо связывают с идеей «соборности» русской культуры, философское, историко-культурное и религиозное обоснование которой стало предметом отдельного внимания, начиная с XIX века. При этом понятие «соборность» не имеет аналогов в мировой культуре, несмотря на то, что генетически оно связано с православием: «Стремление к единению, постижению целостности бытия – характерная черта русского менталитета. Не случайно В. С. Соловьев, в полной мере осознавая целостность русского бытия и мышления, создает философию единства. Принцип соборности неразрывно связан с принципом коллективизма и, вероятнее всего, им обусловлен. Общинность всегда была основой жизни русского общества, на нее возлагали огромные надежды русские философы и революционеры» [Безвесельная, 2016, с. 38].

Мы обратимся к осмыслению духовно-нравственной ценности, уникальность которой, на наш

взгляд, заключается в том, что она не только является самостоятельной (и самодостаточной) ценностью, но и онтологически значимым средством сохранения и трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей, имеющим образовательный потенциал: «культурная память».

#### Результаты исследования

Выбор в качестве предмета анализа культурной памяти обусловлен рядом факторов. Прежде всего, тем, что в «Основах государственной политики...» одной из поставленных задач стало сохранение (а это уже один из механизмов памяти) *традиционных* (курсив мой – Т. Е.) духовно-нравственных ценностей. Понятие «традиция» подразумевает сохранение и передачу, трансляцию, «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Традиция]. Таким образом, все ценности, относимые к традиционным, подразумевают, прежде всего, ценности устоявшиеся, сложившиеся, ценности, которые исследователи определяют как «имеющие истоки в прошлом, результат исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации; <...> ценности базовые, фундаментальные, стержневые, основополагающие, системообразующие; <...> ценности, обеспечивающие иден-

тификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций» [Дежнев, 2015, с. 73].

В этом контексте понятия «традиция» и «память» образуют отдельное смысловое поле, в котором память раскрывается через традицию, а традиция может существовать только благодаря памяти. Не случайно исследователи считают, что «востребованность проблематики памяти связана и с угасанием традиции как основы межпоколенной коммуникации» [Шуб, 2017, с. 5]. «Кризис памяти» (как и «кризис традиции») обусловлен тем, что появился «разрыв с традиционными типами сообщения о прошлом: семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, живших под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, в которой преобладали как приобретенные знания, так и различные области производства памяти» [Шурек]. Для нас это высказывание имеет особое значение еще и потому, что семейная связь, посредством которой и передавалась память поколений, также нашла свое отражение в указанных выше традиционных духовно-нравственных ценностях – это ценность «крепкой семьи», возрождение которой необходимо для гармоничного развития российского общества. Категории «память», «традиция», «семья», таким обра-

зом, объединяются в едином смысловом поле (что, заметим, особенно важно для начального общего образования).

Современное научное знание обладает значительным объемом гуманитарных исследований, посвященных памяти. Memory studies стало одним из самых популярных и востребованных междисциплинарных направлений, изучающих феномен памяти в культуре, ее разновидности и механизмы, коммеморативных практик и институтов «памяти». Значимость памяти для человечества сложно переоценить: «история культуры — это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [Лихачев, 1984, с. 70]. В рамках нашего исследования мы обратимся к содержанию понятия «память» и значимости памяти как средства сохранения духовно-нравственных ценностей.

Исследователи выделяют несколько подходов к пониманию памяти, среди которых наиболее востребованными стали следующие: понимание памяти как «архива» (акцент делается на памяти как контенте, «ее способности накапливать и транслировать смыслы, востребованные группой на том или ином этапе ее существования» [Шуб, 2017, с. 6]); понимание памяти как «деятельности» (следовательно, как процесса «трансляции, реконструкции, актуализации об-

щего для группы прошлого» [Шуб, 2017, с. 6] или процесса социального взаимодействия); понимание памяти в синтетическом смысле как интегративного единства контента («константных кодов») и деятельности по его межпоколенной трансляции («интерпретационные коды») [Шуб, 2017, с. 7]. Безусловно, именно последний подход является, на наш взгляд, наиболее продуктивным, поскольку в нем равнозначными становятся и содержание опыта, и способы, с помощью которых этот опыт передается. Отметим, что именно этот подход наиболее убедительно представлен в работах отечественных исследователей памяти (М. Бахтин, Д. Лихачев, Ю. Лотман и др.).

Выделяются различные типы памяти в зависимости от контекста, в рамках которого происходит обращение к этому феномену (например, биологическая память, искусственная память). Так, в контексте *memory studies* исследователи различают память социальную, историческую, культурную [Асман, 2004; Нора, 1999; Хальбвакс, 2007]. Дискуссии по поводу условности подобного деления продолжаются, но, несмотря на то, что в «Основах государственной политики...» в качестве духовно-нравственной ценности обозначена «историческая память и преемственность поколений» (что призвано подчеркнуть, на наш взгляд, «ретроспективный аспект, ... осознание своего

места в историческом времени и пространстве <...> историческую актуальность и общественную ценность прошлого, выраженного памятью (то есть определенным образом сфокусированное историческое сознание)» [Кознова, 2003, с. 26]), в целом, понятия «историческая память» и «культурная память» могут выступать как синонимы, поскольку культурная память также понимается как «механизм связи прошлого с будущим, способствующий воспроизводству культурного ядра и его актуализации в настоящем» [Асваров, 2022, с. 334].

Педагогический (образовательный) потенциал свойств культурной памяти был рассмотрен Н. Асваровым и М. Хайбулаевым, которые обратились к культурной памяти как процессу и результату «исторического развития социальных обществ и их групп», выделили объекта-носителя культурной памяти, отметили, что культурная память «хранит и транслирует не только представления-образы объектов материальной культуры, но и нормы и правила деятельности в отношении каждого из них», содержит «сведения, как носителю определенной культуры нужно относиться к себе, носителям этой же и другой культуры, как с ними взаимодействовать» и др. [Асваров, 2022, с. 334-335]. Все указанные выше свойства, по мнению исследователей, способствуют формированию российской идентичности

посредством культурной памяти, при этом способом передачи поколениям информации, заложенной в культурной памяти, авторы считают социализацию, а механизмом передачи – образование [Асваров, 2022].

М. Шуб выделяет два способа трансляции коллективной памяти (отметим, что мы обращаемся к коллективной памяти, поскольку культурная память относится к коллективной, а не к индивидуальной памяти, связанной с психическими способностями «человека накапливать и актуализировать информацию» [Шуб, 2017, с. 8]): индуктивный и дедуктивный. Оба этих способа важны для сохранения духовно-нравственных ценностей. Индуктивный способ, имеющий иррациональный, нерелексивный характер и связанный «с механизмами традиционной коммуникации, осуществляемой, как правило, в рамках малых социальных групп от поколения к поколению» [Шуб, 2017, с. 8], важен как способ, наиболее востребованный в младшем возрасте, в семейной коммуникации (на что мы уже обращали внимание выше).

Дедуктивный способ «связан с внешними по отношению к группе усилиями по работе с памятью, с существованием отдельных экспертов или экспертных институций, определяющих “политику памяти”» [Шуб, 2017, с. 8], следовательно, именно этот способ является базо-

вым при сохранении духовно-нравственных ценностей в контексте истории культуры, поскольку он и определяет культурную память, включая в себя «мифосимволические системы, содержащие представления о прошлом группы, ее уникальности, о героических и травмирующих событиях группового бытия и пр.» [Шуб, 2017, с. 8]. Безусловно, оба способа трансляции памяти взаимосвязаны и взаимообусловлены, что и позволяет формироваться и существовать культурной памяти.

Можно выделить базовые функции культурной памяти, которые позволяют нам говорить о ней как способе сохранения и передачи духовно-нравственных ценностей. К базовым функциям относятся: информационная функция, которая содержит в себе представления о прошлом; деятельностная функция (особенно значимая для системы образования, педагогической и образовательной деятельности, опирающихся на деятельностный подход), содержащая «актуальные значимые или наиболее востребованные модели поведения, «проверенные» прошлым» [Шуб, 2017, с. 9]; ценностная функция, которая обращена к сакрализации (или десакрализации) прошлого и его событий; эмоциональная функция, как «совокупность универсальных эмоциональных реакций на события и явления прошлого, экстраполируемых и на иные модусы времени»



[Шуб, 2017, с. 9]. Данные функции культурной памяти были рассмотрены нами ранее в контексте формирования гражданской идентичности [Ерохина, 2023].

Таким образом, обращаясь к феномену культурной памяти, мы обнаруживаем, что культурная память становится базовым понятием, вокруг которого конструируется система духовно-нравственных ценностей, поскольку культурная память – это «относительно устойчивая система значимых для группы представлений о прошлом, транслируемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, порождающая определенные ценностные ориентации и поведенческие модели членов группы, проявляющаяся в ритуально-праздничных и коммеморативных практиках и имеющая искусственно формируемый характер, интегративные свойства и идентификационный потенциал» [Шуб, 2017, с. 9].

Выделенные в «Основах государственной политики...» традиционные духовно-нравственные ценности должны стать общими для жителей России и сформировать образ жизни и поведение россиян, именно поэтому они определяют цели образовательного процесса и лежат в основе формирования общероссийской идентичности. Культурная память, которая, как было отмечено выше, включает в себя духовно-нравственные ценности,

должна сформировать аксиологическую сферу обучающихся. С. А. Боргояков справедливо отмечает, что сфера образования имеет социокультурную миссию (как и культурная память), которая заключается «в системном аккумулировании и педагогической трансформации в своем содержании наиболее значимых компонентов культуры как системы ценностей, а также в проведении исследований механизмов и технологий перевода общественных ценностей в ценностные ориентации личности и в организации процесса их освоения подрастающим поколением в образовательных организациях разного уровня» [Боргояков]. В этом смысле сфера образования имеет общие свойства и функции с культурной памятью: она сохраняет и транслирует духовно-нравственные ценности (информативная функция); базируется на деятельностном подходе; включает в себя ценностные ориентиры и эмоционально составляющую, что и позволяет системе образования влиять на систему духовно-нравственного воспитания и развития индивиду, вырабатывать подходы и принципы формирования духовности, нравственности, гражданской идентичности, ценностно-смыслового самоопределения.

Обращаясь к культурной памяти как способу сохранения духовно-нравственных ценностей, мы должны отметить наличие у культурной памяти «способностей» к аккумуля-

ляции как накоплению значимой информации; к интеграции (консолидации) как объединению людей; к идентификации, связанной с самоопределением; к интерпретации как «обеспечении ценностно-нормативных и поведенческих ориентиров членов группы» [Ярычев, 2022, с. 13]; к стабилизации, которая заключается в нивелировании временного разрыва. Эти «способности» и становятся способами сохранения и трансляции духовно-нравственных ценностей в процессе образования, поскольку они лежат в основе формирования гражданской идентичности. Результаты формирования гражданской идентичности исследователи предлагают делить на «знаниевую, (когнитивную), деятельностную, эмоционально-оценочную части» [Асваров, 2022, с. 333], которые, как мы видим, полностью соответствуют базовым функциям культурной памяти. В когнитивный компонент входят социально значимые знания, в деятельностный – выполнение гражданских обязанностей, в эмоционально-оценочный – отношение к государству, его истории, отождествлением себя с гражданским обществом и т. д.

Определяя традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого куль-

турного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ Президента ... ], мы подчеркиваем взаимосвязь гражданской идентичности и культурной памяти, которая обусловлена тем, что именно культурная самобытность является «ядром» российской идентичности. Мы вновь говорим о междисциплинарном комплексном понимании культурной памяти, частью которой является культурная идентичность, в свою очередь, взаимодействующая с гражданской идентичностью.

Определение культурной идентичности включает в себя систему ценностей: «Сопричастность к российской жизни любой ее гражданин осознает через общность *ценностей, традиций* (курсив мой – Т. Е.), культурных символов, сложившихся обстоятельств жизни, особенностей поведения, территории проживания, языка, религии. Все эти составляющие культуры *передаются от поколения к поколению, воспроизводят определенный образ жизни* (курсив мой – Т. Е.), выступают эталонами поведения, критериями поступков, иными словами, влияют на чувства, эмоции, деятельность, способы коммуникаций людей, их отношения на труд и на его результаты, в

конечном итоге на формирование российской идентичности» [Асваров, 2022, с. 333].

Культурная память становится средством сохранения духовно-нравственных ценностей русской культуры еще и, потому что она выступает хранителем материально-духовных ценностей культуры. Культура была и остается историческим наследием, анализ механизмов сохранения и/или забвения в культуре также может быть предметом специального анализа (особенно в старших классах общего образования или высшего образования). По мнению Ю. М. Лотмана, каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению: «Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать» [Лотман, 1992, с. 202]. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым» [Лотман, 1992, с. 202].

Таким образом, культурная память соотносится еще с одной дефиницией, имеющей образовательный потенциал – «культурное наследие», поскольку культурное наследие является хранителем исторической памяти народа, в связи

с чем сохранение культурного наследия также является важнейшим условием существования государства. Изучение культурного наследия, представленного в качестве культурно-исторических артефактов, произведений искусства, биографии и творчества художников и композиторов (в рамках изучения учебных предметов «Изобразительное искусство», «Музыка» в начальном общем образовании) также становится средством сохранения, освоения и трансляции духовно-нравственных ценностей русской культуры.

В рамках данной статьи мы не останавливаемся на специфике коммеморативных практик, которые могут быть востребованы в образовательном процессе, поскольку анализ подобных практик уже был рассмотрен автором [см. Ерохина, 2018; Ерохина, 2021; Ерохина, 2022].

### Заключение

Выделяя основные направления работы в современной системе образования, исследователи и педагоги ориентированы на культурную память как средство сохранения и трансляции духовно-нравственных ценностей, поскольку «воспроизводство российской идентичности, ее сохранение и развитие напрямую связано с культурной памятью народов России» [Асваров, 2022, с. 334]. В качестве критерия оценивания сформированности российской идентичности у обучающихся

исследователи предлагают оценивать наличие знаний о культуре и истории, о современной ситуации в России, отношении к прошлому России и её настоящему, а также веру в будущее своей страны: «Осознание своего возраста как истории целого народа (тысяча лет назад, тысяча лет вперед) – это и есть структура идентичности сознания, которая обеспечивает то, что люди живут в российской традиции и осознают себя ее носителями. В каком-то смысле это – ключевой показатель наличия мировоззрения: можешь ли ты своим сознанием дотянуться до своих предков и до своего потомка» [Андрюшков, 2011, с. 294].

Таким образом, определяя необходимость реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», обозначенного в «Основах государственной политики...» мы отмеча-

ем, что успешность достижения поставленных целей будет связана с формированием отечественного вектора осмысления культурной памяти, поскольку коммеморативные практики, так называемые «мемотрадиции», мемориальные символы и места памяти становятся базой и средством формирования «общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей» [Указ Президента ...].

Сохранение, репрезентация и трансляция традиционных духовно-нравственных смыслов и ценностей русской культуры невозможны вне сохранения культурной памяти как трансдисциплинарного феномена, без реализации потенциала культурной памяти в образовательном процессе как в системе общего, так и в системе высшего образования.

#### Библиографический список

1. Андрюшков А. А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 287–301.
2. Асваров Н. А. Культурная память как средство формирования российской идентичности / Н. А. Асваров, М. Х. Хайбулаев // Образование и право. 2022. №5. С. 330-338.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Безвесельная З. В. Фундаментальные ценности русской культуры: история и современность // Социально-гуманитарные знания: российское ежемесячное научно-образовательное издание. 2016. №8. С. 34-43.

5. Боргояков С. А. Актуальные проблемы формирования и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы общероссийской гражданской идентичности обучающихся. URL: [http://rao.rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2023/06/borgojakov\\_tezisy\\_kaluga.pdf?ysclid=lm47zkrd7v767023722](http://rao.rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2023/06/borgojakov_tezisy_kaluga.pdf?ysclid=lm47zkrd7v767023722). (Дата обращения: 04.03.2023).
6. Дежнев В. Н. Традиционные ценности: к определению понятия / В. Н. Дежнев, О. В. Новикова // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4. URL: [http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4\\_28/20.pdf](http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4_28/20.pdf). (Дата обращения: 04.03.2023).
7. Егорычев А. М. Духовные ценности в русском мире: Условия выживания и развития в XXI веке / А. М. Егорычев, Л. В. Мардахаев // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2018. Вып.6 (84). С. 61-71.
8. Ерохина Т. И. М. Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №4. С. 217-222
9. Ерохина Т. И. Мемориализация Н. А. Некрасова в отечественной культуре: парадоксы культурной памяти // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2022. №3 (2). С. 169-178.
10. Ерохина Т. И. Реконструкция гражданской идентичности в современном театре: документальный спектакль «Голоса цеха» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1. С. 218-225.
11. Ерохина Т. И. Сакрализация культурной памяти о Великой Отечественной войне в современном российском кинематографе // Культурная жизнь Юга России 2021. № 4 (83). С. 126-138.
12. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.
13. Конституция Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>. (Дата обращения: 04.03.2023).
14. Лихачев Д. С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время : литературно-критический сборник / сост. Н. П. Утехин. Ленинград : Лениздат. 1984. С. 68–74.
15. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 200-202.
16. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
17. Рудаков А.Б. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности // Культурологический журнал. 2021. №2. С. 35-40.
18. Сафина С. Б. Духовно-нравственные начала и принципы в системе конституционных ценностей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23, № 1. С. 101–105.

19. Традиция // Большая Российская Энциклопедия. URL: [https://old.bigenc.ru/world\\_history/text/4199293?ysclid=lm3vxhey3f407018296](https://old.bigenc.ru/world_history/text/4199293?ysclid=lm3vxhey3f407018296). (Дата обращения: 04.03.2023).

20. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (Дата обращения: 04.03.2023).

21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва : Новое издательство, 2007. 348 с.

22. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11.

23. Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html>. (Дата обращения: 04.03.2023).

24. Ярычев Н. У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации // Культура и искусство. 2022. № 12. С. 11-20.

#### Reference list

1. Andrjushkov A. A. Formirovanie rossijskoj identichnosti kak zadacha obrazovanija: mirovozzrenie, sozdajushhee budushhee = Forming Russian identity as a task of education: the worldview that creates the future // Voprosy obrazovanija. 2011. № 3. S. 287–301.

2. Asvarov N. A. Kul'turnaja pamjat' kak sredstvo formirovanija rossijskoj identichnosti = Cultural memory as a means of forming Russian identity / N. A. Asvarov, M. H. Hajbulaev // Obrazovanie i pravo. 2022. №5. S. 330-338.

3. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of ancient times. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 s.

4. Bezvesel'naja Z. V. Fundamental'nye cennosti russkoj kul'tury: istorija i sovremennost' = Fundamental values of Russian culture: history and present day // Social'no-gumanitarnye znaniya: rossijskoe ezhemesjachnoe nauchno-obrazovatel'noe izdanie. 2016. №8. S. 34-43.

5. Borgojakov S. A. Aktual'nye problemy formirovanija i razvitija tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej kak osnovy obshherossijskoj grazhdanskoj identichnosti obuchajushhihsja = Topical problems of forming and developing traditional Russian spiritual-moral values as a basis for the Russian civil identity of pupils. URL: [http://rao.rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2023/06/borgojakov\\_tezisy\\_kaluga.pdf?ysclid=lm47zkrd7v767023722](http://rao.rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2023/06/borgojakov_tezisy_kaluga.pdf?ysclid=lm47zkrd7v767023722). (Data obrashhenija: 04.03.2023).

6. Dezhnev V. N. Tradicionnye cennosti: k opredeleniju ponjatija = Traditional values: toward defining the concept / V. N. Dezhnev, O. V. Novikova // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2015. № 4. URL: [http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4\\_28/20.pdf](http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4_28/20.pdf). (Data obrashhenija: 04.03.2023).

7. Egorychev A. M. Duhovnye cennosti v russkom mire: Uslovija vyzhivanija i razvitiija v XXI veke = Spiritual values in the Russian world: Conditions of survival and development in the XXI century / A. M. Egorychev, L. V. Mardahaev // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018. Vyp.6 (84). S. 61-71.
8. Erohina T. I. M. Gor'kij: kul'turnyj geroj i pamjat' kul'tury = M. Gorky: culture hero and memory of culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. №4. S. 217-222.
9. Erohina T. I. Memorializacija N. A. Nekrasova v otechestvennoj kul'ture: paradoksy kul'turnoj pamjati = Memorializing N. A. Nekrasov in Russian culture: paradoxes of cultural memory // Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2022. №3 (2). S. 169-178.
10. Erohina T. I. Rekonstrukcija grazhdanskoj identichnosti v sovremennom teatre: dokumental'nyj spektakl' «Golosa ceha» = Reconstructing civil identity in modern theater: the documentary performance “Voices of the Workshop” // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. №1. S. 218-225.
11. Erohina T. I. Sakralizacija kul'turnoj pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne v sovremennom rossijskom kinematografe = Sacralizing cultural memory of the Great Patriotic War in contemporary Russian cinematography // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii 2021. № 4 (83). S. 126-138.
12. Koznova I. E. Istoricheskaja pamjat' i osnovnye tendencii ee izuchenija = Historical memory and the main trends in its study // Sociologija vlasti. 2003. № 2. S. 23–34.
13. Konstitucija Rossijskoj Federacii = The Constitution of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>. (Data obrashhenija: 04.03.2023).
14. Lihachev D.S. Iskusstvo pamjati i pamjat' iskusstva = The art of memory and the memory of art // Kritika i vremja : literaturno-kriticheskij sbornik / sost. N.P. Utehin. Leningrad : Lenizdat. 1984. S. 68–74.
15. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii = Memory in the light of cultural studies // Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i. T. 1. Tallinn : Aleksandra, 1992. S. 200-202.
16. Nora P. Problematika mest pamjati = Problematics of memory places // Francija-pamjat'. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17-50.
17. Rudakov A.B. Tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste problematiki rossijskoj obshhegrazhdanskoj identichnosti = Traditional Russian spiritual-moral values in the context of the Russian national identity issues // Kul'turologicheskij zhurnal. 2021. №2. C. 35-40.
18. Safina S. B. Duhovno-nravstvennye nachala i principy v sisteme konstitucionnyh cennostej = Spiritual and moral foundations and principles in the constitutional values system // Vestnik JuUrGU. Serija «Pravo». 2023. T. 23, № 1. S. 101–105.
19. Tradicija = Tradition // Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija. URL: [https://old.bigenc.ru/world\\_history/text/4199293?ysclid=lm3vxhey3f407018296](https://old.bigenc.ru/world_history/text/4199293?ysclid=lm3vxhey3f407018296). (Data obrashhenija: 04.03.2023).
20. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih

duhovno-nravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022, No. 809 “On Establishing the Basic Principles of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (Data obrashhenija: 04.03.2023).

21. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati = Social frameworks of memory / Per. s fr. i vstup. stat'ja S. N. Zenkina. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.

22. Shub M.L. Social'naja, kollektivnaja i kul'turnaja pamjat': novyj podhod k opredeleniju smyslovyh granic ponjatij = Social, collective and cultural memory: a new approach to defining semantic boundaries of concepts // Observatorija kul'tury. 2017. T. 14, № 1. S. 4–11.

23. Shurek Zh.-Sh. Pamjat' i totalitarizm: francuzskie debaty = Memory and totalitarianism: the French debate. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html>. (Data obrashhenija: 04.03.2023).

24. Jarychev N. U. Kul'turnaja pamjat' kak ponjatie i javlenie: osnovanija konceptualizacii = Cultural memory as a concept and phenomenon: grounds for conceptualization // Kul'tura i iskusstvo. 2022. № 12. S. 11-20.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 22.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 17.06.2023; approved after reviewing 22.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023



Научная статья  
УДК 316.17  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_145  
EDN YGWMGM

**Языковые манифестации этнокультурной идентичности  
на о. Сардиния**

**Галина Валерьевна Денисова<sup>1</sup>, Сапунова Ольга Валерьевна<sup>2✉</sup>,  
Журавлева Александра Владимировна<sup>3</sup>**

<sup>1</sup>Кандидат филологических наук, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

<sup>2</sup>Старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

<sup>3</sup>Аспирант факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

<sup>1</sup>[g.v.denisova@gmail.com](mailto:g.v.denisova@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

<sup>2</sup>[sapunovaov@my.msu.ru](mailto:sapunovaov@my.msu.ru)<sup>✉</sup>, <https://orcid.org/0000-0002-2179-6592>

<sup>3</sup>[zhuravleva.alex@gmail.com](mailto:zhuravleva.alex@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

**Аннотация.** Основное внимание в статье уделяется этнокультурной идентичности жителей итальянского региона Сардиния как психологической категории, относящейся к осознанию своей принадлежности к этнокультурной общности. Этнокультурная идентичность понимается как когнитивно-эмоциональный процесс, который может не совпадать как с этничностью, так и с демонстрируемой идентичностью, поскольку содержит также неосознаваемый слой личности. Материалом для исследования послужили языковые манифестации билингвов смешанного типа, говорящих на итальянском и на сардинском языках. Актуальность данного исследования вызвана противоречивыми тенденциями, характеризующими современное общество – такими, как глобализация, с одной стороны, и обращение к своим корням – с другой. Именно в условиях все возрастающей роли этнокультурной идентичности и не снижающейся интенсификации межкультурных взаимодействий, билингвизм рассматривается как один из факторов, усложняющих и без того многоуровневые процессы. Исследование способов репрезентации этнокультурной идентичности в языке является актуальным направлением, так как проливает свет на языковую картину миру, а в будущем, возможно, внесет большую ясность в такое важное для психолингвистической науки явление как лингвокогнитивная база. Тема этнокультурной, национальной и региональной идентичности является значимой для всех регионов Италии ввиду исторического прошлого страны, однако особо остро вопросы этнокультурной идентичности и

---

© Денисова Г. В., Сапунова О. В., Журавлева А. В., 2023

языка стоят в отношении о. Сардиния. Новизна данной работы заключается в обращении к малоисследованному материалу, а именно к элементам когнитивной базы (речь идет, в частности, о прецедентных феноменах) билингов острова Сардиния. Материалами для данной работы послужили данные, собранные в ходе глубинного интервью с представителями координативного типа билингвизма острова Сардиния (зона Барбаджа) в феврале и январе 2023 г.

**Ключевые слова:** этнокультурная идентичность; билингвизм; итальянский язык; сардинский язык; лингвокогнитивная база

**Для цитирования:** Денисова Г. В., Сапунова О. В., Журавлева А. В. Языковые манифестации этнокультурной идентичности на о. Сардиния // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 145-158. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_145](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_145). <https://elibrary.ru/YGWMGM>.

Original article

### Linguistic manifestation of Sardinia inhabitants' ethnocultural identity

Galina V. Denisova<sup>1</sup>, Olga V. Sapunova<sup>2✉</sup>, Alexandra V. Zhuravleva<sup>3</sup>

<sup>1</sup>Doctor of philology, Doctor of cultural studies, associate professor, head of the department of psychology of language and foreign language teaching, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University.

<sup>2</sup>Senior lecturer at the department of psychology of language and foreign language teaching, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University

<sup>3</sup>Postgraduate student, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University

<sup>1</sup>[g.v.denissova@gmail.com](mailto:g.v.denissova@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

<sup>2</sup>[sapunovaov@my.msu.ru](mailto:sapunovaov@my.msu.ru)✉, <https://orcid.org/0000-0002-2179-6592>

<sup>3</sup>[zhuravleva.alex@gmail.com](mailto:zhuravleva.alex@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

**Abstract.** This article focuses on ethnocultural identity of the inhabitants of Sardinia, a region of Italy. Ethnocultural identity is understood as a psychological category related to the people's awareness of their belonging to an ethnocultural community. Since it is the cognitive-emotional process containing the unconscious, ethnocultural identity may coincide with neither ethnicity nor the demonstrated identity. The way mixed bilingualism (Italian and Sardinian) is manifested linguistically was the material for the research. The relevance of this study is caused by contradictory trends characterizing modern society: globalization, on the one hand, and going back to the origin – ad fontes – on the other. These two forces – the ever-increasing role of ethnocultural identity and the uprising intensification of intercultural interactions – make bilingualism one of the factors to further complicate multi-level complex processes. As the present study aims to shed light on the linguistic picture of the world, including precedent phenomena, and thus may contribute to describing such a crucial psycholinguistic phenomenon as linguocognitive bases, the research can be considered as novel and topical. The topic of ethnocultural, national and regional identity is significant for all regions of Italy due to the country's historical past. However, the issues of ethnocultural identity and language are especially acute in Sardinia. The data for this study were collected in February and January 2023 as

in-depth interviews with coordinative bilingual (Italian-Sardinian) speakers from Barbagia zone, the island of Sardinia.

**Key words:** ethnocultural identity; bilingualism; the Italian language; the Sardinian language; linguocognitive bases

**For citation:** Denissova G. V., Sapunova O. V., Zhuravleva A. V. Linguistic manifestation of Sardinia inhabitants' ethnocultural identity. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 145-158. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_145](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_145). <https://elibrary.ru/YGWMGM>.

### Введение

Сложность исследования национальной идентичности итальянцев обусловлена, прежде всего, его неомогенностью в том смысле, что в каждой области представлены свои сформировавшиеся культура и язык, отличные от соседних, складывавшиеся под влиянием разных факторов [Шевлякова 2018; Шевлякова 2019].

Национальная идентичность итальянцев долгое время была ориентирована на представление Италии и ее народа за пределами страны, несмотря на то что понятия «Италия» и «итальянский» возникли гораздо раньше политического объединения Италии, официальной датой которого считается 1861 год, встречаясь до этого в исторических, литературных и философских произведениях. Говоря о национальной идентичности итальянцев, важно отметить значение непосредственно итальянского языка, который появился и развивался исключительно как язык литературы: именно в литературных произведениях впервые начинают появляться призывы к созданию единой нации и конструируется ее образ [Шевлякова, 2014,

с. 78]. Процессы унификации, начатые еще в середине XX в., и введение единого обязательного итальянского языка еще более усложнило исследование итальянской идентичности, поскольку в региональную и этнокультурную идентичность вплелась идентичность национальная, которая с момента возникновения итальянской государственности начала все сильнее укреплять свои позиции. Собственно сложность изучения этнокультурной идентичности итальянцев связана не только с нехваткой материала и пересечением терминов, но и взаимовлиянием одной идентичности на другую [Либертини, 2020]. Однако данная особенность присуща не только Итальянской Республике, но и другим европейским странам: именно поэтому в последние годы все чаще говорят об «этнически маркированной региональной идентичности» [Борисова 2020; Denissova, Smirnova, 2023, с. 5]. Последнее имеет особое значение, так как для большинства итальянцев первичной является региональная идентичность (чувство принадлежности к определенной территории), а не национальная, хотя подчас они тес-

но переплетаются [Либертини, Челышева, 2020, с. 104].

**Этнокультурная идентичность жителей острова Сардиния**

Термин «региональная идентичность», который достаточно часто встречается в работах, посвященных этнокультурным исследованиям идентичности итальянцев, в данной работе не рассматривается, поскольку сарды, находящиеся в определенной территориальной изоляции по сравнению с представителями других регионов, не утратили традиции преемственности поколений и опираются не столько на территориальные, сколько на культурные и культурно-исторические факторы. Культурно-исторический путь сардов, а также особенности политического и психологического толка обусловили оторванность и изоляцию традиционного сардинского общества от континента, что усиливалось исторической включенностью острова в состав больших государственных объединений, однако при этом жизнь острова исторически развивалась параллельно, практически не пересекаясь с остальным миром [Lilliu, 1971, с. 34]. Как показывают антропологические и этнографические исследования прошлых лет, посвященные Сардинии, жители региона глубоко включены в традиционную культуру, а само общество характеризуется замкнутостью и «интровертностью» [Фаис, 2004, с. 3].

Как уже было сказано, этнокультурная идентичность может не совпадать с демонстрируемой идентичностью, отсюда логично вытекает

заклучение о том, что есть показываемая или демонстрируемая идентичность и идентичность переживаемая, которые представляют собой два аспекта одного концепта [Fabietti, 1995, с. 143]: переживаемая идентичность не требует осмысления в повседневной жизни и совпадает с внутренним ощущением тождественности. Демонстрируемая идентичность находится в противоречивых отношениях с навязанной идентичностью [Fabietti, 1995, с. 143]: ее подчеркивают в определенных ситуациях, выбирая детали и варьируя их в зависимости от контекста.

Исследователь Сардинии Дж. Лиллиу особо подчеркивал, что в коллективном сознании жителей острова нурагическая культура стала эталонной, представляя собой квинтэссенцию сардинской идентичности и свободы. Свобода в данном случае вытекает из «константы сопротивления Сардинии» [Lilliu, 1971, с. 54], что является особенностями исторического пути, на протяжении которого сарды противостояли завоевателям, что и сформировало их этнокультурную идентичность. В данном контексте представляется интересным замечание Б. Ф. Поршнева о том, что каждое противопоставление ведет к объединению и наоборот [Поршнев, 1973]. Таким образом, архаичность и «примитивность» культуры и идентичности сардов в этот период активно рассматриваются как своего рода осознанное сопротивление народа насаждению других традиций, обычаев, культурному

влиянию и даже гипотетическому распаду этнической общности [Lilliu, 1994], а не как закономерное следствие долгой культурной и экономической изоляции острова [Мажиа, 2021]. Несмотря на полемичность взглядов на данную идею, именно эта теория получила широкое распространение во время подъема этнического самосознания и восприятия материковой Италии как очередных «колонизаторов».

### **Этнодифференцирующие признаки идентичности жителей о. Сардиния**

Этническая идентичность включает в себя два основных компонента: когнитивный и аффективный. Первый представляет собой осознание себя членом группы на основе этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаков, а также включает в себя знания и представления о собственной этнической группе (в качестве составных частей разными исследователями выделяются «этнические ориентации», «групповые концепции» и др.) [Стефаненко, 1999]. В качестве базовой составляющей когнитивного компонента выделяется этническая осведомленность и самоназвание, на основе которых и формируются представления, создающие систему этнодифференцирующих признаков. Второй компонент связан с восприятием собственной группы и отношением к ней, оценкой своего членства.

Этническая осведомленность подразумевает знания о своей и

других группах, культуре, историческом пути и представляет собой завершающий этап формирования этнокультурной идентичности, протекающий в детском и подростковом возрасте [Зинченко, 2019, с. 878]. Подъем этнической идентичности в Сардинии 1970-х годов можно связать с проблемой меньшинств. Отметим также, что сардинский был официально признан миноритарным языком в 1999 году [Lai, 2018]. В данном случае под термином «группа меньшинства» понимается низкостатусная группа, члены которой отличаются от других и подвергаются какой-либо дискриминации [Смелзер, 1994], какой и виделась архаичная Сардиния центральной власти.

Ж. Пиаже рассматривает процесс формирования этнокультурной идентичности как создание когнитивных моделей. Интересно отметить, что базовые этнодифференцирующие признаки формируются у ребенка в возрасте 8-9 лет (2-й этап): происхождение (этничность) родителей, родной язык, родная земля. В младшем подростковом возрасте 10-11 лет (3-й этап) завершается формирование этнической осведомленности, когда ребенок уже полностью ассоциирует себя с той или иной этнической группой, переживая (положительно или негативно) уникальность истории своего народа, особенности традиционной культуры [Piaget, 1951].

Под основными этнодифференцирующими признаками в научно-

психологической литературе понимают родной язык, общее историческое прошлое, традиции [Мишина, Мурсалыева, 2018, с. 140–151]. Некоторые исследователи делают предположение о том, что этнодифференцирующие признаки могут варьироваться по своей значимости в переломные моменты истории. В современной науке основным этнодифференцирующим признаком считается язык.

**Язык как этнодифференцирующий признак**

Для рассматриваемой темы – для обсуждения значимости языка как этнодифференцирующего признака – необходимо иметь представление о языковой ситуации современной Италии. В настоящее время на территории государства наряду с официальным языком (итальянским) сосуществуют 12 языков, закрепленных в нормативно-правовой базе, около 20 региональных диалектов и более 1 000 диалектов (термин «диалект» употребляется здесь в итальянской трактовке и подразумевает территориальный вариант, существующий в Италии и не являющийся вариантом итальянского языка) [Чельшевва, 2001, с. 92]. Кроме того, «на данном этапе, наравне с итальянским языком (*Italiano standard*) существует и так называемый региональный итальянский (*italiano regionale*) в шести вариантах: северный, тосканский, центральный, южный, сардинский, сицилийский» [Десятова, 2010, с. 88].

В первой половине XX в. начинается процесс «итальянизации», который спровоцировал отступление диалектов. Доминирующая общейталийская лингвокультура рассматривала использование языков меньшинств (или диалектов) и региональную культуру как угрозу единству. Однако в статье № 6 Конституции Италии, принятой в 1946 году, говорится о том, что Республика поддерживает и охраняет лингвистические меньшинства. В этом выражается курс, выбранный республикой после тоталитарного строя, в котором главенствовала теория «одна нация-один язык» [Шевлякова, 2018, с. 190]. Последнее послужило причиной развития билингвизма, обусловленного тем фактом, что многие итальянцы были не готовы отказаться от своей локальной (региональной) лингвокультуры. Во второй половине XX – начале XXI вв. внутренняя политика Италии (как и многих европейских государств) характеризуется определенной мягкостью и толерантностью. Политика мультикультурализма оказала влияние и на лингвистическую ситуацию, не препятствуя, а иногда и поощряя использование идиом. Это усилило гетерогенность языковой ситуации, которая априори в любом современном государстве неоднородна: официальный язык, региональные варианты государственного языка, язык других этносов и диалекты обычно сосуществуют на одной территории [Шевлякова, 2018].

**Материалы и методы  
исследования**

Для исследования языковых манифестаций идентичности билингвов о. Сардиния был выбран метод полуструктурированного интервью, содержащего 22 вопроса, которые дополнялись в ходе работы с респондентами, жителями горного региона Барбаджа, принадлежащего к внутренней Сардинии. Данная часть острова характеризуется некоторой «закрытостью» и даже исторической «отчужденностью», обусловленной, в частности, ее изоляцией от центральной власти. В данной области наблюдается высокая концентрация представителей координативного билингвизма, связанная с традиционностью региона (координативный тип билингвизма не гарантирован месторождением, так как после 1970-х гг. обучение детей сардинскому языку осталось на усмотрение родителей, многие из которых (около 20 %) предпочитали более «престижный» итальянский [Магия, 2021, с. 28]. Наиболее вероятные представители координативного типа билингвизма о. Сардиния – люди старшего поколения (от 63 лет и старше). В остальных случаях наблюдается скорее субординативный тип билингвизма с минимальными языковыми интерференциями.

Гипотезой данного исследования является предположение о сардинском языке и культуре как фундаментальных этнодифференцирую-

щих факторах, на основе которых складывается идентичность сардов.

В исследовании приняли участие сарды, проживающие во внутренней области региона – Барбаджа – и владеющие местным вариантом сардинского языка. Все респонденты являются координативными билингвами. В глубинном интервью приняло участие 13 человек в возрасте от 40 до 65 лет, однако, проанализированы и включены в данную работу интервью только 10 респондентов. Все респонденты имеют высшее образование; выборка гендерно сбалансирована (m – 5, f – 5). Исследование не предполагало дополнительных ограничений к респондентам (помимо региона происхождения и проживания и знания сардинского диалекта), поэтому респонденты были отобраны рандомным образом.

Исследование проводилось в январе и феврале 2023 г. и представляло собой глубинное полуструктурированное интервью. На предварительном этапе были подготовлены 22 вопроса, которые варьировались и дополнялись в ходе проведения исследования. Интервью проводилось с помощью аудиозвонков через приложение WhatsApp, процедура занимала в среднем от 30 минут.

Подготовленные вопросы затрагивали четыре ключевых блока: язык, культура, идентичность, стереотипы. Интервью содержало вопросы открытого и закрытого типов, прямые и косвенные. После проведения пилотного исследова-

ния количество косвенных вопросов было значительно расширено, некоторые из них были переформулированы, так как неизбежно разрывали контакт с респондентом и вызывали его «замыкание в себе», например, вопрос о сардинском национализме. Кроме того, в процессе проведения интервью, в зависимости от полученной информации, некоторые вопросы также убирались, чтобы избежать разрыва контакта с респондентом. Изначально исследование предполагало онлайн интервью на платформах Zoom и Skype, однако респондентам было удобнее давать ответы в более неформальной обстановке, которая не предполагала бы наличия персонального компьютера, поэтому онлайн интервью было проведено при помощи аудиозвонок через приложение WhatsApp.

В процессе интерпретации интервью были выделены некоторые культурнозначимые концепты, которые можно рассматривать как языковую манифестацию этнокультурной идентичности (см. табл. 1, рис. 1).

Первый концепт – вина (ит. *la colpa*) – пронизывает все интервью. Данный концепт «вины» является фундаментальным для сардинской культуры, так как включает в себя сильный аффективный компонент. На семантическом уровне концепт вины связан с итальянизацией, центральной властью (Римом), собственной ленью, сожалением об утрате многих культурных

феноменов, а также страхом, утратить еще больше и не суметь передать следующим поколениям. Так как сарды полностью «признают» за собой данную вину, они пытаются компенсировать и загладить ее глубоким погружением в местную культуру, целенаправленным «доучиванием» местного варианта языка. Чувство вины связано еще и с коммерциализацией многих традиций, демонстрацией их «чужим», что для подобного культурного анклава (каковым является Барбаджа) долгое время сохранявшего за собой статус нетронутой архаичной области, оберегавшей традиции и местную культуру от «чужаков», является практически трагедией. Таким образом, чувство вины, *la colpa*, подпитывается и одновременно гасится различными факторами. Снижение чувства вины связано с передачей и распространением информации о местной культуре, так как, с одной стороны, это поддержание витальности многих традиций; с другой стороны, это ведет к снижению их значимости, поскольку они перестают ощущаться как однозначно местные, утрачивают первоначальный смысл и некоторую интимность. Вместе с тем, учитывая экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивается регион, туризм и коммерциализация местных традиций являются одним из немногих средств спасения острова, что однако, как отмечалось выше, воспринимается сардами как «по-



следний фатальный мираж». Подобное противоречие вписывается в контекст «предельно трагического восприятия мира, присущего сардинцам» [Фаис, 2004, с. 89]. Поэтому, когда респонденты говорили об италиянизации, в их ответах нередко проскальзывало чувство вины за то, что они не смогли устоять перед этими процессами и сохранить в полном объеме свои традиции.

Этот факт усугубляется вторым концептом – сопротивление (ит. *resistenza*), который является основополагающим мифом идентичности сардов. В современных реалиях он выражен достаточно слабо, используется лишь в качестве апелляции к историческому прошлому острова – концепта постоянно сопротивляющейся захватчикам Сардинии.

Следующий концепт – солидарность (ит. *solidarietà*). Сами респонденты относили к данному концепту взаимопомощь (ит. *aiuto reciproco*), доступность (ит. *disponibili*), а также выбирали описательный путь: если тебе нужна помощь, мы сделаем все, чтобы помочь тебе (ит. *se hai bisogno d'aiuto noi facciamo tutto per aiutarti*, это в чем-то сплоченный народ...

(ит. *È un popolo coeso per certi aspetti...*). Чувство солидарности обнаруживает некоторые пересечения с концептом дружбы в итальянской языковой картине мира, ассоциативное ядро которого представлено доверием, братством, лояльностью [Орлова, 2021]. Концепт солидарности имеет большое значение для сардинской культуры, так как является следствием процессов дифференциации и консолидации. Синонимичное в некотором смысле понятие «братство» демонстрирует это лучше всего: исключительно положительное чувство, объединяющее людей в группы, вместе с тем противопоставляет их остальным группам.

Последний концепт, демонстрирующий яркую и позитивно маркированную идентичность жителей острова, – это *Sardità* (характер, сущность, дух сардов). Респонденты семантически связывают этот концепт с психофизическим и интеллектуальным развитием человека или с духовным и нравственным воспитанием (ит. *formazione culturale*), с образом жизни (ит. *tutto il modo di vivere*), способом существования (ит. *modi di essere*).

Таблица 1.

**Частотность концептов**

Концепт	Название собственно концепта	ИмPLICITное описание концепта / апелляция к концепту
La colpa	4	38
La resistenza	0	8
La comunità	7	21
La solidarietà	4	15
La sardità	2	27



Рис. 1. Семантическое поле концепта «идентичности» сардов

### Выводы

1. Все опрошенные респонденты четко разделяют итальянский и сардинский языки. Таким образом, особенностью манифестации их идентичности как билингвов является бикультурная (сардинская и итальянская) этническая идентичность (сардинская). Стоит также отметить крайнюю степень перфекционизма респондентов: они считали недостаточной свою языковую компетенцию, если не владели местным диалектом или обладали малым лексическим запасом местного варианта.

2. Все респонденты демонстрируют обширную этническую осведомленность, традиционно выделяемую в качестве базовой составляю-

щей когнитивного компонента этнокультурной идентичности. Респонденты глубоко погружены в собственную культуру и историю, традиции и обычаи, с радостью делятся этой информацией, рассказывая о местных праздниках, видах письменности, языке и его особенностях, танцах, традиционных стилях исполнения музыкальных произведений, поэзии, традиционных костюмах.

3. Все респонденты демонстрируют позитивное восприятие своей этнической идентичности: они положительно оценивают свое членство в этнической группе, свою группу и другие группы.

4. Региональный язык выступает в качестве базового этнодифференцирующего признака на территории

острова, однако в данном случае речь идет не об отношениях национальной и этнической идентичностей, а о дифференциации внутри этнокультурной группы. Первичная дифференциация происходит сначала в пределах области происхождения и отражена в противопоставлении “*le zone interne*” и “*le coste*” (внутренние области и побережья), которые значительно отличаются вариантами языка. Затем дифференциация идет с опорой на вариант сардинского, распространенного в данном городе, деревне.

5. Женщины более сдержанны и закрыты, практически не используют обобщений, апеллируют исключительно к своему опыту. Если все же делают обобщение (например, «сарды немного ленивые»), то непременно смягчат свое высказывание наречием «немного». Также данная группа респондентов относилась гораздо более критично к мифам о происхождении народа, к преемственности современной культуры от нурагической.

6. Большое значение для сардов имеют местные праздники, посвященные святым-покровителям городов. Некоторые респонденты, однако, отмечали свою незаинтересованность данными событиями, подчеркивая при этом их важность для культуры, а также необходимость их сохранения и передачи последующим поколениям.

7. Большинство респондентов указывали на чувство вины, кото-

рое они испытывают из-за постепенного вымирания сардинского языка и забывания многих традиций, связывая это с процессами италянизации. Кроме того, они не обвиняют в этом государство и центральную власть, полностью «признавая» собственную вину.

### Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют выявить особенности авторепрезентации сардов, языковых проявлений их этнокультурной идентичности, особенности культуры и феномены, на которые они опираются. Полученные в ходе работы данные можно соотнести с последними исследованиями, посвященными особенностям психологического склада сардов – жителей области Барбаджа, традиций и обычаев, и их значимости. Настоящее исследование представляет собой взгляд со стороны на области, традиционно закрытые для «чужаков», выявляя культурно-значимые концепты и системы ориентации становления этнокультурной идентичности.

Центральный район внутренней Сардинии, как уже упоминалось выше, представляет собой наиболее архаичную область, больше других тяготеющую к сохранению традиционности, ревностно оберегающие ее. Этим объясняется большое количество фольклорных феноменов, к которым апеллировали сарды, говоря о своем происхождении.

**Библиографический список**

1. Десятова М. Ю. Итальянский региональный (italiano regionale) как компонент лингвистической ситуации южной Италии // Вестник ПСТГУ, III: Филология. 2010. Вып. 2 (20). С. 86-91.
2. Зинченко Ю. П. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе / Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, Р. С. Шилко // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Выпуск 2: материалы II Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 г. Санкт-Петербург: РГПУ, 2019. С. 875-884.
3. Либертини Р. Региональная идентичность и диалект в Абруццо (Италия) / Р. Либертини, И. И. Челышева // Социолингвистика. 2020. № 4(4). С. 103–115.
4. Мажиа А. Языковая идентичность и языки идентичности (на примере острова Сардиния, Италия) // Вестник антропологии. 2021. №3. С. 24-41.
5. Мишина М. М. Сравнительный анализ значимых этнодифференцирующих признаков для подростков из разных культурных сред / М. М. Мишина, Г. М. Мурсалыева // Вестник РГГУ. 2018. № 1(11). С. 140–151.
6. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. Москва: Наука, 1973. 88 с.
7. Смелзер Н. Социология. Москва: Феникс, 1994. 688 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Москва: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
9. Фаис О. Д. Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции). Москва: [б.и.] 2004, 24 с.
10. Шевлякова Д. А. Макротопоним «Италия» и этноним «итальянец» в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 74-85.
11. Шевлякова Д. А. К вопросу о национальной идентичности: теоретико-методологические подходы исследования // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 1А. С. 248-256.
12. Шевлякова Д. А. Формирование языковой политики государства: законодательные уровни – теория и практика (на примере Итальянской Республики, 1946–2017 гг.) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 10 (826). 2019. С. 186-198.
13. Борисова И. 3. The cultural context of development of regional identity // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. № 92. Pp. 2883-2889.
14. Орлова А. Д. Socio-psychological analysis of the perception of the concept of “friendship” among young people in Russia and Italy. URL: [https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov\\_2021/data/22323/131898\\_uid559346\\_report.pdf](https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22323/131898_uid559346_report.pdf). (Дата обращения: 20.09.2023).
15. Denissova G.V., Smirnova O.V. Local Cultures in the Context of Global World / eds. G.V. Denissova, O.V. Smirnova. Moscow: Publisher BOS, 2023.
16. Fabietti U. L'identità etnica [Ethnic identity]. Roma: La nuova Italia scientifica. 1995.

17. Lai R. Language Planning and Language Policy in Sardinia. *Language Problems & Language Planning*. 2018. P. 73-31.
18. Lilliu G. *La costante resistenziale sarda*. Cagliari. 1971.
19. Lilliu, G. L'eredità delle origini, *La Sardegna*. Enciclopedia. III. Aggiornamenti, Cronologie e Indici generali, edited by M. Brigaglia, 19–22. Cagliari: Della Torre, 1994.
20. Piaget J., Weil A.M. The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries // *International Social Science Bulletin*. 1951. Vol. 3. P. 561-578.

#### Reference list

1. Desjatova M. Ju. Ital'janskij regional'nyj (italiano regionale) kak komponent lingvističeskoj situacii južnoj Italii = Regional Italian (italiano regionale) as a component of the linguistic situation in Southern Italy // *Vestnik PSTGU, III: Filologija*. 2010. Vyp. 2 (20). S. 86-91.
2. Zinchenko Ju. P. Metodologičeskie problemy izučeniija jetnokul'turnoj identičnosti detej i podrostkov v cifrovom obščestve = Methodological problems of studying children's and teenagers' ethnocultural identity in the digital society / Ju. P. Zinchenko, L. A. Šajgerova, R. S. Šilko // *Gercenovskie čtenija: psihologičeskie issledovanija v obrazovanii*. Vypusk 2 : materialy II Meždunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii Sankt-Peterburg, 10–11 oktjabrja 2019 g. Sankt-Peterburg : RGPU, 2019. S. 875-884.
3. Libertini R. Regional'naja identičnost' i dialekt v Abrucce (Italija) = Regional identity and the dialect in Abruzzo (Italy) / R. Libertini, I. I. Čelysheva // *Sociolingvistika*. 2020. No 4(4). S. 103–115.
4. Mazhia A. Jazykovaja identičnost' i jazyki identičnosti (na primere ostrova Sardinija, Italija) = Linguistic identity and languages of identity (the case of the island of Sardinia, Italy) // *Vestnik antropologii*. 2021. №3. S. 24-41.
5. Mishina M. M. Sravnitel'nyj analiz značimyh jetnodifferencirujuščih priznakov dlja podrostkov iz raznyh kul'turnyh sred = Comparative analysis of significant ethnodifferentiating signs for adolescents from different cultural environments / M. M. Mishina, G. M. Mursalyeva // *Vestnik RGGU*. 2018. № 1(11). S. 140–151.
6. Poršnev B.F. Protivopostavlenie kak komponent jetničeskogo samosoznanija = Opposition as an ethnic identity component. Moskva : Nauka, 1973. 88 s.
7. Smelzer N. *Sociologija = Sociology*. Moskva : Feniks, 1994. 688 s.
8. Stefanenko T. G. *Jetnopsihologija = Ethnopsychology*. Moskva : Institut psihologii RAN, «Akademičeskij proekt», 1999. 320 s.
9. Fais O.D. *Obyčnoe pravo v sovremennoj Sardinii (po materialam jekspedicii) = Common law in modern Sardinia (based on expedition materials)*. Moskva : [b.i.] 2004, 24 s.
10. Ševl'jakova D. A. Makrotoponim «Italija» i jetnonim «ital'janec» v formirovanii nacional'noj identičnosti ital'jancev = Macrotoponym “Italy” and ethnonym “an Italian” in forming the national identity of Italians // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*. 2014. No 3. S. 77-85.

11. Shevljakova D. A. K voprosu o nacional'noj identichnosti: teoretiko- metodologicheskie podhody issledovanija = Toward the subject of national identity: theoretical and methodological approaches to research // Kul'tura i civilizacija. 2018. Tom 8. No 1A. S. 248-256.
12. Shevljakova D. A. Formirovanie jazykovej politiki gosudarstva: zakonodatel'nye urovni – teorija i praktika (na primere Ital'janskoj Respubliki, 1946–2017 gg.) = The formation of state language policy: legislative levels – theory and practice in the Italian Republic, 1946-2017 // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 10 (826). 2019. S. 186-198.
13. Borisova I. Z. The cultural context of development of regional identity // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. № 92. Pp. 2883-2889.
14. Orlova A. D. Socio-psychological analysis of the perception of the concept of “friendship” among young people in Russia and Italy. URL: [https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov\\_2021/data/22323/131898\\_uid559346\\_report.pdf](https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22323/131898_uid559346_report.pdf). (Data obrashhenija: 20.09.2023).
15. Denisova G.V., Smirnova O.V. Local Cultures in the Context of Global World / eds. G.V. Denisova, O.V. Smirnova. Moscow : Publisher BOS, 2023.
16. Fabietti U. L'identità etnica [Ethnic identity]. Roma: La nuova Italia scientifica. 1995.
17. Lai R. Language Planning and Language Policy in Sardinia. Language Problems & Language Planning. 2018. P. 73-31.
18. Lilliu G. La costante resistenziale sarda. Cagliari. 1971.
19. Lilliu G. L'eredità delle origini, La Sardegna. Enciclopedia. III. Aggiornamenti, Cronologie e Indici generali, edited by M. Brigaglia, 19–22. Cagliari: Della Torre, 1994.
20. Piaget J., Weil A.M. The development in children of the idea of the homeland and of relations with other countries // International Social Science Bulletin. 1951. Vol. 3. P. 561-578.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023; одобрена после рецензирования 19.08.2023; принята к публикации 20.09.2023.  
The article was submitted on 23.06.2023; approved after reviewing 19.08.2023; accepted for publication on 20.09.2023

Научная статья  
УДК 821.161.1  
DOI: 10.20323/2658\_7866\_2023\_3\_17\_159  
EDN ZNOSAD

**«Закат» усадебной культуры в повести Б. К. Зайцева «Анна»**

**Валерия Геннадьевна Андреева**

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,  
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,  
г. Москва

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

**Аннотация.** Внимание автора статьи направлено на аналитическое соотношение разных культур, культурных плоскостей, запечатленных в повести Б. К. Зайцева «Анна» (1929). Проблематика работы связана с необходимостью осмысления противоречия, оказавшегося между истинными взглядами писателя на дворянство и усадебную культуру прошлого и теми итогами и характеристиками, которые оказались воплощены в произведении. Автор статьи объясняет определенную обособленность повести, возникающую из-за нехарактерного для Зайцева воплощения дворянской жизни и культуры. Увлечение автора судьбой героини, самодвижение сюжета, желание писателя подчеркнуть положительные стороны большинства персонажей, принадлежащих к разным социальным классам, привели к тому, что в повести закат дорогой для Зайцева усадебной культуры оказался изображен не только как последствие разрушительных действий советской власти и эпохальной смены ценностей, но и как результат слабости и безволия русского дворянства. В работе отмечаются отдельные культурные артефакты, характерные для ушедшего усадебного прошлого, анализируются важные описания и детали интерьера и экстерьера усадеб, осмысливается значение единства географических топосов и наименований, представленных писателем в романе «Золотой узор» и повести «Анна». В статье рассматриваются образы центральных героев, девушки Анны и обожаемого ею отжившего помещика Аркадия Ивановича, а также сопоставляемые и противопоставляемые писателем семьи Гайлисов и дворян Немешаевых. Отмечаются смысловые оппозиции, связанные с утверждением и сохранением семейного духа, образа родового гнезда. Автор статьи считает, что Зайцев хотел развести непохожие миры, показать примитивность фермеров и закат дворянской культуры, надежду на ее воскресение в большом времени. Однако у писателя это не вполне получилось: разные миры оказались соотносимыми и объединяемыми.

**Ключевые слова:** Б. К. Зайцев; усадебная культура; дворянство; революция; авторский замысел; воплощение замысла; поместья; родовые гнезда

---

© Андреева В. Г., 2023

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

*Для цитирования:* Андреева В. Г. «Закат» усадебной культуры в повести Б. К. Зайцева «Анна» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 3 (17). С. 159-175. [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_159](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_159). <https://elibrary.ru/ZNOSAD>.

Original article

**“Decline” of estate culture in the story “Anna” by B. K. Zaitsev**

**Valeria G. Andreeva**

Doctor of philology, associate professor, leading researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow  
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

**Abstract.** The author of the article focuses on the analytical correlation between different cultures and cultural aspects, depicted in B. K. Zaitsev's story “Anna” (1929). The problematics of the study is connected with the need to comprehend the contradiction between the writer's true views on the nobility and estate culture of the past as well as the results and characteristics that were embodied in the work. The article explains a certain detachment of the story, arising from the depiction of noble life and culture, which is uncharacteristic for Zaitsev. The writer's fascination with the heroine's fate, his desire to emphasize the positive aspects of most of the characters belonging to different social classes, led to the fact that the story depicts the decline of Zaitsev's favorite estate culture not only as a result of the Soviet regime's destructive actions and the epochal change of values, but also as a consequence of the weakness and helplessness of the Russian nobility. The study points out certain cultural artifacts characteristic of the bygone estate past, analyzes important descriptions and details of the interior and exterior of the estates, and considers the significant unity of geographical topoi and names that the writer uses in the novel “The Golden Pattern” and the story “Anna”. The article considers the images of the main characters, the girl Anna and the landowner Arkady Ivanovich who outlived his day, but who she adores, as well as the Gailis family and the noblemen Nemeshayevs, who the writer compares and contrasts. Semantic oppositions are noted referring to supporting and preserving the family spirit and the image of the family nest. The author of the article believes that Zaitsev wanted to separate the dissimilar worlds, to show the primitiveness of farmers and the decline of nobility culture with the hope for its resurrection in due time. However, the writer did not quite succeed: the different worlds turned out to be comparable and unifiable.

**Key words:** B. K. Zaitsev; estate culture; nobility; revolution; author's intention; embodiment of the idea; estates; family nests

This work was carried out at IWL RAS and funded by the grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>



**For citation:** Andreeva V. G. “Decline” of estate culture in the story “Anna” by B. K. Zaitsev. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 3(17): 159-175. (In Russ). [http://dx.doi.org/10.20323/2658\\_7866\\_2023\\_3\\_17\\_159](http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_159). <https://elibrary.ru/ZNOSAD>.

### Введение

Повесть «Анна» Б. К. Зайцева была впервые опубликована в парижском журнале «Современные записки» № 36 и № 37 за 1928 г. и № 38 за 1929 г. С одной стороны, это произведение писателя очень гармонично вписывается в контекст его эмигрантского творчества 1920-х гг. М. Л. Вилесова и М. А. Хатямова справедливо отмечают, что «Анна» входит в «смертные повести» Зайцева этого времени, сюжет каждой из которых завершается гибелью центрального героя («Странное путешествие», «Авдотья-смерть», «Анна»). «В них подводится своеобразный итог русскому этапу творчества, раскрываются причины невозможности существования героев (и самого автора) в изменившейся реальности», – подытоживают исследователи [Вилесова, 2016, с. 54]. С другой стороны, Т. Ф. Прокопов точно отмечает, что, читая «Анну», критики говорили об определенном повороте в литературном пути Зайцева, но сам писатель «отнес повесть к числу своих “некоторых недоразумений”»: “...Я не люблю эту вещь, не люблю просто. Она меня собственно, мало выражает. Она как-то забралась ко мне со стороны. В смысле внешнем, в смысле, так сказать, литературной техники или

мастерства, что ли, она довольно удачна, но несмотря на это, я ее не люблю”» [Прокопов, 1999b, с. 13–14]. Примечательно, что писатель подчеркивал некоторое идейное удаление повести от собственного внутреннего мира, но не отрекался от художественного уровня и изобразительной силы произведения. В обзоре творчества Зайцева, написанном к его 80-летию, авторы отметили, что повесть «Анна» является одним из самых ярких произведений Зайцева в отношении пластичности описания [Rzhevsky, 1961, p. 328] (*The novel “Anna” is “one of the clearest pieces of zaitsev’s work in regard to plasticity of description” [Rzhevsky, 1961, p. 328]*). Г. Адамович писал, что в повести «Анна» Зайцев «впервые дал образы людей, вросших в самую гущу бытия, и образы эти удивительно правдивы, удивительно закончены: латыш Матвей Мартыныч, например, или хотя бы земская докторша, добрая, честная, неглупая, с “гуманитарной” душой и портретом Михайловского на стене» [Адамович]. Критик далее недоумевал по поводу неясности образа главной героини, считая, что «здоровую, простую девушку, выросшую в глуши, обремененную хозяйственными заботами, Зайцев наделил чертами тончайшей, почти неврастениче-

ской духовности» [Адамович]. Считая повесть «Анна» большой удачей писателя, «шагом к жизни в ее плотском и физическом обличе», Адамович, тем не менее, не предположил, почему она автора отчасти не удовлетворяла.

Несмотря на то, что повесть «Анна» не раз становилась предметом изучения исследователей, вопрос ее специфики, подчеркнутый самим писателем, остается до конца не проясненным. Целью данной статьи является аналитическое объяснение определенной обособленности повести, возникшее, на наш взгляд, из-за несколько нехарактерного для Зайцева воплощения дворянской жизни и культуры, данного в произведении. Проблематика статьи связана с необходимостью осмысления противоречия, оказавшегося между истинными взглядами писателя на дворянство и усадебную культуру прошлого и теми итогами и характеристиками, которые оказались воплощены в повести. По нашему мнению, некоторое увлечение автора судьбой героини, самодвижение сюжета, желание писателя подчеркнуть положительные стороны большинства персонажей, принадлежащих к разным социальным классам, привели к тому, что в повести «Анна» закат дорогой для Зайцева усадебной культуры оказался изображен не только как последствие разрушительных действий советской власти и эпохальной смены ценностей, но

и как результат слабости и безволия русского дворянства.

А. М. Любомудров сообщает о том, что «в 1961 г. Зайцев прислал П. П. Ширмакову для передачи в РО ИРЛИ несколько писем к нему от разных корреспондентов, а также рукопись повести “Анна”» [Любомудров, 2001, с. 164]. Литературовед публикует некоторые письма Б. К. Зайцева, в том числе его письмо к П. П. Ширмакову, начинающееся словами: «Дорогой Павел Петрович, вчера Сионский зашел, я сплавил через него “Анну” для Пушкинского Дома...» [Любомудров, 2001, с. 186]. По нашему мнению, далеко не случаен тот факт, что Зайцев «сплавил» в Советский Союз лишь некоторые письма и не особенно дорогую для него повесть «Анна», которая, как он сам заметил, мало его выражает. Постараемся разобраться в том, что хотел сказать писатель, и в том, какой именно дворянская и усадебная культура ушедшего XIX в. и начала XX в. предстала в повести.

#### **Дворянские усадьбы, родовые гнезда: прошлое и настоящее их хозяев**

Прежде всего, перечислим и опишем бывшие и настоящие усадьбы, которые изображаются в произведении, их место и роль в движении сюжета. Повесть начинается с изображения хозяйства нового типа, устроенного на бывших помещичьих землях. Приехавший

из Латвии в Россию фермер Матвей Мартыныч покупает землю и дом, заводит хозяйство на свой лад. Но в художественном мире повести значимо, что дом и сад были построены еще до Матвея Мартыныча, он же возводил все хозяйственные постройки для свиней, которыми очень гордится. Несмотря на тот факт, что Матвей Мартыныч изображен писателем как неплохой хозяин, автор сразу же показывает нам меру, которой измеряет жизнь этот человек: «Русские ничего не понимают, тут даже и помещики плохонько свинок держат» [Зайцев, 1999, с. 347].

Зайцев показывает, что водворение на русской земле чужих людей, в данном случае латышей, абсолютно равнодушных к русской культуре, приводит к полной потере былого представления об усадебном бытии. О. В. Сямина анализирует концепт «родовое гнездо», понимая под ним «определенный локус», «уникальное локальное единство времени и пространства, которому свойственны внутренняя самодостаточность», «определенную духовную территорию, на которой разворачивается жизнь конкретного рода в ее исторической последовательности и преемственности» [Сямина, 2020, с. 31]. По мнению исследовательницы, концепт «родовое гнездо» «несет в себе идею живой памяти о предках, которая хранится и передается от поколения к поколению» [Сямина,

2020, с. 31]. Зайцев как раз и показывает, что с приездом Матвея Гайлиса исчезает веками хранимая родовая память этих мест. Не случайно местные мужики недовольны таким ходом дел: то, что Матвей Мартыныч называет усадьбой, не связывается в их представлении с дворянской усадебной жизнью: «Мой папаша был Мартын, и он меня немножко научил трудиться, и мой сынок Мартынчик, то я в честь Мартына и назвал усадьбу. Конечно, мартемьяновски мужики недовольные, мои соседи, потому что прежде это было господина Ушакова именице, и завсегда называлось Мартемьяновка. Но я десять лет здесь живу, и я могу свой дух заводить» [Зайцев, 1999, с. 349]. Под «духом» в данном случае понимается героем отнюдь не духовная жизнь, но свой уклад, утверждение линии собственного рода – то упрочнение семьи в окружающем мире, о котором мало думают изображенные Зайцевым дворяне.

Писатель неоднократно на протяжении всей повести показывает животное начало членов семьи Гайлисов – Мартына и его жены Марты. Существование ограничивается для них выращиванием свиней, хорошим и правильным ведением хозяйства, эта жизнь жестока и первобытна, лишена человеческого тепла и чуткости: «С великим благодушием резал он собственноручно тех же самых боровов, за ве-

сом и здоровьем которых следил при жизни их с такой любовью. Он и резал их с любовью. Они жили для его, Матвея Мартыныча, целей, он на них трудился, пропахивал для них картофель, косил овес, просо, ездил вдаль за жмыхами – он же распоряжался и их жизнью» [Зайцев, 1999, с. 362]. Писатель мастерски передает живое начало в своих героях с помощью различных деталей: вот мы видим Марту, которая в первое свое появление на страницах повести предстает режущей на столе печенку гуся: «Мускулистая ее рука была запачкана кровью» [Зайцев, 1999, с. 348]. Писатель отмечает и впечатление Анны о Марте: «Марта была чиста телом, Анне же казалось, что от нее пахнет мясом» [Зайцев, 1999, с. 364]. А Матвея Мартыныча, влюбленного в Анну, последняя называет медвежатиной: «Руки целуешь, грудь целуешь... ах ты, медвежатиная. От тебя тепло, ты хороший пес, шерстистый» [Зайцев, 1999, с. 401]. В начале повести и в конце ее, после смерти Аркадия Ивановича, Матвей Мартынович остается единственным близким Анне человеком, писатель пронизательно показывает, как, отталкивая его, героиня нуждается в тепле и понимании.

Значимо, что писатель не сразу представляет нам всю Мартыновку – есть там небольшая часть земли, хранящая память о прошлых временах: «Хоть и сюда доноси-

лось хрюканье свиней, все же старый яблоневый сад, времен далеко до-мартыновских, носил облик милых русских садов – некоего скромного рая» [Зайцев, 1999, с. 367]. Это упоминание об ушедшем рае в художественном мире повести очень важно, однако оно слишком незаметно и мимолетно, теряется в совокупности всех других описаний усадебной жизни и не становится (как это, вероятно, было необходимо автору) одним из ключевых.

Насколько можно предположить, Зайцев планировал в повести пропеть осанну русской усадебной жизни, показать последние дворянские семьи, теряющие насиженные гнезда, не по своей воле принимающие изменяющуюся жизнь, дать пример честной и искренней героини, тянущейся к образованным и широким душою людям. Однако художественное воплощение оказалось несколько иным.

Писатель очень скрупулезно и образно представил большевиков, захватнические силы, инициативу разрушения прежнего дворянского благоденствия. Помимо образов гостей-революционеров, появляющихся в первой главе, Зайцев создает фигуру безжалостного Трушки, с которым ассоциируется весь беспредел новой власти. Не случайно Зайцев все-таки гордился построением повести: в представлении читателя сразу возникает параллель между фермером-

«мясником» Гайлисом и режущими, убивающими людей представителями новой советской власти. Читатель хорошо ощущает, что отношение Матвея Мартыныча к своим свиньям лучше, нежели отношение революционеров к людям: «На Ефремовском хуторке на днях одинокому помещицу просто зарезали... вот как вы ваших... питомцев режете, Матвей Мартыныч» [Зайцев, 1999, с. 366]. Писатель в данном случае не уходит от истины, обвиняя в погромах и уничтожении усадеб не крестьян, а именно новую власть. Л. В. Рассказова констатирует, что во многих случаях гибель библиотек и других культурных ценностей была на совести представителей советской власти, а не крестьян: «Именно в процессе планомерной “законной” ликвидации имений, проводимой новой властью с весны 1918 г., и была уничтожена значительная часть культурного наследия, до того собранная и сохранявшаяся крестьянами во многих усадьбах» [Рассказова, 2010, с. 48].

Не случайно рассматриваемая нами повесть носит имя героини – Анна оказывается самой деятельной и отважной в изображаемое время перемен, личных, семейной и государственной катастроф. Необходимо признать, что вся мягкость и женственность героини, ее внутренняя теплота спрятаны за напористостью, решительностью, готовностью к самоотдаче и за тяже-

лым физическим трудом. Вряд ли можно согласиться с Г. Адамовичем, нашедшим в Анне следы неврастенической духовности. На самом деле, эта героиня просто колоритно выделяется на фоне отсутствующих в повести мужчин. О. А. Богданова пишет, что «...в усадьбах Золотого и Серебряного века встречались крупные самобытные характеры, с метафизическим чутьем и онтологическим размахом, несмотря на нередко рутинный образ жизни... Этот аспект “усадебной культуры” впервые выдвинулся на заметное место и был положительно оценен именно в Серебряном веке в связи с разрушением традиционного общества в России, маргинализацией большей части народа, эскалацией массы и умалением индивидуальности как главного субъекта истории в Новейшее время» [Богданова 2020, с. 265–266]. Необходимо признать, что в повести «Анна» мужских самобытных характеров, ярких личностей нет. Желая воспеть усадебное бытие, создать правдивые истории разорения дворян, Зайцев параллельно реализовывал в повести и историю дворянского оскудения, связанную с безволием и постоянными излишествами, неумением выстраивать жизнь.

В данном представлении дворянства Зайцев идет вслед за писателями еще XIX в. – С. Н. Атавой (Терпигоревым) [Андреева, 2013], А. И. Эртелем [Андреева, 2020]. К примеру, герой романа

А. И. Эртеля «Смена» (1894) честен и благороден, но при этом максимально пассивен: «Мансуров не готов увезти свою любимую женщину от ненавистного ей мужа, Мансуров абсолютно не способен к какой-либо деятельности. Герой живет лишь воспоминаниями, а центр их – картинки старой усадебной жизни» [Андреева, 2020, с. 116]. Точно такой же фигурой – слабой, больной и безвольной – оказывается Аркадий Иванович в повести «Анна».

Две главы в повести имеют названия, аналогичные наименованиям усадеб – «Серебряное», «Машистово». Эти названия читатель Зайцева помнит по его роману «Золотой узор»: «Село Серебряное по бокам речки Беспуты, на нагорном церковью александровских времен, огромный дом помещичий и парк...» [Зайцев, 1999, с. 134]. В повести «Анна», как и в «Золотом узоре», на первый план также выходит мотив близкой *гибели усадьбы*, предстающей перед героиней в настоящем дне все еще во всем великолепии и масштабе: «Над купою парка вздымалась колокольня Серебряного – перерезала зарю. Анна проехала мимо кладбища, мимо канавы старинного парка с голыми липами... и остановилась под елочками у большого белого дома» [Зайцев, 1999, с. 355–356]. Анна входит в дом через черный вход, так как стеклянное парадное крыльцо заперто, проходит через

кухню, переднюю и попадает в комнату Марьи Гавриловны, «наспех теперь обращенную в столовую» [Зайцев, 1999, с. 356]. Мы видим самовар, начинающие запотевать окна, но автор сразу же делает оговорку, показывая великолепие и особенность усадьбы: «Однако в два большие, выходящие в сад, с далеким видом за реку, глядело умиравшее холодно-серебряное небо сквозь голубые ели у балкона – ели редкостные, калифорнийские» [Зайцев, 1999, с. 356]. Писателю очень дорого это ушедшее прошлое, он стремится при любой удобной возможности подчеркнуть его редкость, уникальность. Но описания экстерьеров и интерьеров усадьбы в повести немногочисленны, главное впечатление о состоянии усадебной культуры у читателей складывается благодаря героям-дворянам.

Собственно, семья Марьи Гавриловны Немешаевой была изображена и в «Золотом узоре»: читатель уже там видел эту кареглазую даму с проседью лет сорока пяти, которая очень спокойно и равнодушно относилась к происходящему, видел ее дочерей-хохотушек.

М. Л. Вилесова и М. А. Хатямова считают, что использование Зайцевым уже знакомых топонимов, географических мест выступает как прием, который «призван отразить силу противоречий прошлого и настоящего: исследовательский фокус перемещается на

другой социальный слой – герои-интеллигенты уступают место фермерам и крестьянам, позволяя представить трагедию революции не только с позиции близкого и понятного автору круга (как в «Золотом узоре»), но и с точки зрения человека из народа, лишенного возможности бежать из страны» [Вилесова, 2016, с. 55]. По нашему мнению, это не совсем так – в «Анне» Зайцев иллюстрирует не только безжалостность революционеров, но и *слабость дворянства*.

Еще раз оговоримся о том, что писателю, по всей видимости, было несколько не по душе получившееся в итоговом тексте повести «Анна» представление о дворянстве в целом: вероятнее всего, Зайцев хотел показать разных дворян, однако так дорогие его сердцу Немешаевы тоже оказались изображенными в несколько невыгодном свете.

Отметим, что в образе семьи Немешаевых можно найти некоторые автобиографические черты, увидеть отдельные ситуации, характерные для семьи Зайцевых. И. В. Пантелеев отмечает, что «приход к власти большевиков поразному отразился на судьбе Зайцевых. Волостное собрание постановило Зайцевых и их соседей Муромцевых из имения не гнать» [Пантелеев, 2022, с. 100]. Точно так же в романе «Золотой узор» и в повести «Анна» большевики на некоторое время оставляют Немешаевых в их большом доме, пока,

наконец, их не переселяют в Красный домик – бывший усадебный флигель.

Несмотря на то, что Марья Гавриловна, Леночка и Муся описываются и характеризуются в романе и повести очень схоже, восприятие читателями этой семьи в обоих произведениях разное. В романе «Золотой узор» Немешаевы (на фоне Натальи Николаевны и ее близких) выглядят аристократами, спокойно и рассудительно принимающими веления судьбы, в вот в повести «Анна» и семья, и гости выглядят иначе – уже не гордо, а жалостливо, и эта перемена отношения происходит во многом из-за впечатления, производимого Аркадием Ивановичем.

В «Золотом узоре» писатель не показывает нам истории Серебряного, несмотря на происходящие изменения, у читателя есть ощущение правильности и *глубокой укоренённости усадебной жизни*, а в повести «Анна» появляется мотив случайного обогащения, *случайного наследования усадьбы*. Зайцев в повести «Анна» не скрывает промахов человеческой и хозяйственной незрелости дворян-мужчин. Сначала мы узнаем о покойном Александре Андреевиче, бывшем владельце усадьбы, которая «свалилась ему с неба»: «Не он строил этот дом, не он разводил парк и сажал под балконом голубые ели» [Зайцев, 1999, с. 357]. Писатель упоминает о неумении Александра

Андреевича организовать жизнь в имении: он пользуется всем полученным, но при этом ничего не хранит, исключительно раздает. Н. М. Селиверстова очень точно отметила, что после реформ 1860-х гг. многие русские усадьбы были в состоянии упадка, так как помещики просто не могли приспособиться к вольнонаемному труду, организовать хозяйство в новых социально-экономических условиях, что приводило, конечно, к падению высокой культуры части дореформенных усадеб [Селиверстова, 2015, с. 174].

Именно к такому типу неспособного помещика относится в повести покойный Александр Андреевич, подобные же характеристики применимы и к Аркадию Ивановичу, в которого глубоко и страстно влюбляется главная героиня повести. В отживающем и больном барине Анна находит внутреннее тепло, ту широту души и ласку, которой лишены окружающие ее необразованные люди. По всей видимости, Зайцев прежде всего стремился показать не столько чуждость Анны тому миру, в котором она выросла, сколько ее интерес к дворянской культуре. «Я тебя за то и люблю, что ты барин... настоящий», – признается она Аркадию [Зайцев, 1999, с. 381].

Так, к примеру, для Матвея Мартыныча врученные ему на сохранение шубы являются чужим добром, оставшимся материальным

элементом барской жизни, для Анны эти шубы – своеобразный артефакт, физическое подтверждение того, что была иная среда, уходящая, к которой она не успела приспособиться. Вместе с тем в эпизоде разбора шуб, в своем внутреннем монологе, Анна сближает фигуры Александра Андреевича и Аркадия Ивановича: «Анна накинула на себя шубу. Как она легка, изящна! мех мягко ласкал щеку. “Такая же, наверно, была и у Аркаши. И они вместе в Москву ездили. Александр Андреевич тоже любил цыган”. Анна на мгновение закрыла глаза. Точно знакомое и милое объятие из иной жизни обняло ее» [Зайцев, 1999, с. 400]. Благодаря этой сцене мы еще раз убеждаемся в пассивности всех героев-дворян в повести. Анна, обижаясь на Аркадия Ивановича, не пропускающего равнодушно ни одной миловидной женщины, внутренне прощает его и оправдывает, противопоставляя в уме молодого барина современной ей молодежи.

Г. П. Струве в своей работе о творчестве Б. К. Зайцева охарактеризовал Аркадия Ивановича как «бывшего помещика, типичного беззаботного барина, ловеласа, разоренного революцией экономически и физически, доведенного до смерти последствиями пьянства и разгула» [Struve, 1939, p. 448] (*Anna, however, is in love with Arkady Ivanych, a former landowner, a typical carefree barin, a ladies'*



*man, who is ruined economically by the Revolution and physically, to the point of dying, by the effects of drinking and a fast life* [Struve, 1939, p. 448]). Символично, что такую характеристику герою дает русский поэт, литературный критик и исследователь, сын П. Б. Струве, бывший в добровольческой армии и в 1919 г. вместе с отцом навсегда уехавший из России.

Культурную, хозяйственную, человеческую сущность героя лучше всего выражает его усадебка, стоящая на отлете. Описывая ее, Зайцев развеивает иллюзии о возможной будущей жизни Аркадия и людей, подобных ему. Описание дома, природы – фруктового сада и еще нестарых берез – как будто дают некоторую надежду: «Фруктовый сад выдвигался прямо в поле, обсажен был нестарыми березами. Этот прямоугольник берез на бугре виднелся издали, точно легкий, стройный авангард некоторых главных сил» [Зайцев, 1999, с. 378]. М. В. Скороходов пишет, что элементы внеусадебного пространства у Зайцева нередко выступают «стражами усадьбы, самим своим существованием обеспечивая ее жизнь» [Скороходов, 2020а, с. 53]. Однако автор категоричен в подведении итога жизни Аркадия. Оказывается, что сил уже нет: «Главных же сил и вообще не было» [Зайцев, 1999, с. 378], что жизнь превращается в существование:

«...он все-таки существовал» [Зайцев, 1999, с. 378].

Зайцев дает читателю понять, что важные культурные особенности усадебной жизни дворян исчезли не разом после революции, но еще задолго до нее были изнутри подточены самими же владельцами усадеб. Так, *обычай гостеприимства*: «Характерной чертой усадебной жизни было гостеприимство. Как правило, посетители усадеб гостили несколько дней – знакомились с усадебными музеями и коллекциями, составляющими гордость владельцев, осматривали окрестности» [Кузьмин, 2011, с. 44] трансформируется и перерождается в организацию постоянных праздников и оргий. Аркадий Иванович рассказывает Анне про своего бывшего друга, Кладкина, не знавшего меры: «Именины, или там праздник, то водочки, вина сколько твоей душе угодно. И наши же помещики так у него перепивались, что потом их на дорожках олёсовского парка находили, или под кустами с девками-мананками» [Зайцев, 1999, с. 381]. Аркадий Иванович повествует и про логичный финал такой жизни – проданное за долги имение, сознается в своей собственной схожести, в схожести многих помещиков с этим героем.

А. М. Любомудров отметил характерную черту Бориса Зайцева, которой он считает «плавность внутреннего духовного развития» [Любомудров, 2003, с. 50]. (О пути

духовного поиска писателя немало пишет и В. Т. Захарова [Захарова, 2014]). Повесть «Анна» могла казаться автору и не совсем своей, так как в ней писатель не вполне отразил линию, этапы духовного поиска героини. Это все произошло потому, что образ простой девушки-труженицы, потянувшейся к уже пожилому и фактически отжившему своё дворянину, вероятнее всего, возник для Зайцева вне характерного для писателя размышления о человеческом пути. Анна – сложная фигура, но мало изменяющаяся. Разумеется, писатель наделил свою героиню характерной для многих его персонажей особенностью – наличием своего микрокосма, «отрещенного от конкретного быта, от повседневья – как бы второго глубокого плана, возникающего в раздумьях наедине с собой» [Прокопов, 1999а, с. 20]. Однако для Анны не характерен путь нравственного и религиозного роста – его заменяет в романе трудничество и самопожертвование.

М. В. Скороходов склонен считать, что в повести «Анна» географические объекты, различные места объединяются воедино: «Мартыновка, Серебряное, Машистово с окрестными деревнями и полями воспринимаются как единое пространство, которое связывает то “сухой заморозок”, который “принес некое облегчение”, то белое “действие”, “которое называется метелью”, то сюжетные линии. Оби-

тателей усадеб и деревень связывают проселочные дороги и незаметные тропки. Это цельный мир, в котором все взаимосвязано: в Мартыновке выращивают свиней для продажи владельцам и гостям усадьбы в Серебряном, помещики из Серебряного приезжают в гости к Гайлисам на их хутор» [Скороходов, 2020b, с. 209]. Исследователь в данном случае приближается к еще одной возможной причине «неприятия» писателем своей повести. Дело в том, что автор, по всей видимости, стремился к большому обособлению усадебного дворянского мира с его культурой от всего остального уже советского общества. Однако получалось всё наоборот: Немешаевы просили у Гайлиса поросят и обещали их выкормить, при этом они сами нередко навещались с Гайлисам (и не брезговали обедами, ужинами и чаем). Обстановка небольшого домика Гайлисов, с засиженными мухами окнами, не отталкивает Немешаевых: Леночка искренне говорит, что к Гайлисам очень хорошо приезжать, чтобы покушать.

### Заключение

По всей видимости, Зайцев хотел развести непохожие миры в повести: показать примитивность и забитость фермеров, вынужденных проводить всю жизнь бок о бок с животными, и по контрасту изобразить закат дворянской культуры, надежду на ее воскресение в боль-

шом времени. Однако у писателя это не вполне получилось: разные миры оказались соотносимыми и объединяемыми. Не сыграл решающего действия для противопоставления разных культурных сред и авторский вневременной взгляд. Е. А. Мельникова отмечает, что «авторское дистанцирование в прозе Зайцева выражается в функционировании не только категории лица (субъекта), но и категории времени: для прозы писателя характерна временная дистанция, взгляд на прошлое “со стороны”, с позиций настоящего или “вечности”» [Мельникова, 2013, с. 37]. В повести очень тонко и проникновенно изображен природный мир, причем два значительных пейзажа являются не столько земными, сколько *небесными*. Первый пейзаж автор показывает нам в момент следования Матвея Мартыныча и Марты на убой свиньи. Герои, разумеется, не видят божественного в природе, но символы и знаки видит автор: «Белый снег, нынче родившийся, принес с высот заоблачных такую свежесть, такое бесплотное и как бы отрешенное благоухание, будто иной, прохладный и несколько грустный в нетленности своей мир сошел на землю. Все выбоины, колеи и заостренелые неровности запушил он. Нога ступала мягко, и то, что еще вчера терзало ее, нынче было уже погребено» [Зайцев, 1999, с. 374]. В этом пейзаже сочетаются и жизнь, и смерть, показано вечное

обновление природы, происходящее по воле высших сил. Второй пейзаж могла бы увидеть во всем его великолепии Анна, но она его почти не заметила. Примечательно, что пейзаж этот связан с парком в Серебряном: в то, что парк и впрямь становится *серебряным*, автором закладывается особый смысл – парк этот как бы благословляется свыше быть таким, каким он был во времена дворянской усадебной культуры: «Парк Серебряного был сейчас очень серебрян, весь в инее, в тихом обворожении, густо и сонно заметены его аллеи. Где-то сквозь облака слегка сочится солнце. Не солнце, а бледный на него намек, добрый знак – не вполне мир осиротел. Но и от знака уж искрятся по полям и в тишине аллей парка удивительные алмазы, нежно и мелко переливаются» [Зайцев, 1999, с. 389–390].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повесть «Анна» не случайно оказалась в некоторой нелюбви у самого автора. Причина такого отношения писателя к произведению заключается, как мы постарались показать, в том, что Зайцеву не удалось полностью развести и противопоставить различные культурные плоскости, не удалось вознести на желаемую высоту образцы дворянской культуры. Последняя, конечно, не оказалась развенчиваемой в повести, однако за счет изображения слабых и недеятельных героев-дворян и сильной

героини из другого стана писатель в разы усилил тему дворянского оскудения. Ю. И. Айхенвальд писал: «То что для остальных слитно, для Зайцева раздельно, и оттого мир, казалось бы исчерпанный, развернул перед ним новые непочатые области» [Айхенвальд]. Несмотря на тот факт, что сам писа-

тель прохладно относился к повести «Анна», это произведение стало одним из новаторских для него как в плане содержания, так и в плане композиции – в повести оказались совмещены разные точки зрения и взгляды на жизнь, благодаря чему она получилась максимально объемной и реалистичной.

#### Библиографический список

1. Адамович Г. Борис Зайцев. URL: [http://az.lib.ru/z/zajcew\\_b\\_k/text\\_1955\\_boris\\_zaitzev.shtml](http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1955_boris_zaitzev.shtml). (Дата обращения: 26.07.2023).
2. Айхенвальд Ю. И. Борис Зайцев. URL: [http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd\\_j\\_i/text\\_0118.shtml](http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0118.shtml). (Дата обращения: 26.07.2023).
3. Андреева В. Г. История дворянства в пореформенное время в книге С. Н. Терпигорева (С. Атавы) «Оскудение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 3. С. 105–109.
4. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. №1(52). С. 107–119.
5. Богданова О. А. «Незолотая старина»: опыт негативной рецепции «усадебной культуры» на рубеже XIX–XX вв. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 252–269.
6. Вилесова М. Л. Антропологическая функция пространства в малой прозе Б. К. Зайцева 1920-х / М. Л. Вилесова, М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 53–62.
7. Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2014. 166 с.
8. Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 3. Москва : Русская книга, 1999. 578 с.
9. Кузьмин М. А. Русская усадебная культура и ее особенности в XXI веке // Вестник славянских культур. 2011. Т. 20, №2. С. 43–49.
10. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
11. Любомудров А. М. Их эпистолярного наследия Б. К. Зайцева (По материалам петербургских архивов) // Русская литература. 2001. № 3. С. 162–186.
12. Мельникова Е. А. Традиция и эксперимент в прозе Б. К. Зайцева // Русская речь. 2013. № 6. С. 33–38.
13. Пантелеев И. В. Становление христианского мировоззрения Б. К. Зайцева в имени Притыкино (1901–1922) // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 98–101.

14. Прокопов Т. Ф. Восторги и скорби поэта прозы. Борис Зайцев: веки судьбы // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 1. Москва : Русская книга, 1999а. С. 6–27.
15. Прокопов Т. Ф. «Все написанное мною лишь Россией и дышит...». Борис Зайцев в эмиграции // Зайцев Б. К. Полн. собр. соч. в 11 т. Т. 2. Москва : Русская книга, 1999б. С. 3–26.
16. Рассказова Л. В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2(15). С. 44–49.
17. Селиверстова Н. М. Социокультурная роль дворянина в пространстве русской деревни накануне и в период реформ 60–70-х гг. XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1(61). С. 171–175.
18. Скороходов М. В. Идеал усадьбы в жизни и творчестве Б. К. Зайцева // Русская словесность. 2020а. № 6. С. 52–58.
19. Скороходов М. В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е. В. Глухова. Москва : ИМЛИ РАН, 2020б. 272 с.
20. Сямина О. В. Русская революция 1917 года в судьбе дворянских «родовых гнезд» Самарского и Липецкого краев // Поволжский вестник науки. 2020. № 2(16). С. 31–40.
21. Rzhovsky Leonid, Donald S. Short. Boris Zaitsev at Eighty. Books Abroad 35, 1961, no. 4, pp. 328–329.
22. Struve, Gleb. Current Russian Literature: VII. Boris Zaitsev. The Slavonic and East European Review, 1939, vol. 17, no. 50, pp. 445–451.

#### Reference list

1. Adamovich G. Boris Zajcev = Boris Zaitsev. URL: [http://az.lib.ru/z/zajcev\\_b\\_k/text\\_1955\\_boris\\_zaitsev.shtml](http://az.lib.ru/z/zajcev_b_k/text_1955_boris_zaitsev.shtml). (Data obrashhenija: 26.07.2023).
2. Ajhenval'd Ju. I. Boris Zajcev = Boris Zaitsev. URL: [http://az.lib.ru/a/ajhenvalxd\\_j\\_i/text\\_0118.shtml](http://az.lib.ru/a/ajhenvalxd_j_i/text_0118.shtml). (Data obrashhenija: 26.07.2023).
3. Andreeva V. G. Istorija dvorjanstva v poreformnoe vremja v knige S. N. Terpigoreva (S. Atavy) «Oskudenie» = The history of the nobility in the post-reform period in S. N. Terpigorev's (S. Atava's) book “The Impoverishment” // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. T. 19, № 3. S. 105–109.
4. Andreeva V. G. Obraz usad'by i rodnoj zemli v povestjah i romanah A. I. Jertelja = The image of the estate and native land in the novellas and novels of A. I. Ertel // Novyj filologicheskij vestnik. 2020. №1(52). S. 107–119.
5. Bogdanova O. A. «Nezolotaja starina»: opyt negativnoj recepcii «usadebnoj kul'tury» na rubezhe XIX–XX vv. = “Ungolden antiquity”: the experience of negative reception of “estate culture” at the turn of the XIX-XX centuries // Studia Litterarum. 2020. T. 5, № 3. S. 252–269.

6. Vilesova M. L. Antropologičeskaja funkcija prostranstva v maloj proze B. K. Zajceva 1920-h = Anthropological function of space in B. K. Zaitsev's minor prose of the 1920s / M. L. Vilesova, M. A. Hatjamova // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2016. № 1. S. 53–62.
7. Zaharova V. T. Pojetika prozy B. K. Zajceva = B. K. Zaitsev's prose poetics. Nizhnij Novgorod : Mininskij universitet, 2014. 166 s.
8. Zajcev B. K. Polnoe sobranie sochinenij = Full composition of writings : v 11 t. T. 3. Moskva : Russkaja kniga, 1999. 578 s.
9. Kuz'min M. A. Russkaja usadbnaja kul'tura i ee osobennosti v XXI veke = Russian estate culture and its specifics in the XXI century // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2011. T. 20, №2. S. 43–49.
10. Ljubomudrov A. M. Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ja: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev = Spiritual realism in the literature of the Russian emigration: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. 272 s.
11. Ljubomudrov A. M. Ih jepistoljarnogo nasledija B. K. Zajceva (Po materialam peterburgskih arhivov) = From B. K. Zaitsev's epistolary heritage (based on St. Petersburg archives) // Russkaja literatura. 2001. № 3. S. 162–186.
12. Mel'nikova E. A. Tradicija i jeksperiment v proze B. K. Zajceva = Tradition and experiment in B.K. Zaitsev's prose // Russkaja rech'. 2013. № 6. S. 33–38.
13. Panteleev I. V. Stanovlenie hristianskogo mirovozzrenija B. K. Zajceva v ime-nii Pritykino (1901–1922) = The formation of B. K. Zaitsev's Christian worldview in Pritykino estate (1901-1922) // Formirovanie nacional'no-duhovnoj identičnosti v sovremennom sociokul'turnom prostranstve. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P. P. Cemenova-Tjan-Shanskogo, 2022. S. 98–101.
14. Prokopov T. F. Vostorgi i skorbi pojeta prozy. Boris Zajcev: vehi sud'by = The delights and sorrows of a prose poet. Boris Zaitsev: milestones of his fate // Zajcev B. K. Poln. sobr. soch. v 11 t. T. 1. Moskva : Russkaja kniga, 1999a. S. 6–27.
15. Prokopov T. F. «Vse napisannoe mnoju lish' Rossie i dyshit...». Boris Zajcev v jemigracii = “Only Russia all I have written breathes ...”. Boris Zaitsev in emigration // Zajcev B. K. Poln. sobr. soch. v 11 t. T. 2. Moskva : Russkaja kniga, 1999b. S. 3–26.
16. Rasskazova L. V. Razgrom dvorjanskih usadeb (1917–1919): oficial'nye dokumenty i krest'janskije praktiki = The destruction of the nobility estates (1917-1919): official documents and peasant practices // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2010. № 2(15). S. 44–49.
17. Seliverstova N. M. Sociokul'turnaja rol' dvorjanina v prostranstve russkoj derevni nakanune i v period reform 60–70-h gg. XIX veka = The sociocultural role of the nobleman in the Russian village on the eve and during the reforms of the 60-70s of the XIX century // Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11-1(61). S. 171–175.
18. Skorohodov M. V. Ideal usad'by v zhizni i tvorčestve B. K. Zajceva = The ideal estate in B. K. Zaitsev's life and work // Russkaja slovesnost'. 2020a. № 6. S. 52–58.
19. Skorohodov M. V. Pomeshhich'ja usad'ba v russkoj literature konca XIX – pervoj treti XX v.: mezhdisciplinarnyj podhod = The landowner's estate in Russian literature of the late 19th - first third of the 20th century: an interdisciplinary approach / otv. red. E. V. Gluhova. Moskva : IMLI RAN, 2020b. 272 s.

20. Sjamina O. V. Russkaja revoljucija 1917 goda v sud'be dvorjanskih «rodovyh gnezd» Samarskogo i Lipeckogo kraev = 1917 Russian revolution and the fate of the nobility “family nests” of the Samara and Lipetsk regions // Povolzhskij vestnik nauki. 2020. № 2(16). S. 31–40.

21. Rzhevsky Leonid, Donald S. Short. Boris Zaitsev at Eighty. Books Abroad 35, 1961, no. 4, pp. 328–329.

22. Struve, Gleb. Current Russian Literature: VII. Boris Zajtsev. The Slavonic and East European Review, 1939, vol. 17, no. 50, pp. 445–451.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 20.09.2023.

The article was submitted on 19.06.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication on 20.09.2023

**Мир русскоговорящих стран**

**俄语国家评论**

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 3 (17)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 22 п. л., 10,66 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 160. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 25.10.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический  
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный  
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44